

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ОНТОЛОГИЯ И АКСИОЛОГИЯ ПРАВА

*Тезисы докладов и сообщений
Двенадцатой международной научной конференции*

(23–24 октября 2025 г.)

Омск
ОмА МВД России
2025

УДК 340(082)

ББК 67.0

О-59

Редакционная коллегия:

- С. К. Буряков — кандидат политических наук (*председатель*);
Д. В. Попов — доктор философских наук, доцент (*зам. председателя*);
Г. Ч. Синченко — доктор философских наук, профессор;
А. А. Морозов — кандидат исторических наук, доцент (*отв. секретарь*)

- О-59 **Онтология и аксиология права :**** тезисы докладов и сообщений
Двенадцатой междунар. науч. конф. (Омск, 23–24 октября
2025 г.) / под ред. С. К. Бурякова. — Омск : Омская академия МВД
России, 2025. — 184 с.

ISBN 978-5-88651-890-0

В сборнике представлены тезисы докладов, раскрывающие сущность и закономерности развития правовой реальности, познания права, вопросы соотношения права, морали и религии.

Материалы, представленные в сборнике, адресованы философам, социологам, культурологам и всем интересующимся проблемами философии права.

УДК 340(082)

ББК 67.0

ISBN 978-5-88651-890-0

© Омская академия МВД России, 2025

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ, ЦЕННОСТНЫЕ И УТИЛИТАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА. ПРАВО В ПРОСТРАНСТВЕ РЕГУЛЯТОРОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Н. И. Мартишина

(г. Новосибирск)

Нормативность как сущностное свойство культуры

В противоположность «натуре» — естественной, нетронутой природе — слово «культура» означало у римлян возделанную, обработанную землю. При всех последующих трансформациях этого понятия вплоть до его превращения в один из самых фундаментальных терминов социально-гуманитарного знания аспект противопоставления культуры — организованного, оформленного уровня бытия человека — природному, необработанному, дикому в нем сохранялся. Именно поэтому одним из системообразующих элементов культуры, ее элементарной единицей может быть признана культурная норма — предписание или установленный образец реализации какого-либо культурного процесса, «человеческий», правильный способ его осуществления, в отличие от стихийно складывающегося.

И. Я. Лойфман, формулируя тезис «Культура появляется там, где начинается правило» [1, с. 85], связывает его обоснование в культурологии и с идеями К. Леви-Стросса, который рассматривал культуру как совокупность «установлений», обеспечивающих («обслуживающих») социальную жизнь общества, прежде всего, в системе социальных взаимодействий: «Культура состоит не исключительно из норм собственно ей присущей коммуникации (как, например, язык), но также (и, может быть, прежде всего) из правил, применимых во всякого рода коммуникационных играх» [2, с. 265]. Можно добавить, что идея нормативности как основополагающего, сущностного свойства культуры в том или ином виде обнаруживается и в других классических концепциях культуры.

Например, в трактовке З. Фрейда культура начинается с установления первых запретов и разграничения тем самым социально приемлемого и неприемлемого. В «Тотеме и табу» З. Фрейд, ссылаясь на В. Вундта, называет табу «самым древним неписанным законодательным кодексом человечества» и указывает, что оно «древнее богов» [3, с. 214]. В игровой концепции культуры Й. Хейзинга связь с идеей нормативности культуры становится очевидной, как только мы вспоминаем, что игра невозможна без правил, и т. д. [4, с. 207].

Широкая трактовка нормы («нормативного установления») как элементарной единицы культуры и универсального регулятора культурной деятельности дает возможность, во-первых, отнести к разновидностям культурной нормы различные культурные формы, объединенные при этом своим функциональным значением: привычки, обычаи и традиции; манеры, этикет, обряды; нравы и запреты; закон и право; моду и увлечения; ценности и идеалы; знания, верования и мифы [5, с. 94–108]. Во-вторых, оказывается возможным выделить основные типы культурных норм. А. Я. Флиер различает в этом качестве статистические нормы, складывающиеся стихийно и становящиеся массовыми обыкновениями (например, правила соседского общежития); конвенциональные нормы, являющиеся результатом явных и неявных договоренностей внутри локализованных и консолидированных социальных групп (например, правила хорошего тона); институциональные нормы, закрепленные в официальных документах и опирающиеся на авторитет власти; эталонные нормы, которые «создаются или манифестируются в качестве образца для подражания, в соответствии с актуальным культурным стандартом» [6]. Правовые нормы в этой типологии относятся, конечно, к типу институциональных.

Рассмотрение правовых норм в контексте универсальности нормативного регулирования всех сторон бытия культуры до некоторой степени отлично от стандартного определения их статуса в сравнительном анализе (например, в оппозиции мораль — право). Такой подход акцентирует внимание на органичности, объективной необходимости и функциональности норм в культуре. Согласно теории социального конструирования любой устанавливаемый социальный порядок проходит этап отбора и фиксируется в том случае, если оказывается оптимальной формой осуществления социального действия. «Общество, будучи диссипативной структурой, вырабатывает определенное социальное поведение, чтобы сохранять стабильность и устойчивость своего существования в нестабильной внешней среде. Возникновение норм становится необходимым механизмом детерминации деятельности, направленной на выживание че-

ловечества» [7, с. 85]. Право предстает как одно из воплощений всеобщего процесса социокультурного нормирования, сложившееся в дифференциации изначальных «мононорм» как синкретических первичных регуляторов в непосредственной связи с идеями справедливости, добра, правильного.

Именно такой подход непосредственно соотносит право с индивидуальным уровнем его освоения, поскольку вхождение личности в то или иное сообщество имеет, с его точки зрения, своим главным содержанием усвоение и принятие в качестве регуляторов собственного поведения норм, которые действуют в этом сообществе. Что касается возрастной психологии, то становление личности осуществляется через взаимодействие с «системой иерархически заданных нормативных ситуаций», в котором «ребенок присваивает культурные единицы, предъявляемые в виде правил и норм» [8]. Закрепление сложившейся имманентной системы нормативного регулирования происходит через подтверждение того факта, что эти нормы поддерживаются сообществом, к которому человек себя относит, реально действуют («мы так поступаем»). Дальнейшее представление человека о себе связывается с его способностью сохранять приверженность выбранным нормам в меняющихся социальных обстоятельствах, демонстрируя «ответственность, жизнестойкость и верность себе как самотождественность» [9, с. 196]. В некотором смысле осознанное отношение к действующему праву, преодоление стихийного правового нигилизма рассматриваются в данном контексте как параметры личностной зрелости.

Наконец, взгляд на культуру как, прежде всего, на нормативную систему углубляет теоретические основания для изучения вызовов эпохи, поскольку вызов предстает как появление в пространстве культуры не похожих на ее собственные, альтернативных норм, что приводит к конфликтам, расщеплению нормативного поля, различным проявлениям аддиктивности и кризису идентичности. Не только общие социокультурные процессы, но, как показывает практика, и конкретные проблемы применения правовых норм могут быть связаны именно с нормативными конфликтами на стыке взаимодействия различных культур [10, с. 634].

Список источников

1. Лойфман И. Я. Культура как плодотворное существование // Двадцать лекций по философии. Екатеринбург, 2001.
2. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985.
3. Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. «Я» и «Оно»: работы разных лет. Т. 1. Тбилиси, 1991.

4. Хейзинга Й. Человек играющий / сост., предисл. и перевод Д. В. Сильверстова. СПб., 2011.

5. Кравченко А. И. Культурология. М., 2010.

6. Флиер А. Я. Культурные нормы и культурные образы: историческая динамика // Культура культуры. 2018. № 3. URL: <http://cult-cult.ru/cultural-norms-and-cultural-images-historical-dynamics> (дата обращения: 11.01.2024).

7. Костина Р. Г., Родина Е. Н., Чекушкина Е. Н. Генезис моральных, религиозных и правовых норм как предмет философского анализа // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 3(35).

8. Баянова Л. Ф. Ребенок как субъект в нормативном пространстве культуры // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rebenok-kak-subekt-v-normativnom-prostranstve-kultury> (дата обращения: 11.01.2024).

9. Соколова Е. Т. Утрата Я: клиника или новая культурная норма? // Эпистемология и философия науки. 2014. № 3.

10. Якушева Н. Е. Дефекты юридических составов как следствие нарушения культурных норм // Юридическая техника. 2016. № 10.

Г. Ч. Синченко

(г. Омск)

Модели соотношения политико-правовой практики и теоретико-философской рефлексии в условиях радикальных перемен

Эпоха Модерна ознаменовалась серией революций и в умах, и в общественном бытии. По линии социальной философии и теории права в этом дуэте приняли участие рационалистическая редакция юснатурализма, теория общественного договора, либерализм, конституционализм, концепция светского правового государства, а тем самым и юридический позитивизм, включая крайнюю легистскую его форму, выступающую теоретическим выражением принципа государства, основанного на общезначимом законе, а не традиции, религии, комплексе феодальных зависимостей. По линии объективных общественных процессов с коренными духовными сдвигами соотносятся буржуазные революции в Англии и Франции, независимость Северной Америки, многополярная система международных отношений коллективных атомов механистической кар-

тины социального мира — суверенных государств, прежде всего и главным образом Европы.

Безусловно, обе линии не просто параллельны, а взаимосвязаны. Не случайно ведущий деятель политического переустройства Европы после наполеоновских войн и главный организатор Венского конгресса 1815 г. австрийский дипломат К. фон Меттерних возил с собой «катехизис» механицизма «Изложение системы мира» П.-С. Лапласа [1], а первый президент США Дж. Вашингтон так и не вернул в библиотеку трактат швейцарского юриста XVIII в. Э. де Ваттеля «Право народов, или Принципы естественного права» [2]. Наконец — если остановиться только на наиболее зримых и локальных результатах внедрения идей Модерна в объективное право — отметим функционирующий в реформированном виде по сей день Кодекс Наполеона 1804 г., который, еще по замечанию молодого Маркса, «берет свое начало не от Ветхого Завета, а от идей Вольтера, Руссо, Кондорсе, Мирабо, Монтескье и от французской революции» [3, с. 112].

Единственно сопоставимым по глубине изменений как политической и экономической карты мира, так и ментальной карты установок и рефлексов мироосмысления может быть назван период после Второй мировой войны и до, условно, рубежа третьего тысячелетия. Говоря об этом времени, в аспекте международной политики и права мы без труда перечислим ялтинско-потсдамский биполярный миропорядок, ООН и деколонизацию. Доктринальные философско-правовые трансформации также имели место. Цунами войны заново обнажило вопросы свободы, справедливости, морали, гуманизма, тем самым оживив дискурс естественного права. Сказанное отчетливо проявилось в цикле Нюрнбергских военных трибуналов, проведенных США от имени международного права над нацистскими военными преступниками различных категорий. На этих процессах состязание сторон осуществлялось в том числе как столкновение двух правосознаний — этатистски-позитивистского, основанного на логике закона и строгом отграничении вопросов морали и права, и эластичного прецедентного, вращающегося вокруг концепции надлежащей процедуры и отличающегося более широкими взглядами на юридический вес моральных аргументов.

Личностную манифестацию возрождение естественного права получило в трансформации взглядов немецкого юриста Г. Радбруха, которого критический анализ практики нацизма привел к знаменитой формуле «Если законы сознательно попирают волю справедливости, например, предоставляя тому или иному лицу права человека или отказывая в них

исключительно по произволу, то в этих случаях подобные законы недействительны, народ не обязан подчиняться им, а юристы должны найти в себе мужество не признавать их правовой характер» [4, с. 226].

В 1958 г. развернулась полемика между Г. Хартом и Л. Фуллером. Источник проблемы лежал в области юридической практики: судьи считали недопустимым применение нацистских законов, которые могли послужить оправданием для тех, кто совершил морально неприемлемые поступки, а ее решение (по существу, решение все той же проблемы соотношения законности и справедливости) два крупнейших западных правоведа своего времени искали в области теории [5; 6]. Выдвинем предположение о логической связи между этим диалогом и выходом в 1961 г. книги Харта «Понятие права» [7], признанной одним из самых значительных философско-правовых произведений XX в. Далее, не лишена смысла гипотеза, что в том же концептуальном контексте сформировалась предвосхищенная еще в 1912 г. русским ученым А. С. Яценко интегративная тенденция, т. е. проект объединения сильных сторон юснатурализма, исторического подхода к праву и различных версий юридического позитивизма [8].

Итак, в хронологическом горизонте глубиной до пятисот лет два рубежа войн и революций, с которыми мы так или иначе соотносим крупные периоды истории, вписываются в зависимость, отмеченную в 1946 г. председателем Комиссии ООН по военным преступлениям лордом Райтом для международного права: «Период роста обычно совпадает с периодом мировых потрясений. Давление необходимости стимулирует влияние естественного права и моральных идей и превращает их в нормы права, сознательно и открыто признаваемые общим мнением цивилизованного человечества» [9, р. 555]. Вместе с тем нельзя сказать, что данная зависимость может быть уверенно зафиксирована для этапа, охватывающего Первую мировую войну и ее прямые последствия. Если ее художественный отголосок (скажем, романы Э. М. Ремарка и Э. Хэмингуэя) невозможно не заметить, то в других областях духовной культуры все очень неоднозначно. Так, появившийся в межвоенный период экзистенциализм — это больше философское «отключение» от права, чем вариант его философии, а представляющие «экзистенциальную философию права» труды В. Майхофера и Э. Фехнера не инициировали широкого течения и относятся к 60–80-м гг., т. е. совсем к другому времени; собственно же философско-правовая мысль, похоже, в целом находилась в пассивном состоянии.

Переходя к сфере политики и права, также наталкиваемся на вполне реальные, но оставшиеся паллиативными попытки переделать мир с уче-

том трагического опыта: Совместная декларация США, Великобритании и России от 29 мая 1915 г., в которой впервые прозвучало понятие преступлений против человечности; подготовленные специальной Комиссией списки военных преступников; безрезультатная попытка привлечь их к ответственности согласно Версальскому договору 1919 г.; шаги в направлении системы международной безопасности и опыт первой межправительственной организации для поддержания мира, т. е. Лиги наций... Что помешало этой системе удержать человечество от следующей и еще более страшной войны — вопрос особый. А для нас за этим вопросом встает еще один, гораздо более актуальный. По какой модели — модели глубоких и интенсивных практических духовно-теоретических, в том числе философско-правовых трансформаций, или по модели разрозненных дипломатических, политических, экономических инициатив и таких же фрагментарных концептуальных разработок — дело будет двигаться сейчас, когда человечество вступило в полосу очередного перераспределения сфер влияния и переконфигурации системы отношений в региональном и планетарном масштабе.

Список источников

1. *Лаплас П.-С.* Изложение системы мира / пер. В. М. Васильева; изд. подгот. В. М. Васильева, А. А. Михайлова. Л., 1982.
2. *Ваттель Э.* Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960.
3. *Маркс К.* Передовица в № 179 «Kolnische Zeitung» // Маркс К., Энгельс Ф. : соч. 2-е изд. Т. 1.
4. *Радбрух Г.* Пять минут философии права // Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
5. *Харт Г. Л. А.* Позитивизм и разграничение права и морали // Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М., 2017.
6. *Фуллер Л. Л.* Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту // Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М., 2017.
7. *Харт Г. Л. А.* Понятие права / под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб., 2007.
8. *Графский В. Г.* Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 3.
9. *Lord Wright.* War Crimes under International Law. In: The Law Quarterly Review, LXII, January 1946.

А. Ш. Руди

(г. Омск)

Единичное, особенное и всеобщее в онтологическом понимании права

Онтология права представляет собой раздел философского знания, посвященный проблемам возможности и специфики существования права, а также сущности правовых норм и реальности. Онтология права решает в числе прочих задачу систематизации онтологических категорий, применимых к феноменам права [1, с. 278]. Ключевыми среди таких категорий являются всеобщее, особенное и единичное, позволяющие осуществлять рефлексию как бытия вообще, так и отдельных его форм. Анализ указанных категорий восходит к порожденному идеями Платона и составившему центральную проблематику средневекового спора об универсалиях. Вопрос о том, как именно существует единичное (сущее), раскрывая в себе общее — особенное или всеобщее (сущность), является вечным, нетривиальным, требующим осмысления в каждом отдельном случае теоретизации.

Так, применительно к правовой теории, категории всеобщего, особенного и единичного могут распознаваться не как характеристики явлений и процессов социальной реальности, а как свойства знаний об этих процессах и явлениях, и потому относятся рядом исследователей исключительно к гносеологическому аппарату описания и объяснения правовых норм, но не к самой регулируемой правом реальности. В правоприменительной деятельности данный категориальный аппарат актуализируется, например, при необходимости толкования, применения юридических норм, разрешения коллизий между ними, преодоления конкуренции норм [2, с. 6–7].

Право действительно нормативно сводит живое разнообразие единичного и особенного в социальном пространстве к некому императивно определенному общему знаменателю. В этом смысле право «окультуривает» (в первичном этимологическом понимании «культуры» как возделывания) естественные, стихийные формы взаимодействия социальных субъектов. Метафизическая, сверхчувственная природа правового сознания, формирующего независимые от эмпирии теоретические конструкты, обнаруживается в его влиянии на восприятие индивидом социального мира: «человек видит и понимает мир так, как он дан ему в его теоретических схемах; ... на поведение человека, который действует согласно своим представлениям о долге, чести, справедливости и т. д.» [3, с. 221]. В то же время понятно, что различия индивидуального и нормативного правового регулирования, частного и публичного права не существовало бы в абстракт-

ных координатах юридической науки, если бы оно не обнаруживалось в практике правового регулирования [4].

Поскольку бытие как фундаментальная онтологическая категория фиксирует все подлинно существующее как целостное многообразие, постольку понятие бытия права указывает на действительность права, каким бы специфическим не казалось его существование наряду с различными формами бытия. Определенно, право относимо к бытию идеального, социального, духовного. Оно существует в ряду объективированных установлений, организующих и наполняющих смыслом бытие человека и общества [5, с. 12]. Право с онтологической точки зрения существует объективно и необходимо. Случайное, безосновное, незакономерное не обладает онтологическим статусом. Объективность права, обусловленная прежде всего обеспечением юридическими нормативами предсказуемого общественного порядка, сохранения сообщества как устойчивой культурно-политической целостности, явлена независимостью права от воли отдельного социального субъекта, индивида. Нормы права могут нарушаться (поэтому к ним сложно применить эмпирический критерий существования), но не могут быть отменены человеком, для которого в конечном итоге организация правовой реальности обладает не меньшей силой принуждения, чем законы реальности природной.

Бытийствование права возможно в силу понимания природы права как должного и всеобщего. Ситуативно существующие отношения, нагруженные умопостигаемым смыслом или лишенные его, воплощающие или не реализующие собой ценности сообщества, прежде всего, справедливости и законности, могут быть рассмотрены как феномены единичного. Сущность права заключается в предоставлении защиты и обеспечении возможности сохранения общественных отношений, признаваемых в качестве должных, сущностных, всеобщих. Так, в рамках правовой реальности устанавливается категория особо значимых произведений искусства, обладающих подлинной художественной, исторической, культурной ценностью, подлежащих защите и сохранению посредством правовых механизмов, в том числе надгосударственных (по характеру регулирования). Особая значимость, требующая внимания института государства или надгосударственных организаций, определяется степенью выраженности общего (всеобщего) в единичном материальном или нематериальном объекте. Так, примерами всемирного культурного наследия, защищаемого ЮНЕСКО, могут быть, помимо архитектурных объектов и природных феноменов, национальные кулинарные традиции, различные народные обычаи. Взаимосвязь всеобщего и единичного просле-

живается в сочетании статуса *всемирного* достояния с требованием *уникальности* среди критериев отбора культурных феноменов в перечень объектов правовой защиты. В свою очередь международное право, представляемое в качестве специфической, внесударственной правовой системы в анализируемом ракурсе зрения, направлено на защиту норм общего, по отношению к государствам и национальным сообществам характера. Обнаружение всеобщего смысла, обладающего потенциалом разрешения и запрета определенных взаимодействий в отношении различных культурных и правовых пространств, — задача повышенной теоретической и практической сложности. Возможность ее решения может мыслиться, например, в параллели с актуализацией закона категорического императива. Правовая компаративистика в своих исследованиях исходит из признания действительного существования, с одной стороны, «фундаментальных и присущих всем правовым системам установок и ценностей, направленных на реализацию начал нравственности и справедливости», и с другой стороны, исполнения этих принципов «в контексте различных культур и цивилизаций, которые характеризуются особенными и нередко уникальными (индивидуальными) чертами» [4, с. 115]. Субъектам, имеющим опыт осуществления собственной *единичной* жизнедеятельности в многоязычном, полирелигиозном и поликультурном пространстве, известен уровень абстрагирования от нормативной среды особенного типа к нормированию *общего* характера.

В исследовательском дискурсе резонно отмечается особенность онтологического статуса права, сводимая, в частности, к непрерывному признанию значимости правовых норм, обеспечивающих деятельное воспроизводство связей и отношений в социальной реальности. Норма может прекратить существование или временно перестать использоваться, или может существовать с различной интенсивностью (обладая, например, «слабым», колеблющимся бытием), или быть представленной на различных уровнях существования [5, с. 13]. Такое понимание онтологических механизмов помогает образно представить феномен становления социально-правовых нормативов. Установленная закономерность позволяет прояснить динамику развития единичного и всеобщего в их взаимосвязи: как только всеобщее исторически перестает быть таковым, содержание соответствующей правовой нормы устаревает, от нормы отказываются в практике социальной жизнедеятельности. Надо при этом иметь ввиду, что в социально-исторической динамике могут исчезать и сами отношения определенного вида, подчинявшиеся конкретному порядку правовой регуляции.

Список источников

1. Гаджиев Г. А. *Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности)* : монография. М., 2013.
2. Васильев А. А., Маньковский И. Ю., Куликов Е. А. Категории общего, особенного и единичного в праве: аспекты общей теории // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3.
3. Денисова Л. В. Метафизика как метод познания права в философии И. Канта // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 1, № 69.
4. Насыров Р. В., Иванов А. В. О категориях общего, особенного и единичного в сравнительном правоведении // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 4.
5. Мартишина Н. И. Онтология права и проблема критериев существования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 2.

Л. В. Денисова

(г. Москва)

Онтология потребностей и потребность в праве

Исследование в области онтологии права не может быть полным без рассмотрения проблем детерминизма. Исследованием социально-го детерминизма и встроенной в эту тематику онтологией потребности в 80-е гг. прошлого столетия занимались омские философы. Руководителем темы и бессменным редактором соответствующих сборников научных статей была Л. И. Чинакова. В 2008 г. издательство ОмГПУ выпустило ее монографию «Онтология потребностей». Завершая первую главу «Природа потребностей и их место в бытии общества», автор заключает: потребности являются «действенными побудительными силами деятельности людей» и «разные группы потребностей в различной степени выражают специфику именно человеческого бытия» [1, с. 25].

Вопрос о классификации потребностей не нашел отражения в указанной монографии. Однако многие исследователи, принимавшие так или иначе участие в обсуждаемой тематике [1, с. 9–13], называют, как правило, экономические, социальные (в узком смысле слова) и духовные потребности. Упоминания о потребностях, связанных с генезисом и функционированием права, не встречается.

Спустя годы другой выдающийся философ нашей современности доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной

философии МГУ имени М. В. Ломоносова К. Х. Момджян в исследовании, посвященном социальным потребностям, писал о необходимости выделения сугубо социальных «видоспецифических» потребностей в справедливости и свободе. Последнюю он называет потребностью в самоопределении и отмечает, что этот вид потребности лишь упоминается А. Маслоу, который не выделил ее в качестве самостоятельной духовной потребности [2, с. 103]. Характеризуя свободу как предмет потребности, следует, считает К. Х. Момджян, отказаться от известного ее разделения на позитивную и негативную. Свобода, утверждает он, всегда позитивна, но ее можно разделить на внешнюю и внутреннюю, и это различие имеет разное отношение к потребности в самоопределении. Внешняя свобода выражает и совокупность политических прав (таких как свобода слова, свобода совести, свобода собраний и т. п.), и совокупность «собственно социальных прав» (свобода иметь достаточно пищи, жилище и т. п.). Однако «внешняя свобода не является предметом видоспецифической, присущей всем людям без исключения потребности, выступая, скорее, как предмет организационного интереса, нужный не сам по себе, а как условие удовлетворения духовной потребности, предметом которой является свобода внутренняя» [2, с. 104]. В то же время, как нам представляется, именно в этом организационном интересе и таится источник потребности в праве вообще. Внутренняя свобода порождает, на наш взгляд, мораль. Она является «свободой *целестановки*, способностью человека самостоятельно определять свои жизненные приоритеты и *не делать* то, что он не считает нужным. Эту свободу сохраняет любой субъект, делающий собственный жизненный выбор» [2, с. 104]. А внешняя свобода, определяемая организационным интересом, ведет к появлению потребности в справедливости, которая отсутствует в «пирамиде Маслоу», но характеризуется в работе К. Х. Момджяна как «духовная потребность», имеющая «социентальную природу, т. е. порождающую субъект-субъектное, а не субъект-объектное отношение человека к миру» [2, с. 106]. Интересно отметить, что эта потребность, в основе которой лежит потребность в воздаянии («за соответствующее даяние»), носит весьма асимметричный характер. «Это значит, что у очень немногих людей она связана с требованием справедливости к другим, в то время как значительное большинство ожидает справедливости к самому себе. На несправедливый (в собственном понимании) приговор жалуются даже профессиональные преступники, избравшие себе занятие, попирающее все принципы справедливости» [2, с. 106].

Этот индивидуалистско-эгоистичный переко́с в справедливости, как ни странно, и порождает право, которое внешним и сугубо силовым,

властным образом нивелирует «перегибы» потребности в справедливости «только для себя любимого».

Рождение права из потребности отмечал также и С. С. Алексеев. Он один из немногих теоретиков права, кто проследил возникновение права в контексте становления цивилизации. Его размышления на эту тему содержат следующее замечание: «весьма примечательно (и это должно наводить на основательные размышления), что уже в то бесконечно далекое до нас „доисторическое“ время существовала острая и притом изначальная *потребность*, коренящаяся в природных, а, может быть, и в более глубоких основаниях — действовать по принципу „имею право“. Вера в право, *потребность* права выступила в качестве некоего исходного начала жизни разумных существ» [3, с. 186]. Именно из этого основания, из этой потребности рождается, на наш взгляд, право как космизирующее начало социального бытия, формирующее правопорядок, нормативное регулирование жизни и закрепляющееся, в конечном счете, в структурах позитивного права.

Список источников

1. Чинакова Л. И. Онтология потребностей : монография. Омск, 2008.
2. Момджян К. Х. К типологии человеческих потребностей. Статья третья. Социальные потребности человека // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2017. № 2.
3. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М., 1999.

В. Ю. Васечко

(г. Екатеринбург)

Реабилитация уголовной антропологии в позднесоветском криминологическом дискурсе¹

На протяжении нескольких десятилетий (1930–1960) научная проблематика, связанная с поиском и квалификацией биологических корней преступности, находилась под официальным запретом. Любые выска-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

зывания, где хотя бы в робкой форме предлагалось подойти к этой теме во всеоружии современного научного инструментария, привлекая данные психологии, психиатрии, антропологии, медицины и генетики, пресекались в зародыше. Исследования, которые в это время велись на Западе, гневно клеймились как «биологизаторство», «ломброзианство», и антигуманные попытки дать псевдонаучное обоснование расистским, фашистским, элитаристским и иным реакционным измышлениям. Краеугольным идейным камнем для советской криминологии служили положения об однозначно социальной природе преступности и всеисильной роли воспитания, которые были объявлены единственно верными и поставлены в неразрывную связь с идеологией марксизма-ленинизма.

Однако с середины 60-х гг. ситуация начала меняться. После окончательного отстранения группы Т. Д. Лысенко от рычагов управления советскими биологическими науками и снятия большинства административных запретов началось медленное возрождение не только советской генетики, но и криминальной антропологии. В криминологический дискурс стали возвращаться идеи, связывающие антисоциальное поведение с биологическими предпосылками и различного рода наследственными аномалиями.

Одной из первых работ, где было открыто заявлено, что идея Чезаре Ломброзо о существовании людей «преступного типа» является вполне научной, стала статья генетика В. П. Эфроимсона (1908–1989) «Родословная альтруизма» [1]. Наряду с аргументами в пользу того, что эволюция человека ведет к накоплению в его геномном типе задатков к общественно полезному, высоконравственному поведению («генов альтруизма»), автор писал о том, что в специфических социальных условиях может иметь место прямо противоположный процесс — закрепление в наследственных структурах элементов «преступного типа». Правда, излагая свои взгляды на преступность, ученый ссылаясь на США с их культом агрессивности, расовым неравенством и социальной несправедливостью, но было совершенно ясно, что выводы его должны относиться и к СССР, поскольку и здесь за полвека социализма преступность никуда не исчезла.

Выступление В. П. Эфроимсона, поддержанное опубликованным в том же номере «Нового мира» комментарием одного из крупнейших советских биологов академика Б. Л. Астаурова [2], не было случайным выкриком или недосмотром цензуры. В академической среде уже звучали голоса, требовавшие пересмотра ортодоксальных догм, освященных именами К. Маркса и В. Ленина. Биолог А. А. Нейфах (1926–1997) заявлял, что люди от природы весьма существенно различаются по своим интел-

лектуальным и художественным способностям, и потому власти должны создавать для особо одаренных детей специальные условия (хотя бы для ускорения темпов научно-технического прогресса и развития искусства). Философ, генетик и кибернетик А. А. Малиновский (1909–1996), сын известного большевика и мыслителя-марксиста А. А. Богданова, предлагал перестать бояться слова «евгеника», поскольку в самой идее улучшения человеческого рода нет ничего зазорного, а могут быть просто гуманные и негуманные формы ее использования. Организатор и первый руководитель Института медицинской генетики Академии медицинских наук, впоследствии и сам академик Н. П. Бочков (1931–2011) высказывался против тех, кто преувеличивает роль среды в формировании поведения человека, а по поводу «евгеники» замечал, что «жизнь покажет, приживется ли этот термин или нет» [3, с. 226].

Очень быстро выяснилось, что многие юристы также не окончательно зашорены официозными клише типа социальной, на все 100%, сущности преступности или того, что все дело в воспитании, а неисправимых преступников-де не бывает. Собственный профессиональный опыт учил их, что это не так (или, как минимум, не совсем так), и теперь они поняли, что получили возможность высказаться. В 1975 г. известный саратовский ученый И. С. Ной (1923–1997) выпускает монографию, в которой прямо утверждает, что одним из источников формирования криминального поведения является генотип [4, с. 37].

На это выступление юриста живо откликнулся радиобиолог Ю. Я. Керкис (1907–1977), один из крупнейших советских генетиков, в свое время изгнанный на периферию за отказ подчиниться группе Лысенко и порвать с «формальной генетикой». В журнале «Природа» появилась его рецензия на книгу И. С. Ноя, где подход саратовского профессора был однозначно поддержан, а рецензент, помимо этого, призвал советских юристов начать изучать биологию, которая совершенно необходима «им для правильной ориентации в некоторых сложных вопросах их профессиональной деятельности» [5, с. 150].

Были и другие юристы, которые так или иначе солидаризировались с И. С. Ноем. Г. А. Аванесов (1934–2014), исследовавший проблему криминологического прогнозирования, в качестве одной из причин совершения индивидом преступных действий назвал его врожденные свойства [6, с. 91]. А Б. С. Волков (1921–2004) в еще более категоричной форме, уже как непреложную истину, констатировал: «В настоящее время уже не подлежит никакому сомнению, что некоторые существенные психологические характеристики людей имеют генетический характер...»,

«биологические особенности оказывают большое влияние на формирование социальной установки личности» и указывал, что физиологические качества и психологические свойства, присущие данной конкретной личности, вполне «могут стать обстоятельствами, с необходимостью определяющими поведение человека» [7, с. 80, 85], включая, разумеется, и девиантное поведение.

Однако если судить о криминологической литературе той эпохи в целом, то следует признать, что единомышленники Эфроимсона, Ноя, Волкова и других все-таки остались в явном меньшинстве. В словарях продолжала превалировать прежняя искаженная и примитивная трактовка концепции Ломброзо, которая, мол, «игнорирует социальную обусловленность преступности, историческую изменчивость и относительность самого понятия преступления». Причем внимание читателя фиксировалось на том факте, что «первые же проверки таблиц Ломброзо опровергли его данные и показали, что идея о существовании прирожденного преступника ошибочна» [8, с. 325], словно за уже минувшие столетия ничего нового наука в пользу этой идеи не сказала. Имя Эфроимсона фигурировало в печати преимущественно в негативных коннотациях [9; 10]. В критической статье М. Д. Шаргородского, целиком посвященной опровержению Эфроимсона и напечатанной в том же журнале «Новый мир» (№ 5 за 1972 г.), где ранее появилась «Родословная альтруизма», повторялись все те же застарелые штампы, которые атрибутировали советскую «теоретическую» криминологию, начиная с 1930-х гг.:

- о недопустимости признания генетической обусловленности криминальных наклонностей даже в ограниченном объеме («признание того, что преступность хотя бы частично может быть объяснена биологически, исключает возможность полной ликвидации преступности путем применения социальных мер» [10, с. 629]);

- об антагонистических социальных противоречиях как основной причине, генерирующей преступность, и бессмысленности борьбы с преступностью, пока эти противоречия существуют («в условиях эксплуататорского строя преступность порождается антагонистическими противоречиями внутри общества, и существование преступности неизбежно, пока эти противоречия не будут уничтожены» [10, с. 631]);

- о социальном пессимизме как предпосылке и как следствии биокриминологии («генетическое объяснение преступности приводит нас к выводу о неизбежности зла на земле ...» [10, с. 634]);

- об однозначно внешней социальной детерминированности криминального поведения («мы же исходим из того, что преступность по-

рождается обстоятельствами и надо, стало быть, сделать эти обстоятельства достойными человека» [10, с. 634]) и т. д.

Ведущие профессора продолжали и на лекциях, и в своих учебных пособиях, и в серьезных книгах упрямо твердить, что неисправимых преступников нет, и даже в солидной монографии 1991 г. игнорировалось существование когда-то в уголовном праве России антропологической школы (хотя подробно рассказывалось о классическом и социологическом направлениях), зато не упускалось возможности лишний раз указать на необходимость продолжения «борьбы с неоломброзианством» [11].

Апофеозом борьбы ортодоксов с теми, кто посмел усомниться в незыблемости навязывавшихся с 1930-х гг. догматов, стал массовый тираж в 1982 г. коллективного труда под названием «Генетика, поведение, ответственность», переизданного с незначительными изменениями уже в годы перестройки в 1989 г. [12]. Все трое его авторов (двое юристов и один биолог) были весьма уважаемыми людьми, имея высокие академические звания и занимая ключевые посты в научных учреждениях страны. В своем произведении они постарались расставить точки над «i» в длившейся уже 10 лет полемике с привлечением самого разнообразного материала, включая эмпирические данные и иностранные источники, убедить, наконец, советских читателей в том, что верить тем, кто идет на поводу «ломброзианцев» и «фрейдистов», нельзя.

Хотя в ряде случаев авторы и делали уступки уже устоявшимся в мировой науке концепциям, признавая, например, необходимость «выявления наиболее характерных психологических типов преступников» [12, с. 240], допуская возможность использования понятия «личность преступника» [12, с. 181–189] или говоря о «значении криминологического-генетического исследования» [12, с. 92], главная их цель состояла не в этом. Основное внимание уделялось ими опровержению взглядов своих идейных противников, которые почти не назывались по имени (за исключением Эфроимсона, которому были посвящены довольно значительные фрагменты [12, с. 162–166, 175–176, 229]), а фигурировали под различными псевдонимами и ярлыками. Для создания впечатления, будто мы имеем дело не просто с научными оппонентами, а с идейно чуждыми советскому строю людьми, книга была обильно сдобрена цитатами из Маркса и Ленина, которые выглядели бы странно, если речь шла о сугубо научно-теоретическом обсуждении некоторой реальной эпистемологической проблемы, зато невольно раскрывали истинные мотивы, которыми руководствовались авторы.

Тот факт, что перевес в полемике остался на стороне противников пересмотра постулата об однозначно социальной природе преступности,

следует объяснить, в первую очередь, их мощным административным ресурсом и, возможно, инерцией мышления того поколения советских юристов, мировоззрение которых сформировалось в 1940–1960 гг. Каких-то новых, оригинальных аргументов в ответ на вызовы времени с их стороны предложено не было, да им, собственно, и неоткуда было взяться. Но для того чтобы в криминологическом социуме восторжествовал, наконец, принцип свободы выражения мнений и установился нормальный академический климат, понадобились, как выяснилось, не только перестройка, но и распад самой советской системы.

Список источников

1. *Эфроимсон В. П.* Родословная альтруизма // Новый мир. 1971. № 10.
2. *Астауров Б. Л.* «Homo sapiens et humanus» — Человек с большой буквы и эволюционная генетика человечности // Новый мир. 1971. № 10.
3. *Грэхэм Л. Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.
4. *Ной И. С.* Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975.
5. *Керкис Ю. Я.* Нужна ли криминологам генетика? // Природа. 1976. № 8.
6. *Аванесов Г. А.* Криминология, прогностика, управление. Горький, 1975.
7. *Волков Б. С.* Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975.
8. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. М., 1983.
9. *Волженкин Б. В.* О понятии причины преступления // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб., 2008.
10. *Шаргородский М. Д.* Этика или генетика? // Избранные труды. СПб., 2004.
11. *Иванов Л. О., Ильина Л. В.* Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991.
12. *Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н.* Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М., 1989.

Е. Ю. Воробьева

(г. Омск)

Цифровой двойник пространства в социокультурном континууме

В общенаучном представлении пространство — прежде всего, географическая среда, основой которой выступает некая территория, характеризующаяся спецификой рельефа, растительного покрова, климата и т. п. В философских рефлексиях по проблеме пространства мы не можем не учитывать присутствие человека, поэтому на передний план всех концепций выходит сложное взаимодействие социокультурного и географического континуумов, определяющее облик цивилизации. Об этом свидетельствует и определение текущего состояния геологической эпохи как «эры антропоцена» (термин предложен П. Крутценом в 2002 г.), что отражает тотальное влияние человека на устойчивость планетарного порядка.

Создание цифровых моделей позволяет представителям естественных наук достаточно свободно фиксировать колебания значений большого числа факторов в статичных объектах с помощью средств наблюдения и прогнозировать траектории их возможных изменений. Китайские ученые (Б. Сюй, С. Сяо, И. Ван, Я. Кан, Ю. Чен, П. Ван, Х. Линь) убеждены, что модель пространственно-географической среды не может не учитывать антропогенного фактора, и на основании этого предлагают разработку технической структуры для создания цифрового двойника антропо-географического пространства [1]. Эта среда должна представлять собой нечто цельное, учитывающее не только реальное и виртуальное пространство, но и тесные связи между ними. Такая позиция подкрепляется сформулированным и артикулированным Китаем концептом «экологической цивилизации», которая формируется при помощи резонанса государственных нормативов с социокультурными традициями общества [2]. Вместо достаточно радикальной идеи построения нового постиндустриального мира он предлагает поиск пути цивилизационного развития, уберігающего от экологических кризисов, порожденных традиционной индустриализацией, но не отвергающего последнюю. Определение экологической цивилизации, данное родоначальником концепции Юэ Панем, подчеркивает, что она должна быть основана на материальных и духовных достижениях, полученных людьми, следующими принципу гармоничного развития человека, природы и общества; она относится к культурной и этической морфологии с фундаментальными целями

гармоничного сосуществования, всестороннего развития и устойчивых отношений между человеком и природой, человеком и человеком, человеком и обществом (Pan Y. «On socialist ecological civilization»).

Достижение социальной гармонии — идеал конфуцианства, но даже такое общество не свободно от нарушения ее законов. Если в виртуальности создается цифровой двойник пространства, то в нем присутствуют все специфические характеристики наличествующего социокультурного континуума. Как именно функционирует такое пространство, известно опосредованно, потому что на востоке с самого зарождения компьютерных сетей возвели «Великую китайскую стену» и надежно отгородили своего цифрового двойника от идеологического влияния западного «собрата».

Запад, в свою очередь, стремился к обустройству глобальной мировой сети — пространства, в котором наиболее ярко воплотилась постмодернистская реальность: атомарность субъектов, отсутствие иерархий и безграничная свобода. Предполагалось, что виртуальная реальность предоставит обитателям этой части географического пространства возможность реализовывать себя в изоляции от функционирования властных структур, осуществляющих принуждение и продуцирующих неравенство в социокультурном континууме. Отказ от «чужих целей» и диктата дискурсов, освобождение от укорененности в пространстве Ж. Делез и Ф. Гваттари назвали отчетливо выраженной «потребностью в номадизме». Номадический способ интерпретации мира — это не просто одна из версий философского моделирования процессуальности. Он, считают философы, отвечает глубинным запросам культуры оседлых обществ, уставших от собственной установки на жесткость четко заданных смысловых и нравственных ориентиров [3, с. 116]. А. В. Шляков отмечает, что следует «говорить о сетевом обществе как ризомном пространстве, которое можно эксплуатировать лишь номадически, то есть перемещаясь, кочуя по нему... Погруженные в сеть номады постмодерна переходят к экстерриториальности социальных связей, утрачивая привязанность к государству, локальному сообществу, дому» [4, с. 48].

Тем не менее граница между общественным пространством и его цифровым двойником проницаема. Воплощенная в виртуальности свобода показала, что цифровой субъект не столь отдален от оригинала, как хотелось бы считать. Автор обзора криминологических исследований за 2025 г. [5] констатирует как факт снижения в последние годы обычных преступлений, так и рост правонарушений, совершаемых с помощью использования интернета, компьютеров и смартфонов.

В сфере киберпреступности выделяют кибернарушения, киберобман, киберпорнографию и кибернасилие.

Кибернарушения — это несанкционированный доступ к компьютерным системам, связанный с хакерской деятельностью, такой как угадывание паролей, попытки взлома, манипулирование чужими файлами и их удаление, а также разработка вредоносного программного обеспечения. Преступники делятся на киберутопистов, киберпанков, кибершпионов и кибертеррористов, в зависимости от мотивов противоправной деятельности.

Киберобман связан с получением доступа к чужим финансовым средствам с помощью взлома кредитных карт. Эта деятельность — следствие переноса и расширения торгово-денежных отношений в виртуальное пространство. Преступниками здесь выступают и цифровые пираты, пользующиеся бесплатно тем контентом, за который положено платить.

Киберпорнография включает в себя распространение и обмен откровенно сексуальными материалами в интернете. Криминологи до сих пор не сошлись во мнениях, является ли такое поведение преступным, но возможность беспрепятственного распространения детской порнографии, с их точки зрения, все же подвергает опасности несовершеннолетних.

Кибернасилие не подразумевает причинение прямого физического ущерба, но эмоциональное насилие способно привести к возникновению психологической травмы у его жертвы. Жертвой могут оказаться как отдельный индивидуум, так и группа, что приводит к маргинализации определенного количества пользователей в пространстве, теоретически лишенном каких-либо иерархий.

Для понимания причин возникновения киберпреступности ученые опирались на три подхода, применяемые к исследованию преступности традиционной: общую теорию преступности, теорию рутинной деятельности и теорию социального обучения. Первая и вторая теории рассматривают вовлечение в противоправную деятельность с позиции сочетания криминальных возможностей для его совершения с низким самоконтролем субъекта. Характеристикой низкого самоконтроля выступают импульсивность, склонность к риску, отсутствие эмпатии, стремление к немедленному удовлетворению желаний. Люди с низким самоконтролем совершают киберпреступления потому, что не тратят время на обдумывание последствий своих действий, а виртуальная реальность позволяет реализовывать возникающие желания мгновенно.

Теория социального обучения делает акцент на склонности людей к подражанию, т. е. моделированию поведения, наблюдаемого у других.

Влияние дифференциальных ассоциаций запускает процесс криминализации населения посредством усвоения противоправных наклонностей через связь со значимыми другими, включая семьи, друзей и коллег. Этот механизм воздействует на образование онлайн-сообществ, демонстрирующих девиантное поведение.

Но все вышеописанные теории констатируют в итоге общую для всех киберпреступлений причину: анонимность, предоставляемая виртуальной реальностью, дает людям возможность реализовывать свои желания без наступления значимых последствий. Виновные в девиантном и деликтном поведении дистанцированы от уличения в противоправном деянии и наказания за него. К тому же до сих пор не созданы киберкодексы законов виртуальной реальности, по которым нарушение интересов одних симулякров другими влечет правовую ответственность, да и номадический способ организации цифрового двойника социокультурной реальности не предусматривает штатным расписанием наличие киберпатрульных и киберполицейских, киберсудей и кибертюремщиков.

История показала, что достижение азиатским социокультурным континуумом конфуцианской социальной гармонии не включает в число одобряемых обществом принцип индивидуальной свободы и не настроено на удовлетворение запросов отдельной личности. «Экологическая цивилизация», базирующаяся на выражении государственными структурами традиционных социальных ценностей, цифрового двойника создает с учетом данных культурных констант.

Вызовы и опасности, которые транслирует в географическое пространство виртуальная реальность номадного мира, заставляют задуматься о деструктивной роли интернет-технологий в западном обществе и о необходимости защищать законопослушное большинство. Чем адекватней антропогеографическому пространству будет становиться его цифровой двойник, тем больше организованного правового порядка ему потребуется... и тем вероятнее превращение сетевых кочевников в оседлых «киберземледельцев», строящих свое «кибергосударство».

Список источников

1. Xu B., Xiao X., Wang Y., Kang Y., Chen Y., Wang P., Lin H. Concept and framework of digital twin human geographical environment // *Journal of Environmental Management*. January 2025. Vol. 373. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2024.123866> (дата обращения: 11.05.2024).
2. Huang P., Westman L. China's imaginary of ecological civilization: A resonance between the state-led discourse and sociocultural dynamics //

Energy Research & Social Science. November 2021. Vol. 81. URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.102253> (дата обращения: 11.05.2024).

3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М., 2010.

4. Шляков А. В. Номадизм сетевого общества постмодерна // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. № 6.

5. Onwuadiam G. Cybercrime in criminology; A systematic review of criminological theories, methods, and concepts // Journal of Economic Criminology. June 2025. Vol. 8. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jeconc.2025.100136> (дата обращения: 11.05.2024).

С. А. Бурьянов, М. С. Бурьянов

(г. Москва)

Цифровые права человека как вектор эволюции права и государства в эпоху глобальных технологических инноваций

В настоящее время человечество живет в эпоху глобальных технологических инноваций, которые создают небывалые ранее возможности экономического развития, одновременно порождая многочисленные вызовы. Усиление проблем международной безопасности, обострение экологических проблем, увеличение социального неравенства, а также иных негативных последствий планетарного масштаба, связанных с нечеловекоориентированным внедрением новых технологий, позволяют говорить о кризисе права и государственности [1, с. 10]. Так как именно праву и государству принадлежит ведущая роль в урегулировании упомянутых вызовов, то представляется крайне актуальным поиск вектора их эволюции с учетом процессов цифровой глобализации [2, с. 24].

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, подводя итоги прошлого года, отметил, что «надежду было трудно найти», поскольку войны приносили огромную боль, страдания и перемещение, а неравенство и разногласия подпитывали напряженность и недоверие [3]. В авторитетном докладе Программы развития ООН говорится, что современный мир становится менее безопасным, более разделенным и более уязвимым для экономических и экологических потрясений. Помимо тревожных темпов замедления мирового развития, в докладе отмечается рост неравенства между богатыми и бедными странами [4]. Глобальный индекс мира (GPI), разработанный Институтом экономики и мира (IEP), указывает на самое

большое со времен Второй мировой войны число вооруженных столкновений — 56 конфликтов, в которые вовлечены 92 страны [5].

В последние годы ООН уделяет серьезное внимание проблемам цифрового развития, включая внедрение искусственного интеллекта (далее — ИИ). 18 июля 2023 г. прошло первое в истории заседание Совета Безопасности ООН (далее — СБ ООН) на тему «Искусственный интеллект: возможности и риски для международного мира и безопасности», в ходе которого были озвучены существенные риски неуправляемого внедрения ИИ. В октябре 2024 г. СБ ООН рассмотрел двойственную природу быстрого технического прогресса — от искусственного интеллекта до нейротехнологий, подчеркнув как новаторские решения, так и возникающие риски для глобального мира и безопасности [6].

В сентябре 2024 г. на «Саммите будущего» ООН были приняты Пакт о будущем, Глобальный цифровой договор и Декларация о будущих поколениях, которые существенно переосмыслили приоритеты развития мирового сообщества с учетом технологических инноваций, включая проблемы преодоления цифрового разрыва, обеспечения кибербезопасности и управления искусственным интеллектом [7]. Полагаем, что реализация упомянутых рекомендательных норм требует принятия Конвенции о глобальных цифровых правах человека [8].

Нечеловекоориентированное внедрение глобальных технологических инноваций ведет к появлению принципиально новых глобальных вызовов, в том числе угрожающих существованию человеческой цивилизации. Необходимо выделить следующие неурегулированные глобальные негативные последствия, связанные с нечеловекоориентированным внедрением цифровых технологий: цифровая милитаризация, цифровое неравенство; неизбирательная цифровая слежка; проблемы кибербезопасности и защищенности данных; конструирование неравноправия, разжигание ненависти и вражды в киберсреде; неуправляемый сверхсильный искусственный интеллект и др.

Современный кризис государственности в значительной мере взаимообусловлен отставанием права от потребностей глобализирующихся и цифровизирующихся отношений, что требует качественно новых подходов [9, с. 39]. В условиях возрастания роли человека в современной экономике знаний государства и корпорации обязаны подчинять разработку и внедрение цифровых инноваций целям максимальной реализации человеческого потенциала [10, с. 69]. Здесь важная роль принадлежит правовому закреплению и реализации глобальных цифровых прав человека. Цифровые права человека — это принадлежа-

щие каждому от рождения и закрепляемые в формах международного и внутригосударственного (а в будущем в формах глобального) права возможности доступа к цифровым ресурсам и пользования общественно-техноприроднокосмическими благами в целях сохранения и развития.

Для достижения бесконфликтных и равноправных отношений в обществе и государстве представляются важными противодействие нетерпимости [11, с. 14] и светскость государственных институтов [12, с. 45], включая вооруженные силы [13, с. 7], а также совершенствование механизмов реализации права на свободу совести [14, с. 121]. Нами разработана новая парадигма права на свободу совести как свободы мировоззренческого выбора, обеспеченной мировоззренческим нейтралитетом государства [15, с. 28].

Эксперты указывают на наполненность современного права «гуманистической сущностью независимо от трансформационных процессов в его системе и неравномерной реализации регулятивного предназначения» [16].

В качестве вывода отметим, что современное понимание права и государства должно учитывать цифровую глобализацию общественно-техноприроднокосмических взаимодействий и быть направленным на урегулирование глобальных негативных последствий через реализацию прав человека, включая цифровые права [17, с. 130]. Человекоориентированное инновационное правопонимание будет способствовать реформированию государственности, преодолению глобальных вызовов и достижению устойчивого управляемого развития мирового сообщества [18, с. 11]. В итоге в современных условиях правовое закрепление и реализация цифровых прав человека является важнейшим вектором эволюции права и государственности.

Список источников

1. Бирюков П. Н., Бурьянов С. А. Инсур Фархутдинов: обеспечение мира и безопасности в Евразии (международно-правовая оценка событий в Сирии). Интервью с доктором юридических наук, главным редактором Евразийского юридического журнала Инсуром Забировичем Фархутдиновым // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10(89).
2. Куксин И. Н., Кривенький А. И., Северухин В. А. О понимании права, содержании правового воспитания и правовой культуры участников образовательных отношений : учеб.-метод. пособие. М., 2018.
3. In New Year's Message, Guterres urges countries to drastically slash emissions and 'exit this road to ruin'. URL: <https://news.un.org/en/story/2024/12/1158611> (дата обращения: 21.05.2025).

4. *Human Development Report 2025*. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2025> (дата обращения: 21.05.2025).

5. Institute for Economics & Peace. *Global Peace Index 2024: Measuring Peace in a Complex World*, Sydney, June 2024. Available from: URL: <http://visionofhumanity.org/resources> (дата обращения: 21.05.2025).

6. *The promise and peril of runaway technological advances*. URL: <https://www.ungeneva.org/en/news-media/news/2024/10/99426/promise-and-peril-runaway-technological-advances> (дата обращения: 21.05.2025).

7. *The Pact for the Future, Global Digital Compact, and Declaration on Future Generations*. URL: <https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sotf-the-pact-for-the-future.pdf> (дата обращения: 21.05.2025).

8. *Buryanov M.* Global digital human rights in the implementation of the Global Digital Compact. Kindle Edition. 2024.

9. *Бурьянов М. С.* Деконструкция права на фоне глобализации и планетарных рисков // Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания : мат-лы Четвертой междунар. науч. конф. Минск, 2019.

10. *Бурьянов М. С.* Перспективы развития российской государственности в условиях современных глобальных процессов и вызовов // Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире : сб. науч. тр. участников VI всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. / под ред. И. В. Ильина. 2019.

11. *Бурьянов С. А.* Ксенофобия, нетерпимость и дискриминация по мотивам религии или убеждений в субъектах Российской Федерации : специализированный информационно-аналитический доклад за 2006 – первую половину 2007 года. М., 2007.

12. *Иванеев С. В.* К вопросу о связи светского и религиозного в системе современного образования // Человеческий капитал. 2014. № 7(67).

13. *Иванеев С. В.* Противоречия введения института капелланов Концепции воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2011. № 9.

14. *Бурьянов С. А.* Универсальные международно-правовые документы о свободе совести и защите от нетерпимости и дискриминации: проблемы и перспективы развития // Международная защита прав человека и государственный суверенитет : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т. А. Сошниковой. 2015.

15. *Бурьянов С. А., Бурьянов М. С., Никитаев Д. М.* Право на свободу совести в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации в Российской Федерации : монография / под науч. ред. С. А. Бурьянова. М., 2020.

16. Умнова-Конюхова И. А. Генерология и футурология права: тенденции и прогноз развития : монография. М., 2023.

17. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. В поисках адекватного миропорядка. Будущее верховенства права в эпоху цифровой глобализации 4.0 // Век глобализации. 2024. № 2(50).

18. Фархутдинов И. З. Международное право в условиях глобализации // Право и политика. 2003. № 8.

С. А. Денисов

(г. Екатеринбург)

Философия конституционализма об основаниях конституционного права

Философия конституционализма — это прикладной раздел философии. Предметом ее исследования является конституционализм как научная доктрина и ее реализация в виде конституционного строя. Доктрина конституционализма основана на двух основных принципах: а) господство гражданского общества над государством как механизмом управления (ст. 3 Конституции РФ); б) верховенство прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ). Обеспечительную роль в реализации этих принципов выполняет демократический политический режим, республиканская форма правления с разделением властей, децентрализация власти и правовое государство. Конституционное право закрепляет указанные принципы в виде норм права.

Философия конституционализма указывает на причины возникновения конституционализма и конституционного права. Юридический позитивизм, доминирующий в отечественной теории права, связывает появление конституционного права с принятием нормативного акта под названием «конституция». Такой подход открывает широкую дорогу для имитации перехода общества к конституционализму. Правитель октроирует конституционный акт, а служилая интеллигенция доказывает, что он реализуется на деле. Старые доконституционные институты получают конституционные названия. Правитель называет себя президентом. Законорегистрационный орган при правителе получает название «парламент». В паспортах подданных начинают писать, что они граждане.

Диалектико-материалистический подход к происхождению конституционализма и конституционного права показывает, что эти явления возникают только при существенной *трансформации общества* и госу-

дарства. Конституционное право носит утилитарный характер. Оно начинает работать только тогда, когда возникает гражданское общество, независимое от государства. Конституционное право служит инструментом для подчинения государственного аппарата этому обществу.

В философии конституционализма *гражданским* называют общество, независимое от государства (эмансипированное) и способное поставить это государство себе на службу. Классовый анализ показывает, что гражданским может быть только буржуазное общество, где присутствует сильный класс рыночной буржуазии, получающей свой доход от предпринимательства. Эту буржуазию не следует путать с клиентистской буржуазией, получающей доход в силу своих связей с чиновниками государства. Рыночная буржуазия экономически независима от государства и стремится подчинить его себе. Клиентистская буржуазия заинтересована в господстве бюрократии (государства), с властью которой связаны ее доходы. Ей не нужно конституционное право с его ограничением государства. Стать основой гражданского общества способна не каждая буржуазия. К конституционализму стремится буржуазия, превратившаяся из «класса в себе» в «класс для себя». Эта буржуазия формирует костяк гражданского общества, который называется обществом граждан [1, с. 12]. Общество граждан — это активная часть гражданского общества, состоящая из лиц, осознающих свои групповые интересы и организованно их отстаивающих. Частью общества граждан являются публичные политики, представляющие интересы разных социальных общностей. Общество граждан состоит из групп с разными экономическими и политическими интересами. Экономическая конкуренция в буржуазном обществе перерастает в политическую конкуренцию. Разные группы общества граждан создают свои политические партии (многопартийность), которые борются за овладение государственным аппаратом. Это обеспечивает свободные и конкурентные выборы органов государственной власти. Важнейшей частью общества граждан является свободная гражданская интеллигенция, преданная конституционным идеалам. Она начинает бороться за конституционный строй еще до того, как появились социально-экономические предпосылки для его возникновения. Гражданскую интеллигенцию следует отличать от служилой интеллигенции, выступающей на стороне доконституционного государства. При переходе к конституционному строю появляется свободная негражданская интеллигенция, которая критически относится к существующему государству, но предлагает заменить его иным неконституционным государством (более авторитарным, более патерналистским и т. д.).

Гражданское общество появляется при длительном и высоком уровне развития капитализма. Страны, только провозгласившие переход к капитализму, как правило, имеют *феодално-административный характер*. Господствующим в них остается административный класс. Частная собственность носит условный характер (признак феодализма). На рынок допускают только тех предпринимателей, которые лояльны правящей группе и административному строю. При нелояльности предприниматель лишается права собственности на свое имущество, а то и свободы. Общественные блага присваивает себе административное государство, затем они разделяются между членами общества. Привилегии получает клиентистская буржуазия. Осуществляемая государством редистрибуция делает всех экономически зависимыми от него (административного класса). Патернализм государства сегодня обычно прячется под декларациями о его социальном характере и социальной ответственности. Труднее всего перейти к капитализму рентным государствам, получающим доход от продажи природных ресурсов за рубеж. Природная рента присваивается правящей группой и распределяется по ее усмотрению. Общество носит зависимый, подданический характер. Административный класс следит за тем, чтобы в обществе не появлялось публичных политиков, способных его представлять. Верхний слой административного класса выдает себя за публичных политиков. Обычно он создает партеобразное объединение бюрократии и ее клиенты (партия власти), а также несколько партий-подсадов, изображающих из себя оппозицию, которая не может прийти к власти (имитация многопартийности). Правящая группа проводит ритуал выборов в органы власти с заранее известным результатом. Таким образом создается имитация перехода страны к демократии и республике. Империя может выдавать себя за федерацию. Полицейское государство называют правовым. Правитель октроирует ложную (не соответствующую конституционной доктрине) или формальную (не работающую на деле) конституцию. Государственное право регулирует ритуальные действия, направленные на поддержание видимости перехода страны к конституционному строю. Переход к конституционализму происходит постепенно. По мере превращения общества подданных в общество граждан оно оказывает давление на государство, ограничивает его полномочия и заставляет соблюдать декларации, записанные в формальном конституционном акте.

Для перехода к конституционному строю нужна не только определенная социально-экономическая и политическая база. Конституционное право останется на бумаге при отсутствии конституционного

общественного сознания (*конституционной культуры*). При переходе к конституционализму должен появиться тип человека конституционного [2, с. 5–22]. Он отличается гражданской культурой [3, с. 362–412]. Высшей ценностью для него является общество и человек. Государство рассматривается как необходимое зло. Гражданин считает себя хозяином страны и смотрит на временного главу государства, как на наемного менеджера. Человек конституционный толерантно относится к тем, кто не похож на него. Человек доконституционный приспосабливается к окружающим обстоятельствам, к существующему государству. Человек конституционный является творцом своей судьбы, своего общества и государства. Это эмансипированная от общества и государства личность, заявляющая о своих правах и свободах. Подданному не нужна свобода. Ему комфортно жить под опекой государства, которое снимает с него обязанность решать общественные проблемы.

Для перехода к конституционному строю каждое общество должно пройти свой *этап Просвещения*. В ходе этого на место эмоционального отношения к действительности, традиций и веры приходит разум. Иррационализм доконституционного общества позволяет правящей группе легко манипулировать людьми, выдавать интересы административного класса за интересы всего общества. В процессе просвещения общество должно научиться действовать сообща (самоорганизация общества), принимать компромиссные решения (отход от принципа игры с нулевым результатом) и разрешать свои конфликты в рамках правовых процедур.

Переход к конституционному строю связан с победой *буржуазно-демократической революции*, которая происходит в разных формах («сверху» или «снизу»). Суть революции заключается в смене строя. Господство административного класса заменяется властью активных слоев общества. Главную роль среди них играет буржуазия и гражданская интеллигенция. Масса подданных никуда не исчезает при переходе к конституционному строю. Вера в «доброго царя» и государство заменяется верой в конституцию, демократию и республику.

Конституционализм — это изобретение человечества, в отличие от доконституционного порядка жизни, плавно вытекающего из мира животных и первобытной жизни человека. Монархии, диктатуры, авторитаризм с их иерархической организацией властных отношения — это более сложные организации стайной (стадной) жизни животных (вожак и стая). Для перехода к конституционализму нужен более высокий уровень культуры общества.

Таким образом, философия конституционализма указывает на реальные предпосылки перехода страны к конституционному строю с го-

сподством конституционного права. Она разоблачает подделки под конституционный строй, которые возникают при отсутствии в обществе социально-экономических, политических и духовных оснований конституционализма.

Список источников

1. Денисов С. А. Общество граждан как главный субъект конституционных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 8.
2. Денисов С. А. Человек конституционный // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4.
3. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М., 2010.

Е. Ю. Анисимова

(г. Среднеуральск, Свердловская область)

Принцип приоритетной защиты прав и свобод человека в персонцентристском типе государства и права

Российская Федерация, являясь демократическим государством, закрепила в Конституции приоритет прав и свобод личности, осуществив их формальную (нормативную) рецепцию, но не проделала необходимую работу по адаптации к уже существующим правовым, социальным, моральным и экономическим институтам.

Рецепция новых правовых ценностей, которые не были результатом завоевания или глубокого осмысления российского народа, не соотносятся с национальной правовой традицией и существующим правосознанием в обществе, что грозит усилением правового и экономического изоляционизма.

Современное правовое государство находится в сложной системе общественных взаимосвязей и нацелено на создание фундаментальной структуры мировоззренческих доминант, которые усложняются глобалистскими тенденциями.

В условиях глобалистских вызовов аксиологическую значимость приобретает фундаментальная философская и правовая рефлексия, способная утвердить значимость прав и свобод как органический элемент национальной правовой системы и исходный универсальный ориентир правовой политики.

Идея персонцентризма была создана в трудах рационалистов Древней Греции, они заложили исходное восприятие человека как свободного, творческого, самостоятельного и универсального субъекта в мире, где царит и господствует право.

Подход рационалистов Древней Греции разительно отличался от общепринятых, поскольку традиционно государству отводилась роль более значимого властного управленческого субъекта, тогда как личность рассматривалась как объект управления.

В Древней Греции не существовало представления о государстве и самодостаточной личности как взаимозависимых элементах единой системы, сосредоточенной на совместном выживании.

Доминировал системоцентристский подход, располагавший к подчинению личности интересам государства и общества, что было единой социальной нормой для большинства древних государств.

Вопреки существующей тенденции в трудах греческих философов, в частности в учении Протагора, была сформулирована иная точка зрения. Так, А. В. Оболенский обозначает первые ростки персонцентризма в учении древнегреческого философа Протагора, который отождествляет человека как критерий меры всех вещей [1, с. 162].

Следует отметить, что данный подход возник благодаря разительным отличиям, которые «свободные эллины видели, сопоставляя себя с рабами, варварами, которые рассматривались на фоне сильного независимого самодостаточного греческого государства против торжествовавшей персидской деспотии, где всего один властный субъект повелевает толпой безвольных рабов, которые вынуждены оформлять его волю» [2, с. 320].

Полисный тип организации древних греческих государств предполагал защиту прав и свобод личности в условиях государственного самоуправления, культурной конкуренции и отсутствия единой прямой централизованной власти.

Децентрализация стала уязвимостью древних греческих государств в связи с внешними угрозами, что вынудило греков впоследствии сформировать единую централизованную власть в ответ на римские завоевательные походы.

Полисная система древних греческих государств заложила фундаментальные основы персонцентризма, затем имплементированного Западной Европой (апологетами) как представление о государстве, в котором одновременно сосуществуют тысячи автономных личностей с конфликтующими (разнонаправленными) интересами, требующими государственного регулирования.

Преодоление конфликта интересов личности и государства усматривается в утверждении демократических институтов и признании приоритета прав и свобод человека, что в юридической литературе рассматривается через призму концепции персонцентристского правового государства, в котором именно личность и ее права выступают высшей ценностью и основой существующего правопорядка.

Антропологический гуманизм базировался на необходимости определить соразмерность государственного суверенитета и естественных прав личности, что обозначило необходимость поиска общественного баланса между реализацией государственных полномочий и частной жизнью личности.

В рамках различных форм государственного устройства личность могла реализовывать личную свободу и творческий потенциал в определенных государством границах. Древние и современные государства сталкиваются с необходимостью определить пределы вмешательства государства в частную жизнь индивида, особенно в условиях военных, экономических, политических, культурных кризисов, требующих временных или постоянных ограничений прав личности ради общественного порядка.

Человеческая личность на каждом историческом этапе пыталась осмыслить, как релевантно реализовывать естественные права, которые имеют в своей основе право на жизнь, право на свободу, право на защиту достоинства личности в рамках ограниченных форм государственного устройства, где права личности всегда противопоставлялись интересам государства и общества и личности отводилась второстепенная роль.

Принцип приоритета прав и свобод человека был закреплен в ст. 2 Конституции Российской Федерации и продиктован формальной, по мысли М. С. Кудряшовой, Л. Н. Шабатуры, А. П. Лазуткина, имплементацией чужеродных норм законодательств Европейского союза.

Так, «в России преобладали и преобладают традиции авторитаризма. Мы знаем из нашей истории, что часто политические круги либо просто правители стремились реализовать свои идеи и разного рода нововведения насильственно...И сегодня мы наблюдаем подобную методику, хотя, конечно, форма другая» [3, с. 55].

Принцип приоритета прав и свобод человека в Российской Федерации формально закреплен, но никак не обеспечивается со стороны государства, поскольку чиновничий аппарат привык действовать по инерции, пренебрегая интересами личности в пользу защиты интересов государства. Личность, в таких условиях привыкшая, что права и свободы «дарует» государство, отражает себя как объект управления, а не субъект

(творец) права, что предопределяет отсутствие развития гражданского самосознания.

Исторический опыт социалистического общества, предшествующий Российской Федерации, наглядно демонстрирует не субъектность человека (индивида), а его социальную идентификацию как часть целой системы, которая нацелена на построение лучшего в мире государства для рабочих и крестьян.

В. А. Ядов отмечает, что «особенность этого драматического процесса осознания личностью своего особого интереса состоит в неопределенности представлений об общности интересов» [4, с. 36].

Ю. Г. Волков подчеркивает, что «главная ценность будущего общества — это достоинство и свобода человека... Достоинство человека определяется не его знатным происхождением, не материальным богатством, а знаниями, освоенными и добытыми человеком в его жизни, что является самым ценным духовным богатством» [5, с. 63].

Государству в рамках данной парадигмы необходимо упорядочить общественные отношения и тем самым защитить индивидуальную свободу человека.

Идеи свободы, человеческого достоинства, прав на свободу самовыражения были утверждены в ходе реформации, просвещения и революционных событий, закрепивших рациональный тип правовой культуры, восходящий к идеям философов Древней Греции.

В России в силу социокультурной традиции сформировался иной, социоцентристский тип культуры, который заключается в эгалитарно-коллективистской модели управления.

«Корпоративный строй соответствует сложившейся в России системе государственной власти, которая благодаря социоцентризму оказалась устойчивой и жизнеспособной формой...» [6, с. 63].

Современная Конституция Российской Федерации взяла иной отличный от социокультурной традиции ориентир, и теперь руководствуется принципами правового государства, провозгласив, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Исследователи-конституционалисты отмечают, что реализация принципа приоритетной защиты является проблематичной.

Если большинство традиционных обществ были системоцентричными, то общества современные, такие как персонцентричные, представляется более правильным называть уникальными [7, с. 547].

Принцип приоритетной защиты прав и свобод человека Российской Федерации только еще предстоит национализировать, следует компенсировать

ровать правовой и аксиологический пробел и заполнить его не абстрактно гуманистическим, а собственным национально-структурным содержанием, которое бы в наибольшей степени отвечало менталитету и культурным особенностям народов, проживающих на данной территории.

Отсутствие реализации принципа приоритетной защиты прав и свобод человека может привести к правовому регрессу посредством формальной, лишенной фундаментальной основы европеизации правовой системы, либо к альтернативным формам радикализации-этического или политического экстремизма, подрывающим основы государственности.

В рамках исследуемой правовой парадигмы значимость приобретает философско-политическое осмысление, представленное в трудах, подчеркивающих необходимость соединения универсальных гуманитарных ценностей с национальным законодательством [7].

Список источников

1. Оболонский А. В. Драма российской политической истории: система против личности и институт государства и права. М., 1994.
2. Чубарьян А. О. История Европы с древнейших времен до наших дней М., 1988.
3. Голов А. А., Гражданкин А. И., Гудков Л. Д. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. М., 1993.
4. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе. М., 1994.
5. Волков Ю. Г. Гуманизм земной цивилизации — будущее человечества. М., 1994.
6. Простаков И. В. Корпоративизм как идея и реальность. М., 1992.
7. Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999.

Ю. Ю. Джуад

(г. Москва)

Об идентичности права и идентичности в праве

Одной из наиболее актуальных тем в области социально-гуманитарных наук в настоящее время является тема идентичности, что само по себе симптоматично. Ее обсуждение в историческом, социологическом, этнографическом, политологическом, психологическом и других аспектах фокусируется на разных ракурсах этого многослойного и многоуровневого феномена. Сходятся же они чаще всего в одном —

констатации длящегося на протяжении нескольких десятилетий кризиса идентичности. Кризис в данном случае предполагает как фактическую трансформацию идентичности современного человека, так и поиск адекватного формата осмысления происходящих изменений. Идентичность сегодня подвергается активному переосмыслению не только средствами научного познания, но и является одной из главных тем искусства, в том числе массового — литературы и кинематографа, отображающих проблематику телесных и ментальных экспериментов, расщепление личности — диссоциацию, невозможность быть собой.

Затянувшийся кризис концепции идентичности отражается в многообразных попытках терминологической фиксации — «мерцающая идентичность», «лиминальная идентичность», «виртуальная идентичность», «травмированная идентичность», «полиидентичность» и др. Но любая фиксация противоречит сути происходящего, поскольку современная концепция идентичности, в отличие от всех предшествующих периодов, опирается не на статичную модель тождественности, а на непрерывно динамически изменяющуюся процессуальную многовекторную тождественность. «Текучая» идентичность находится в постоянном процессе переконструирования, что и является ее единственно возможной характеристикой. Идентичность, для которой сравнительно недавно нетождественность, «переходность» были вызовом, трактуемым ее в социальном контексте как маргинальность, сегодня приспособливается к ней как к новой норме, так как в область маргинального отtestняется стабильность и неизменность.

В описанном контексте встает закономерный вопрос, как на эти изменения реагирует сфера права? Ведь, с одной стороны, право антропогенно [1, с. 11] и, будучи частью более широкой социальной реальности, всегда влияло и продолжает оказывать влияние на *status quo* человека в социальном измерении. С другой стороны, идентичность — одна из важных ценностей, защищаемых правом, и, в том числе, основа правового статуса человека. Правовая идентичность — *homo iuridicus* — является одной из граней полиидентичности и в этой эквитогенной составляющей [1, с. 11] представляет интересы всего «ансамбля», оказывая тем самым обратное влияние на сферу права. Каковы возможности этой диалектики сегодня, что выступает ключевым противоречием во взаимосвязи идентичности права и идентичности в праве?

На протяжении всех предшествующих периодов истории право являлось одной из самых важных сфер социальной идентификации. Этапной системой в этом плане считается классическое римское право,

которое предоставляло возможность гибкой правовой идентификации не только для римских граждан, но и для иностранцев во взаимодействии между собой с сохранением аутентичной правовой идентичности, и для иностранцев во взаимодействии с гражданами, а также для носителей разных социальных статусов.

Динамически развивающаяся совокупность подсистем *ius strictum*, *ius gentium*, *ius honorarium*, дополненная механизмами эмансипации, юридических фикций, деятельностью преторов и юристов, действительно предоставляла достаточно широкие возможности для индивидуальной (*persona sui iuris*), внутригрупповой и межгрупповой правовой (шире — социальной) идентичности, включая локальную опцию «быть Другим», дополняющую стандартный правовой статус [2, с. 41]. Назначением правовой системы в целом и ее основной направленностью, даже с учетом вариативности и гибкости, было все же сохранение и поддержание социального баланса на основе тождества человека группе, группы — социуму и более глобально — на уровне тождества микрокосмоса и макрокосмоса. Тем не менее правовая идентификация в системе римского права была доступна не всем и не всегда, что являлось важным маркером идентичности самого права. Идентичность же права обеспечивалась сохранением тождественности античной концепции справедливости, легитимирующей социальную иерархию со ссылкой на естественный порядок космоса. Такую модель идентичности можно назвать онтологической: в ней идентичность права и идентичность в праве синхронизированы и находятся в равновесном состоянии.

Следующим значимым этапом эволюции идентичности в правовом поле становится эпоха Модерна, а его итоговым юридически значимым манифестом — Всеобщая декларация прав человека [3]. Это большой период истории, который проходил под общим знаменателем формирования концепции прав человека, основным достижением которой, в сравнении с античностью, является врожденность и общедоступность правовой идентификации. Можно сказать, что модерновая концепция прав человека лежит в основе идентичности права в этот период, гарантом которого является уже не Космос или Бог, а государство, опирающееся в свою очередь на идею суверенитета, внутренние и международно-правовые институты и акты.

Для периода Модерна, в котором складываются и развиваются современные национальные государства, максимальное значение приобретает гражданская идентичность как фиксированная принадлежность человека определенному территориальному, социокультурному и политиче-

скому субъекту — государству. Эту модель идентичности можно назвать государственно-политической, с присущем этому уровню понимании справедливости как равенства перед позитивным законом. Право здесь предстает как универсальный регулятор отношений внутри политико-правового поля безотносительно, вступают ли в отношения резиденты или нерезиденты, а также без необходимости «выравнивания» социальных статусов, что уже заложено по умолчанию в базовую систему аксиом данной модели. Но именно универсализм и рационалистический оптимизм становятся факторами кризиса идентичности в XX и XXI вв.

Парадоксально, но концепция прав человека, выступающая одним из основных столпов индивидуалистического общества, с нарастанием тенденций индивидуализма становится одним из факторов деструкции традиционной для концепций идентичности древности и модерна опоры на внешнюю инстанцию, рассинхронизации тождества индивидуальной и социальной идентичности. Усложнение социума, в котором у человека больше нет фиксированного «места», перманентная кризисность социального бытия и виртуализация общественных отношений, стимулирующая гиперперсонализацию, приводят к психологизации реальности и самоощущения человека. С переходом к эпохе Постмодерна в отсутствие стабильных внешних социальных и трансцендентных инстанций для соотнесения с ними замкнутого на себя индивидуализированного Я актуальной проблемой становится преодоление «травмы», которая регулярно наносится идентичности столкновением с Другим [4, с. 132]. Травма становится нормативным актом и необходимым условием пересобирания множественных «текучих» идентичностей.

Как возможна в таком случае нормативно-правовая реакция на травму идентичности? Можно ли юридически измерить нанесенный ущерб и скомпенсировать его в мезореальности права? И, что еще более важно, — нужно ли?

С учетом того, что в условиях погруженности в многообразные дискурсы социального влияния, которые апеллируют в значительно большей степени не к разуму, утратившему «чувствительность» к воздействиям, а непосредственно к эмоциям, чувствам и телесности через инструменты нейромаркетинга, встает вопрос о возможности сохранения правовой идентичности *homo iuridicus* и реализации ею медиаторских функций. Травма идентичности — это факт психологический, который современный человек стремится решать не через обращение к правосфере, предлагающей интеллектуализацию эмоционального, а через столь популярное в наши дни психологическое со-

провожение проживания и переживания непрерывной трансформации идентичностей.

Право, сохраняющее свою идентичность в модернистской модели, действующее как универсальный рациональный разграничитель субъективных пространств свободы и подчинения, в своих конкретных нормативно-правовых актах сегодня воспринимается часто как фрустрирующий и репрессивный по отношению к конструированию полиидентичностей современного человека механизм. Гражданская идентичность, гендерная, социально-ролевая, профессиональная и др., испытывая на себе влияние позитивных правовых актов, устремляется от правового признания к психологическому принятию.

Безусловно, сфера права интерактивна, она чутко реагирует на любые изменения, происходящие в обществе. В допостмодернные времена она было гарантом индивидуальной и социальной идентичности человека на основе сохранения и воспроизводства собственной идентичности. Антропогенность права и эквитогенность человека сохраняли синхронную взаимообусловленность. Но насколько это возможно сегодня — в эпоху симуляции, высоких скоростей и непрерывных изменений? Это размышление далеко от попытки делать выводы. Оно лишь побуждает задавать новые вопросы. Как современная сфера права может реагировать на изменение концепции идентичности? Сможет ли измениться идентичность самого права, чтобы отвечать потребности современного человека в защите, уважении и поддержании ценностного статуса непрерывно трансформирующейся полиидентичности? А главное нужно ли это?

Список источников

1. Синченко Г. Ч. Философско-правовые облики человека. Омск, 2001.
2. Черниловский З. М. Римское частное право. М., 2001.
3. Всеобщая декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 17.04.2025).
4. Бернет Р. Травмированный субъект // (Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост.: С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М., 2014.

А. В. Корниленко

(г. Москва)

Право государства на насилие: онтологические и моральные аспекты

Феномен насилия над человеческой личностью в различных его проявлениях всегда являлся предметом пристального изучения и осмысления философов, политологов, правоведов, психологов, теологов, представителей других отраслей научного знания. Сосуществование насильственной политики государства как реализации одной из его функций, с одной стороны, и провозглашаемых высоких морально-нравственных постулатов современного либерально-демократического общества, с другой стороны, вызывает одновременно как интерес, так и определенное противоречие. Будучи антагонистическими понятиями, «свобода» и «насилие», тем не менее, составляют своеобразный симбиоз: «Нужна рука, производящая свободу, но сам этот жест предполагает, с другой стороны, установление ограничений, контроля, принуждения, поддерживаемых угрозами обязательств, и т. п.» [1, с. 87].

Понятие «насилие» в современном обществе имеет широкую трактовку — от насилия психологического до лишения жизни индивида.

Для более точного определения этого понятия А. А. Гусейнов предлагает «поместить его в пространство свободной воли и рассматривать как одну из разновидностей властно-волевых отношений между людьми» и приходит к выводу, что «насилие есть один из способов, обеспечивающих господство, власть человека над человеком», и оно «не вообще принуждение, не вообще ущерб жизни и собственности, а такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. Насилие есть узурпация свободной воли. Оно есть посягательство на свободу человеческой воли» [2, с. 37].

В более распространенном государственно-правовом понимании факт «насилия» часто связывают с ограничением свободы или «несвободы», представляющей «собой по содержанию внешнее ограничение социальной деятельности, осуществляемое нормативным образом. Несвобода проявляется как формат человека в качестве социального и правового существа, которое связано условиями и обстоятельствами, существующими социальными структурами и зависимостями» [3, с. 16].

А. Г. Дугин, рассматривая политическую религию П.-Ж. Прудона, отмечает: «Социальное насилие оправдано и обязательно, если оно исходит из „прав народа“». Народ есть высшая персона, развивающаяся Справед-

ливость, имеющая фиксированное юридическое лицо, а отдельная личность — только орган, часть ткани, клетка» [4, с. 77].

Конечно же, рассмотрение проблемы монополии власти на насилие было бы не полным без учета концепции Макса Вебера, в которой автор закрепляет использование насильственных средств (армии, полиции) только лишь за государством, признавая их правомерность в рамках определенной территории. Более того, монополия на насилие выступает для него критерием выделения государства как особой организации и особого института.

М. Вебер в своем очерке писал: «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (т. е. считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует» [5, с. 114].

Каким же образом государство реализует сегодня свое право на насилие?

Не углубляясь в далекую историю, стоит обратиться к недавнему отечественному прошлому.

Так, молодая советская республика, «взяв на вооружение» марксистский постулат о том, что «насилие — это „повивальная бабка всякого старого общества, когда оно беременно новым“», обосновала причины и значение социальной революции. Затем В. Ленин, опираясь на взгляды К. Маркса, заявлял о диктатуре пролетариата как «ничем, никакими законами, никакими правилами не стесненной, опирающейся на насилие террористической власти». Далее И. Сталин утвердил идею об усилении сопротивления эксплуататорских классов по мере приближения к победе социализма, что в конечном итоге привело к созданию и функционированию ГУЛАГ [6, с. 551–554].

Вопрос противодействия морали, религии, праву на «насилие» как таковому основательно рассмотрен О. В. Овчинниковым и А. Г. Деменевым. Ответ на него кроется в «стремительном расхождении скорости развития природных и культурных граней человека» [7, с. 131] в современном обществе постмодерна.

Демократизация общества внесла существенные коррективы в данный процесс: государство перешло от насилия физического (по большей части) к насилию политическому. Как в своем исследовании справедливо указывает Е. В. Пыхтеева, политическое насилие в России имеет две стороны, выраженные в государственной политике, легализирующей мето-

ды господства и народного протеста против чрезмерного государственного угнетения.

Принуждение как легитимное традиционное средство политики в современной России выступает необходимой мерой обеспечения беспрепятственного проведения модернизации российского общества [8, с. 3]. Смена внутривнутриполитических приоритетов носит принципиальный характер и, как правило, основывается на принятом законодательстве.

Одной из ранее не существовавших тенденций является частичное делегирование государством права на насилие создаваемым частным структурам, легитимность которых неоднозначна. Частные военные компании (ЧВК) и охранные структуры крупнейших корпораций по отдельным направлениям могут составить конкуренцию и Вооруженным Силам (вспомним ЧВК «Вагнер» Евгения Пригожина).

Таким образом, можно констатировать, что насилие как инструмент государственного принуждения, несмотря на свое видоизменение, по-прежнему востребован и актуален. Ключевым условием эффективного и правильного его применения является легитимизация, целиком и полностью зависящая от общества.

Список источников

1. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб., 2010.

2. Гусейнов А. А. Понятие насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 4.

3. Шпак А. В. Институциональная обоснованность насилия в обществе // Юристъ-Правоведъ. 2010, № 4.

4. Дугин А. Г. Элементы # 9. Постмодерн. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/D/dugin-aleksandr/elementi-9-postmodern> (дата обращения: 17.01.2025).

5. Вебер М. Политика как призвание и профессия / пер. с нем. и вступ. ст. А. Ф. Филиппова. М., 2018.

6. Философская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. М., 1960. Т. 3.

7. Овчинников О. В., Деменев А. Г. Философия насилия: взаимодействие социального и биологического // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социологические науки. 2019. № 1.

8. Пыхтеева Е. В. Политическое насилие (принуждение) как способ укрепления законности и целостности российского общества : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2013.

Р. А. Кустарёв

(г. Москва)

Интерпретация как основание возникновения особого вида правоотношений

Право выступает неотъемлемым атрибутом общественной жизни. Что бы человек ни делал, он всегда находится в сфере правового регулирования — будь то реализация субъективного права или воздержание от определенных действий (негативная обязанность). Отличительной чертой права от морали, религии, обычаев, традиций и других социальных регуляторов является формальная определенность, т. е. закрепление норм права в некой внешней форме, а не в сознании людей. Прежде всего, материальным носителем правовых норм выступает нормативный правовой акт. Однако это не означает, что за нормой права не стоит ничего, кроме текста, напротив, тот смысл, который заложен в текст правовой нормы, является предопределяющим для него. Ведь изначально у общества возникает потребность в регулировании определенных общественных отношений, после чего формируется решение, в которое закладывается некая идея, и только после этого она приобретает письменное начертание. В связи с этим некоторые ученые-правоведы обоснованно считают, что смысл правовой нормы не выступает акциденцией по отношению к ее тексту, а является ее важнейшим сущностным компонентом [1, с. 41–45; 2, с. 266]. Ввиду этого исследование процессов, сопутствующих разъяснению смысла правовой нормы, остается актуальным для теории права.

В настоящее время правовая действительность испытывает интенсивную трансформацию, вызванную процессами, которые так или иначе затрудняют правовое регулирование, в том числе ввиду усиления правовой неопределенности и многозначности некоторых правовых конструкций. Так, глобализация способствует размыванию сложившихся в определенной правовой системе устоев, тем самым ослабляет функционирование механизма правового регулирования в целом; цифровизация, местами упрощая правоприменительные модели, придает правоотношениям более динамичную форму, в результате чего в пределах правового регулирования возникают новые правовые явления, которые требуют интерпретации со стороны государства. Таким образом, от эффективности интерпретации правовых норм зависит функционирование всего механизма правового регулирования.

Существуют следующие подходы к определению феномена интерпретации и его места в праве.

Например, некоторые ученые-правоведы рассматривают интерпретацию как исключительно служебный элемент: интерпретация призвана устранять неопределенность правовой нормы путем установления ее смысла. Интерпретация является сопутствующим правоприменению процессом, в ходе которого не конструируется новый смысл правовой нормы, а раскрывается изначально заложенный [3, с. 141–143; 4, с. 167–168].

Вызывает интерес противоположная позиция, согласно которой интерпретация является не только автономным правовым элементом, но и, в принципе, центральным компонентом механизма правового регулирования. Так, сторонники правового реализма как подхода к правопониманию утверждают, что право существует не столько в виде абстрактной нормы права, сколько в конкретных правоприменительных решениях, за каждым из которых стоит юридически значимый процесс уяснения смысла нормы [5, с. 225–227]. Таким образом, интерпретация формирует реальное право.

Оба подхода вытекают из того, что интерпретация заключается в постижении смысла нормы права и, несмотря на различия в понимании роли интерпретации, не предполагают рассматривать ее как самостоятельный вид правоотношения. Между тем существует несколько причин относиться к интерпретации как к правоотношению:

- формальное соответствие составу правоотношений;
- отличие от иных правоотношений (объект, субъектный состав, содержание);
- особая юридическая природа.

Традиционно под правоотношением понимают урегулированное нормами права и охраняемое государством общественное отношение, направленное на реализацию субъективных прав и исполнение юридических обязанностей его участниками [6, с. 6–8]. С этой позиции следует сформулировать ряд утверждений.

Во-первых, интерпретация осуществляется в соответствии с нормами права, закрепленными в Конституции РФ, федеральных конституционных законах, отраслевых кодексах и иных нормативных правовых актах. В указанных документах определены конкретные институционализированные субъекты интерпретации, их права и обязанности, предмет интерпретации, сроки, а также юридические последствия их решений.

Во-вторых, касаясь объекта правоотношений, интерпретация может быть признана в качестве отдельного вида правоотношений как с точки зрения монистического (поведенческого), так и плюралистического (объект правоотношения — благо) подходов. В первом случае это поведение,

определенное особой процедурой, включающей в себя некий порядок инициирования, осуществления и завершения процесса интерпретации. Так, в законодательстве выделены общие требования к обращению с просьбой интерпретации нормы права, принципы ее осуществления, порядок участия иных лиц (например, экспертов), а также установлена обязательность для исполнения интерпретационных решений. Во втором случае истинный (желаемый государством) смысл нормы права выступает объектом правоотношений — благом, поскольку: 1) он имеет ценность не только для правовой системы в целом, устраняя правовую неопределенность, но и для конкретного субъекта, обратившегося в специальный государственный орган; 2) он выступает причиной взаимодействия участников процессов интерпретации.

Однопорядковыми процессами интерпретации выступают нормотворчество и правоприменение. Принято считать, что интерпретация — это сопутствующий элемент в указанных процессах, которые в теории права принято рассматривать в контексте правоотношений [4, с. 168]. Так, в нормотворческих правоотношениях одним из этапов является обоснование проекта закона, так называемая «пояснительная записка». В ее содержании истолковываются предпосылки принятия законопроекта, описывается механизм действия нормы права. Другими словами, законодатель разъясняет смысл правовой нормы. В правоприменительных правоотношениях интерпретация предшествует вынесению решения, поскольку правоприменитель должен соотнести юридическое событие с нормой права, осмыслив как саму ситуацию, так и предполагаемую к применению правовую норму. Однако в указанных правоотношениях постижение смысла правовой нормы не выступает главной целью взаимодействия его участников, а является лишь средством. Таким образом, интерпретация становится самостоятельным видом правоотношений, когда она выступает основной правовой деятельностью в рамках общественных отношений, направленной в первую очередь на разъяснение смысла правовой нормы.

Подводя итог, можно утверждать, что интерпретация — это не только сопутствующий нормотворчеству и правоприменению этап, но и автономный правовой феномен, который может быть рассмотрен в качестве самостоятельного вида правоотношений. Такое понимание обусловлено нормативной регламентацией интерпретации, особой юридической природой, наличием самостоятельного объекта, наделением специальных органов государственной власти полномочиями по вынесению юридически значимых решений. Выделение интерпретационных правоотношений в качестве особого вида способствует более точному пониманию механизма правового регулирования и повышает его эффективность.

Список источников

1. *Нерсисянц В. С.* Философия права : учебник. М., 2005.
2. *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права : учебник для вузов. М., 2002.
3. *Алексеев С. С.* Теория права : 2-е изд. перераб. и доп. М., 1995.
4. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права : учебник для вузов. М., 2004.
5. *Dworkin R.* Law's Empire. Cambridge (MA), 1986.
6. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974.

А. И. Мелихов, Г. С. Працко

(г. Москва, г. Ростов-на-Дону)

Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: институциональное размежевание

В связи с современными вызовами в сфере национальной безопасности, такими как киберпреступность и трансформация правоприменительной практики в условиях цифровизации, стал явно заметен дисбаланс между современными криминальными угрозами и возможностями уголовного процесса, что требует реформ и предлагает новую трактовку соотношения двух институтов системы национальной безопасности в сфере противодействия криминальным угрозам — уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), но не как вспомогательных, а как функционально самостоятельных, действующих параллельно и в интересах общего результата. Наша задача — переосмыслить архитектуру уголовного преследования и показать, что эффективное реагирование на современные угрозы невозможно без системного взаимодействия уголовного процесса и ОРД при сохранении их самостоятельности и учета их специфических задач.

Сыскная, розыскная, а затем и оперативно-розыскная деятельность сопутствуют уголовно-процессуальной на всем протяжении истории развития уголовного судопроизводства. Традиционно ОРД и уголовный процесс рассматривались в контексте механизма борьбы с преступностью, где ОРД отводилась роль обеспечения уголовного судопроизводства. В настоящее время в связи с интенсивным, а иногда и агрессивным развитием международных, иностранных, государственных и частных сложных социальных систем [1, с. 87], Российская Федерация сместила

акцент развития с обеспечения прав человека на обеспечение национальной безопасности, что привело к расширению сферы применения ОРД за рамки уголовного права и процесса [2, с. 62].

Отчасти указанная тенденция была заложена при законодательном определении ОРД (ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД)), контрразведывательной (ст. 9 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности») и разведывательной деятельности (ст. 1 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»), где были использованы термины теории безопасности (угроза, ущерб, безопасность), в то время как в уголовном процессе главенствует терминология теории прав человека (защита, обеспечение, нарушение), а о безопасности напрямую упоминается исключительно в рамках обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

Традиционно в отечественной уголовно-правовой науке делался вывод о «единстве цели и общности задач» ОРД и уголовного процесса «на стадиях досудебного производства по уголовным делам» [3, с. 14]. Впоследствии это породило научный тренд на совмещение форм работы органов дознания и предварительного следствия.

Полагаем, что с позиций авторской теории безопасности между уголовным процессом и ОРД имеются значительные различия в целях и задачах, делающие ОРД более multifunctional инструментом обеспечения национальной безопасности, чем уголовный процесс [4, с. 191].

Во-первых, уголовный процесс ограничен функцией защиты прав участников и наказания виновных, в то время как ОРД работает в системе выявления, предупреждения, нейтрализации и пресечения угроз безопасности, включая не только преступления, но и иные деструктивные явления, не подпадающие под уголовную квалификацию.

Во-вторых, уголовный процесс стремится к установлению справедливости и правовой оценке фактов, тогда как ОРД ставит во главу угла безопасность как превентивную ценность. При этом установление истины, доминирующее в судопроизводстве, в ОРД часто подчинено задачам своевременного реагирования на угрозы.

В-третьих, имеются значительные различия в инструментах и полномочиях этих двух элементов системы национальной безопасности. В уголовном процессе основное средство — привлечение к ответственности и применение мер процессуального принуждения. В ОРД используются оперативные методы, включая наблюдение, проверочные мероприятия, базы данных и другие негласные формы воздействия.

В четвертых, существуют различия по сфере действия рассматриваемых институтов. Уголовный процесс ограничен ситуациями с установленным составом преступления. ОРД способна реагировать на угрозы, не обладающие признаками преступлений, включая действия невменяемых лиц, техногенные и стихийные риски, а также угрозы, генерируемые искусственным интеллектом или случайными факторами.

В-пятых, ОРД более гибкий инструмент, поскольку позволяет применять значительный спектр альтернативных мер в более широкой сфере времени и пространства. В отличие от уголовного процесса, где инструментарий ограничен рамками судопроизводства, ОРД позволяет передавать информацию в иные государственные структуры для применения административных или дисциплинарных мер в отношении лиц, создающих угрозу, но не совершивших преступление. Помимо этого, действие уголовно-процессуального законодательства ограничено по времени, методам и средствам приостановленных или прекращенных дел, а ОРД продолжает розыск, сбор данных и может инициировать новые процессы или восстановить старые. Примеры из практики МВД России подтверждают, что многие опасности, такие как проникновение в органы внутренних дел лиц, связанные с преступным миром, невозможно предотвратить исключительно средствами уголовного процесса. В этих случаях ключевым инструментом выступает ОРД.

Интересны отличия и по сущности субъектов ОРД в сферах уголовного процесса и противодействия криминальным угрозам. Так, в рамках уголовного процесса контрразведка и разведка рассматриваются как форма ОРД, но с позиции национальной безопасности она — самостоятельная сфера. ОРД является для нее не только базой данных и методов, но и юридическим каналом доступа к уголовным средствам принуждения.

Необходимо отметить, что отечественная модель уголовного процесса унаследовала инквизиционные черты. Следовательно в нем нередко совмещает роли дознавателя и судьи, а ОРД фактически формирует основную версию обвинения, которую следователь лишь оформляет. Это приводит к снижению интереса к объективной истине и приоритету формальной результативности. Совмещение стадий дознания и следствия кажется экономически оправданным, но в условиях неразвитого гражданского общества, слабой адвокатуры и отсутствия частного сыска может привести к репрессивной модели ОРД. Это создает риски подмены уголовного процесса личными интересами сотрудников и нарушением баланса сил в правоохранительной системе [5, с. 64; 6, с. 17].

Таким образом, с момента зарождения уголовного судопроизводства розыск и сыск, впоследствии трансформировавшиеся в оперативно-

розыскную деятельность, сопровождали уголовный процесс. Традиционно ОРД рассматривалась как вспомогательный элемент уголовного судопроизводства. Однако в условиях усложнения социальных систем и трансформации приоритетов государства с акцента на права человека на акцент в сторону обеспечения национальной безопасности ОРД получила более широкий спектр задач, выходящий за рамки уголовного права.

Это расширение было закреплено законодательно в Законе об ОРД, в актах о контрразведывательной и разведывательной деятельности, где использовалась терминология, свойственная сфере национальной безопасности, а не уголовному процессу. В последнем упор делается на права и гарантии личности, тогда как в сфере ОРД приоритет отдан предотвращению угроз, в том числе потенциальных.

Ранее в науке отмечалось, что ОРД и уголовный процесс преследуют общие цели на досудебной стадии. Однако подход с позиций теории безопасности указывает на их существенное функциональное различие: если уголовный процесс сосредоточен на защите личности и установлении справедливости, то ОРД охватывает более широкий круг задач, включая безопасность государства и общества.

Уголовный процесс и ОРД, хотя и взаимосвязаны в борьбе с преступностью, преследуют принципиально разные цели, используют различные методы и играют отличающиеся роли в системе национальной безопасности. Попытки их механического объединения без учета этих различий могут привести к дисбалансу и снижению уровня правовой защищенности граждан.

Список источников

1. Гусев В. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности: новые тенденции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1.
2. Костюченко Н. И. Проблемы теории и практики управления социальными системами. Краснодар, 2018.
3. Костюченко Н. И. Система функций социальных систем (на примере ОВД) : монография. Симферополь, 2018.
4. Маркушин А. Г. Уголовный процесс и оперативно-розыскная деятельность (проблемы связи и соотношений) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1(17).
5. Мелихов А. И. Разделение оперативности дознания и объективности следствия как залог национальной безопасности России // Криминологический журнал. 2020. № 4.

6. Мелихов А. И. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : дис. ...д-ра юрид. наук. Волгоград, 2023.

А. А. Нечепуренко

(г. Омск)

Сущность судимости как уголовно-правового явления

Достаточно долгое время судимость традиционно рассматривалась как правовое явление, производное от наказания. Отведение судимости такой второстепенной, подчиненной по отношению к наказанию роли не могло не сказаться и на восприятии ее соотношения с другими производными от наказания формами реализации уголовной ответственности, такими как условное осуждение и отсрочка исполнения приговора. Справедливости ради следует отметить, что указанная позиция была выводима из противоречивого законодательного закрепления института судимости по Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Однако в Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ) 1996 г. можно обнаружить уже концептуально иной подход к роли судимости в системе уголовно-правового принуждения. Впервые в уголовном законодательстве России появилось нормативное закрепление временных границ судимости. Согласно ч. 1 ст. 86 УК РФ лицо считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу и до момента погашения или снятия судимости.

Более четкая позиция законодателя по отношению к институту судимости, вероятно, способствовала тому, что в последующем наметилось принципиально иное осмысление соотношения наказания и судимости, а именно, что «...судимость не является качественной характеристикой уголовного наказания. Она есть самостоятельное явление, имеющее тесную связь с уголовной ответственностью и наказанием, однако правовая природа ее значительно отличается от природы уголовного наказания» [1, с. 25]. Такой посыл об особом статусе судимости важен, но недостаточен для объяснения характера ее связи с уголовной ответственностью. Для этого представляется своевременным сделать еще один шаг в понимании судимости и воспринимать ее в качестве содержательного компонента государственного осуждения. Причем речь должна идти о том, что правоограничения судимости являются не дополнительным, а базовым комплексом правоограничений уголовной ответственности.

Рассматривая судимость в качестве самостоятельного уголовно-правового явления, логично попытаться прояснить его сущность. Этот вопрос может быть решен только путем обращения к его истории. В сравнительно недалеком прошлом отечественное уголовное законодательство не знало института судимости, зато имелось такое комплексное дополнительное наказание, как лишение прав. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. такое наказание присоединялось к различным основным наказаниям (смертная казнь, ссылка в каторжные работы, ссылка на поселение в Сибирь и на Кавказ) и включало лишение всех прав состояния, поражение служебных прав и преимуществ, поражение прав семейных и собственности [2, с. 177–187]. По Уголовному уложению 1903 г. приговор к смертной казни, каторге, ссылке на поселение, заключению в исправительном доме и к заключению в тюрьме также сопровождалось лишением прав состояния, что влекло, в частности, поражение в служебной правоспособности. В соответствии со ст. 30 указанного Уложения это лишало осужденного возможности состоять на государственной, сословной, земской, городской или общественной службе, на службе в армии и на флоте, быть избирателем или избираемым в земских, городских или общественных собраниях, быть опекуном или попечителем, третейским судьей, присяжным заседателем, начальствующим, воспитателем или учителем в общественном или частном учебном заведении и др. Подобные правопоражения имели силу не только во время отбытия основного наказания, но и после него, в течение установленных в Уложении сроков [3, с. 278–283].

После Октябрьской революции 1917 г. советская власть, продекларировав отказ от буржуазного законодательства, на деле сохранила указанный выше законодательный подход в уголовно-правовой сфере. Так, уже в первом Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. содержалось такое наказание, как поражение прав. В Уголовном кодексе РСФСР редакции 1926 г. его статус изменился на меру социальной защиты судебно-исполнительного характера, и она стало именоваться «поражение политических и отдельных гражданских прав». В соответствии со ст. 31 УК РСФСР эта мера заключалась в лишении на срок не свыше 5 лет активного и пассивного избирательного права, права занимать ответственные государственные должности, исполнять общественные обязанности и носить почетное звание, права занятия выборных должностей в промышленных и торговых организациях и обществах, родительских прав. Такие поражения в правах могли назначаться в совокупности или по отдельным их категориям [4, с. 232–234].

Важно отметить, что в Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. названное наказание включено не было, поскольку российский законодатель пошел по весьма необычному пути наполнения содержания судимости правоограничениями, отраженными в иных нормативных актах законного и подзаконного характера. Такой подход, конечно же, существенно затруднил идентификацию данных правоограничений как уголовно-правовых. Возникает закономерный вопрос: зачем это понадобилось отечественному законодателю? Скорее всего, исключение из системы наказаний поражения прав было политическим шагом, демонстрацией гуманизации нового уголовного законодательства. Одновременно закреплялся концептуальный подход, направленный на новое понимание судимости как уголовно-правового института. В результате различные поражения прав, когда-то заключенные в комплексном дополнительном наказании и представлявшие собой не что иное, как кару, т. е. соразмерное воздаяние осужденному за совершенное им преступление, в большинстве своем приобрели статус правоограничений общеправового характера, обязательных для всех лиц, привлеченных к уголовной ответственности. В настоящее время лишь незначительная часть таких правоограничений сохранилась в уголовном законодательстве в виде самостоятельных наказаний: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ) и лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ).

Поскольку столь резкая смена статуса правоограничений, сравнительно недавно входивших в содержание дополнительного наказания, теорией уголовного права до конца еще не осознана, мы имеем весьма противоречивый институт судимости, содержательная часть которого распределена во множестве федеральных законов, непосредственно не направленных на борьбу с преступностью.

Итак, можно констатировать, что правоограничения судимости в настоящее время представляют из себя определенные запреты для судимых, закрепленные во множестве федеральных законов. Эти ограничения носят по своей сути карательный характер и предназначены для реализации уравнивающего аспекта принципа справедливости по отношению к лицам, признанным виновными в совершении преступлений. При этом распределяющий аспект справедливости реализуется при применении иных форм уголовной ответственности, а именно, различных видов наказания и испытания. Под испытанием здесь понимается совокупность мер, заменяющих наказание под угрозой его отбывания в случае уклонения от ис-

полнения установленных судом обязанностей в виде запретов и предписаний в период испытательного срока. Эти меры закреплены в ст. ст. 73, 79, 82, 82¹ УК РФ.

Логическим следствием такого понимания судимости как базовой формы реализации уголовной ответственности, заключающейся в карательных правоограничениях, равных для всех осужденных, совершивших преступления определенной категории, должны стать значительные корректировки ее законодательного регулирования в действующем УК РФ и еще более существенные в будущем.

На первом этапе в ст. 86 УК РФ целесообразно произвести хотя бы следующие изменения:

а) исключить возможность аннулирования судимости в связи с освобождением лица от наказания;

б) установить зависимость срока судимости только от тяжести совершенного преступления, что подразумевает введение определенных минимальных сроков судимости для всех осужденных, независимо от того, назначено ли им наказание или испытание.

Было бы полезно уже на данном этапе осмысления карательной сущности судимости обсудить вопрос о введении в следующем УК РФ исчерпывающего, но дифференцированного в зависимости от категории преступления перечня правоограничений для лиц, являющихся судимыми. При этом ревизии и последующей унификации должны быть подвергнуты все без исключения федеральные законы, в той их части, где речь идет о правоограничениях как для лиц, обвиняемых в совершении преступления, так и признанных совершившими преступления, независимо от того, освобождались ли они от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующим основаниям либо находятся в статусе лиц, имеющих или имевших судимость.

Список источников

1. *Мицкевич А. Ф.* Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб., 2005.

2. *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. М., 1988. Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века.

3. *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. М., 1994. Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций.

4. *Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937 гг.)*. М., 1938.

И. Н. Серебренников

(г. Москва)

Преюдиция: сущность и новые подходы к определению понятия

В современной российской правовой системе преюдиция находит свое отражение во всех процессуальных отраслях права [1, с. 174]. Конструкция преюдиции прямо или косвенно закреплена в кодифицированных нормативных правовых актах (ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ; ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ; ст. 64 Кодекса административного судопроизводства РФ; ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ; ст. ст. 26 и 26.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Конституционный Суд РФ также неоднократно в своих постановлениях отражал преюдицию и решал вопросы, связанные с ее реализацией (например, постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений 212¹ УК РФ в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина»).

Однако понятие «преюдиция» в законодательстве Российской Федерации не закреплено, поэтому оно нуждается в рассмотрении. Среди ученых-юристов также не существует единого представления о понятии «преюдиция». По нашему мнению, связано это с тем, что явление преюдиции, несомненно, находит свое отражение во всех отраслях процессуального права, однако обладает своими особенностями в каждой из них. Например, в административном праве Российской Федерации законодателем закреплено, что уполномоченные субъекты административного права имеют полномочия по привлечению к административной ответственности. Соответственно, они могут принимать решение в отношении субъекта права о назначении административного наказания. В уголовном праве Российской Федерации исключительно суд принимает решение о назначении уголовного наказания. В связи с изложенным выше предлагается рассмотреть новые подходы к понятию «преюдиция», которые обосновывают общее определение дефиниции «преюдиция» применительно к любой отрасли права.

В научных исследованиях встречаются различные толкования понятия «преюдиция». Э. Ф. Шамсумова и С. А. Смирнов понимают под преюдицией категорию процессуального порядка [2, с. 38]. К. А. Гринштейн, К. К. Пегушина и С. А. Пинчук считают, что преюдиция — это институт юриспруденции [3, с. 83]. А. Ю. Сухаруков и Н. В. Павлов полагают, что преюдиция является правовым институтом [4, с. 1018].

С точки зрения В. А. Воробьева, преюдиция — это средство юридической техники [5, с. 100]. Т. Н. Радько понимает преюдицию как «разновидность нетипичного нормативного предписания» [6, с. 35]. А. П. Подолян рассматривает преюдицию концептуально и выделяет ее виды [7, с. 232].

Это лишь некоторые существующие в юридической науке позиции относительно понятия «преюдиция», однако они явно демонстрируют, что преюдиция — это многоаспектное и многогранное явление.

В современном праве преюдиция становится общей технической конструкцией, имеющей общетеоретическое правовое содержание. В связи с этим предлагается использовать наиболее общее определение преюдиции, раскрывающее ее сущность. Преюдиция — это часть института доказывания, который одновременно обязывает уполномоченный субъект права (не только суд), рассматривающий какой-либо правовой спор, принимать какой-либо документально подтвержденный факт, установленный решением уполномоченного органа/суда в конституционном, уголовном, гражданском, арбитражном и (или) административном судопроизводстве, а также в производстве по делам об административных правонарушениях как доказательство, не требующее самостоятельной оценки (переоценки) при участии тех же лиц в другом правовом споре и одновременно учитывает обстоятельства, которые признаны общеизвестными.

Таким образом, преюдиция может рассматриваться с философско-правовых позиций как явление, повсеместно распространенное в современной правовой реальности и требующее философско-правовой, т. е. сущностной характеристики.

Список источников

1. Мальченко К. Н. Понятие преюдиции в современном гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1(102).
2. Шамсумова Э. Ф., Смирнов С. А. Эволюция понятия «преюдиция» в российском праве // Российское право онлайн. 2023. № 3.
3. Гринштейн К. А., Пегушина К. К., Пинчук С. А. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений // Эпомен. 2019. № 26.
4. Сухаруков А. Ю., Павлов Н. В. Особенности применения административной преюдиции // Синергия Наук. 2019. № 42.
5. Воробьев В. А. О соотношении преюдиции и юридико-технических средств в уголовном процессе // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4: Правоведение. 2017. Т. 7, № 5.

6. Радько Т. Н. Теория государства и права в схемах и определениях : учеб. пособие. М., 2011.

7. Подолян А. П. Преступления с административной преюдицией // Эпомен. 2019. № 34.

А. К. Бекряшев

(г. Омск)

Адам Смит о неопределенности

В тезисах рассматривается связь идей А. Смита о неопределенности с теорией вероятности Юма и предлагается альтернатива трактовкам, предполагающим сходство позиций Смита и Кейнса.

Актуальность проблемы обусловлена наличием концептуальных лакун в интерпретации неопределенности в трудах основоположника экономической науки. Анализ eLibrary показывает отсутствие российских статей, посвященных этой части идейного наследия Смита. Между тем Смит признает значимость фактора неопределенности в деятельности экономических агентов и систематически использует этот концепт. Однако в редких посвященных этой проблеме работах (М. Э. Брэди) интерпретация взглядов Смита на неопределенность представляется небесспорной и нуждается, по нашему мнению, в критическом анализе.

Рассматривая тексты Смита через призму антикваристского (исторический контекст) и презентистского (современные категории) подходов, мы обнаруживаем в них концепции неопределенности двух типов.

В первом случае Смит систематически использует термины «неопределенность» (uncertainty), «неопределенный», «неоднозначный», однако значение термина может отличаться от принятого в современной научной литературе. Наиболее показательны отрывки БН, содержащие рассуждения о вероятности успеха в освоении профессий (сапожник/юрист) [1, с. 92], неопределенности налога [1, с. 605, 618, 619], улова сельди [1, с. 184], фрагменты ТНЧ о неопределенности применения абстрактных норм добродетели [2, с. 177], *Истории астрономии* — о неопределенности мышления в непредвиденных ситуациях [3, р. 39, 40], *Лекций по юриспруденции* — о неоднозначности норм права [4, р. 46, 88, 89].

Во втором случае Смит термин «неопределенность» не использует, однако фактически оперирует концептом эпистемологической неопределенности (неоднозначности), обусловленной отсутствием информации, которая может быть известна [5, р. 41]. Этот вопрос рассматривается

в нашей статье [6]. Таким образом может быть интерпретирован фрагмент БН об оценке банковского риска [1, с. 225–226], факторах, влияющих на соотношение «выгод и невыгод» профессии [1, с. 99], а также некоторые фрагменты *Истории астрономии*, например, о воспринимаемой нерегулярности явлений как следствии незнания законов природы [3, р. 43–44].

Анализ двух ключевых фрагментов БН позволяет реконструировать оригинальную концепцию неопределенности у Смита.

Выбор профессии: неопределенность как вероятность.

В известном примере о профессиях сапожника и юриста Смит использует термин «неопределенный» (uncertain) для описания успеха в «свободных профессиях», противопоставляя его гарантированному результату в «механических» [1, с. 92; 3, р. 150].

Брэди трактует это как сходство с Кейнсом, утверждая, что Смит разделяет идею интервальных вероятностей из-за недостатка данных [7, р. 6]. Однако Смит прямо указывает известную вероятность успеха юристов («20 к 1»), что исключает эпистемологическую неопределенность в кейнсианском смысле.

Его аргумент сводится к психологическому фактору: «абсурдной уверенности людей в своем успехе» [1, с. 93–96], что ближе к современной теории «иллюзии контроля Лангер» [8].

Улов сельди: неопределенность как слабая зависимость.

В этом же отрывке Смит пишет о неопределенности в несколько ином контексте. «Так как ловля рыбы в большей степени зависит от расположения страны, чем от уровня ее богатства и состояния промышленности, поэтому в различных странах она может быть одинаковой на различных ступенях хозяйственного развития и весьма различной на одной и той же ступени, зависимость же ее от состояния хозяйства неопределенна, и об этой именно неопределенности я здесь и говорю» [1, с. 184].

Во фрагменте о рыболовстве Смит выделяет два типа зависимостей: сильную — от «расположения страны»; слабую — от «уровня богатства», которую и называет «неопределенной» [1, с. 184].

Подобным образом Смит анализирует факторы, влияющие на эффективность труда по производству шерсти и сырых кож, которая «является ... неопределенною, поскольку зависит от производства других стран» [1, с. 183]. В оригинальном издании он пишет, что поскольку влияющие на эффективность труда обстоятельства «совершенно независимы от отечественной промышленности, по этой причине они неизбежно делают эффективность ее усилий более или менее неопределенной» [9, р. 326].

Бре́ди ошибочно, на наш взгляд, видит здесь проблему «качества данных» [10, р. 9], тогда как Смит акцентирует объективную слабость причинных связей. Это соответствует юмовскому различению: вероятность шансов (математическая) — для событий с известной случайностью (выбор профессии) и вероятность причин — для ситуаций с непостоянством связей (улов рыбы) [11, с. 180].

Это соответствие юмовскому различению не случайно. Как свидетельствуют исследования, Смит, по всей вероятности, ознакомился с *Трактатом о человеческой природе* Юма еще в период работы над *Историей астрономии* [6, р. 66]. Современники особо отмечали ожидание того, что Смит применит «способность иллюстрации истинной старой юмовской философии» в своих трудах. Действительно, в своих работах Смит последовательно использует юмовскую ассоциативную трактовку причинности, заимствуя характерную терминологию и фразеологию [3, р. 40]. Это методологическое сходство имеет принципиальное значение, поскольку именно теория причинности составляет концептуальную основу юмовского понимания вероятности.

В отличие от Кейнса, который проводил четкое разграничение между понятиями «весьма неопределенного» и «весьма маловероятного» [12, с. 338], а также между вероятностью и «весом аргумента» [13, р. 84], Смит не рассматривает неопределенность и вероятность в качестве независимых категорий.

По нашему мнению, могут быть приведены аргументы в пользу того, что Смит в интерпретации неопределенности опирался на идеи Юма, и, прежде всего, на его концепцию вероятности, предполагающую различение вероятности, основанной на случайности (*founded on chance*), и вероятности, происходящей из причин [7, с. 180].

Вероятность, основанная на шансах (случайности), определяется как связанная с объектом, который «в действительности недостоверен (*uncertain* в оригинальном издании [14, р. 284]) и существование и несуществование его зависят от случая» [11, с. 484]. Согласно Кейнсу, это концепция общего закона среди массы явлений, несмотря на неопределенность каждого частного случая [13, р. 369]. Неопределенность здесь — лишь отсутствие полной достоверности и ее трактовка отлична от кейнсианской. Неопределенность не рассматривается Юмом как независимая от вероятности характеристика, но как свойство самой вероятности [11, с. 234].

Вероятность причин имеет место, когда «причины не оказывают своего обычного влияния» [11, с. 186–187], «действие ... изменчиво и неопределенно» «в силу смешения и неопределенности причин» [11, с. 673].

Отрывок о выборе профессии сапожник/юрист — блестящее применение Смитом концепции вероятности шансов вероятности Юма. Во фрагментах, посвященных улову сельди, производству шерсти и выделке кож, Смит следует в трактовке неопределенности юмовской концепции вероятности причин, которая соответствует, как замечает Ян Руцкий, «приблизительному знанию коррелятивных зависимостей» [10, с. 698].

В отрывке о неопределенности и шансах на успех в поиске и открытии новых рудников и зависимости от «человеческого искусства и труда» термин «неопределенность» предполагает отсутствие информации о распределении этой случайной величины. «В этих поисках, — пишет Смит, — нет, по-видимому, определенных пределов ни для возможного успеха, ни для возможной безуспешности человеческого труда» [1, с. 185]. С точки зрения презентистского подхода здесь можно увидеть идею кейнсианской эпистемологической неопределенности, однако сам термин по-прежнему используется Смитом для обозначения непредвиденности исхода отдельных событий, неопределенности частных случаев.

Приведенные аргументы позволяют поставить под сомнение тезис Брэди о сходстве подходов Смита и Кейнса к проблеме неопределенности. В юмовской эпистемологии, повлиявшей на Смита, вероятность представляет собой особую форму познания, характеризующуюся «очевидностью, которая еще сопровождается неуверенностью» (в оригинале — «evidence that is still attended with uncertainty») [11, p. 180]. При этом Юм подчеркивает, что «то, что обыватели называют случайностью, есть не что иное, как скрытая причина» [11, с. 185].

Важно отметить, что Юм рассматривает неопределенность (изменчивость и отсутствие постоянства в причинных связях) как явление, преодолеваемое по мере накопления знаний. По его мнению, с расширением познания причинных зависимостей вероятность «превращается в достоверность» [11, с. 187, 194]. Этот принципиальный аспект юмовской философии, усвоенный Смитом, существенно отличает его подход от кейнсианской концепции неопределенности.

Список источников

1. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
2. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997.
3. *Smith A.* Essays on Philosophical Subjects: The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith: III. Oxford, 1980.

4. *Smith A.* Lectures on Jurisprudence / Ed. by R. L. Meek, D. D. Raphael, P. G. Stein. Oxford, 1978.
5. *Dequech D.* Fundamental Uncertainty and Ambiguity // Eastern Economic Journal. 2000. Vol. 26.
6. *Wightman WPD.* Adam Smith and the History of Ideas // Essays on Adam Smith / Ed. by A. S. Skinner, T. Wilson. Oxford, 1975.
7. *Brady M. E.* Adam Smith's Theory of Probability and the Roles of Risk and Uncertainty in Economic Decision Making // International Journal of Applied Economics and Econometrics. 2015. Vol. 23.
8. *Langer EJ.* The illusion of control // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. Vol. 32.
9. *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Ed. by E. Cannan. London, 1904.
10. *Brady M. E.* On Adam Smith's Major, Original Contributions to Economic Theory and Decision Making // Scholedge International Journal of Business Policy & Governance. 2016. Vol. 3.
11. *Юм Д.* Сочинения : в 2 т. М., 1996. Т. 1.
12. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег // Избранные произведения. М., 1993.
13. *Keynes J. M.* A Treatise on Probability. London, 1921.
14. *Hume D.* A Treatise of Human Nature. Vol. 1. Oxford, 2007.

РАЗДЕЛ II. ПРАВО В СИСТЕМЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ: ПРАВО И МОРАЛЬ, ПРАВО И РЕЛИГИЯ. ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

И. Л. Вершок

(г. Минск, Республика Беларусь)

Вопросы динамики правового сознания в правовом поведении: постановка проблемы

В юридической сфере в настоящее время внимание ученых сконцентрировано на различных аспектах повышения действенности и эффективности права. Среди мер по укреплению законности и правопорядка, эффективности правотворческой деятельности, совершенствованию правоприменительного процесса значительное внимание уделяется повышению уровня и (или) формированию правового сознания, правовому воспитанию и просвещению, правовой информатизации. Причем формирование или повышение уровня правового сознания рассматривается как в отношении адресатов правовых норм, так непосредственно и лиц, вовлеченных в процедуры правотворчества и правоприменения на профессиональной основе. Значительное внимание уделяется структуре и функциям правового сознания; характеризуются его проявления у разных групп населения, дифференцированных по возрастному, национальному, региональному, профессиональному признакам; оценивается динамика правового сознания в условиях цифровой трансформации общества. Однако некоторые результаты научных изысканий по соответствующим проблемам правосознания имеют метафизическое, абстрактное содержание, их выводы сложно верифицируемы и применимы на практике. Иные работы, наоборот, обладают узкоприкладной направленностью и содержат выводы прагматического характера, не подлежащие глубокому теоретическому обоснованию, ретроспективной и перспективной оценке.

Полагаем, что познание процессов осмысления и выражения правовой информации в правовом сознании должно осуществляться именно

в предметно-научной (практико-ориентированной и при этом доктринально обоснованной) сфере деятельности правоведов, принимая во внимание, но не взяв за основу абстрактные метафизические рассуждения философов о категории правосознания. В данном контексте необходимо изучать сам механизм реализации правового сознания, т. е. его воплощение в правовом поведении. Так, «между правовой нормой и фактическим правовым поведением находится область индивидуальной свободы, делающей постановку вопроса о роли правосознания в процессах реализации права необходимой» [1, с. 35].

Во-первых, уяснение механизма динамики правового сознания субъектов правонарушений позволяет оценить субъективную сторону неправомерного деяния, установить причины и условия его совершения, и в случаях установления объективных факторов правонарушения (отсутствия системности, формальной определенности, единообразной практики применения или толкования правовых норм, нелегитимности правовых предписаний) принимать меры по устранению дефектов правового регулирования, «влияющих на способность права действовать, продуцировать правомерное поведение субъектов общественных отношений и направлять его в социально полезное русло» [1, с. 36].

По мнению Н. Н. Полянского, понятие виновности как условия ответственности неотъемлемо принадлежит правосознанию, из которого его не вытравят никакие научные доктрины и построения [2, с. 45].

Во-вторых, изучение механизма динамики правового сознания в правомерном поведении позволяет обнаруживать случаи конформизма в праве либо пограничного состояния между правомерным и противоправным поступком и в дальнейшем принимать меры профилактической направленности.

Процесс правового сознания человека состоит в восприятии, отражении, осмыслении и выражении информации в правовом поведении. Однако в отличие от других живых организмов, имеющих свойства психического отражения, человек обладает субъектностью, которая заключается в способности формировать совокупность представлений о самом себе и своей роли в окружающем мире. На основании этого он способен самостоятельно, без воздействия внешних раздражителей, регулировать свое поведение [3, с. 73], адаптируясь к постоянным изменениям в социальной, природной и цифровой реальности.

Указанная уникальная способность человека к саморегуляции специфически проявляется в юридической действительности. Если наличие сознания в целом предполагает саморегулирование (самоорганизацию),

то феномен правового сознания — это результат сложного сочетания внешних, гетерономных (в том числе юридических), и внутренних, автономных (саморегулирование), императивов при интериоризации правовых норм каждым индивидом. Такое сочетание, с одной стороны, строго индивидуально из-за особенностей физиологии, психики, направлений и форм социализации любого человека, и поэтому каждый обладает особым и даже уникальным механизмом реализации правового сознания в правовом поведении. Соответственно, каждый акт правового поведения, независимо от того, является ли он правомерным или противоправным, имеет свои неповторимые черты, вызывающие необходимость индивидуального подхода правоприменителя в оценке каждого случая при вынесении правоприменительного решения.

С другой стороны, динамика правового сознания обусловлена действием правовых норм на основе принципа формально юридического равенства и обладает закономерностями, предопределяемыми границами, способом, типом и методом правового регулирования. В связи с этим некоторые проявления правового сознания имеют свое типичное выражение в правовом поведении коллективов или групп участников общественных отношений, входящих в один и тот же предмет правового регулирования. Они могут быть изучены и подвергнуты в дальнейшем внешнему правовому воздействию в целях корректировки направлений, скорости динамики отдельных компонентов социальной, природной или цифровой реальности.

Иными словами, правовое сознание характеризуется индивидуальностью при интериоризации и сходством (типичностью для отдельных групп (коллективов)) при экстериоризации информации правового содержания.

Например, в брачно-семейных отношениях для многих субъектов выполнение родительских функций осознается как естественное право, содержание которого усвоено из индивидуального опыта предшествующих поколений в собственной семье. Другие субъекты родительские функции будут воспринимать как юридическую обязанность, которую налагают на них имеющие признак общеобязательности нормы семейного законодательства. Однако в результате все они будут в своем правовом поведении по отношению к своим детям выполнять относительно похожие типичные родительские функции. В приведенном примере регулирование поведения, заложенное природой человека, его индивидуальными семейными традициями, обладает иным механизмом реализации в правовом поведении по сравнению с действием общеобязательных правовых

норм. Однако в конечном счете они формируют устойчивые мотивационные доминанты поведения конкретного человека, обуславливающие реализацию или нарушение правовых норм.

По мнению Л. И. Петражицкого, способность правовой, императивно-атрибутивной психики вызывать относительную общность и неуклонность соблюдения соответствующих правил социального поведения следует признать великим достоинством и преимуществом перед нравственной психикой [4, с. 128]. Выражая сомнение относительно «великого преимущества» правовых эмоций перед нравственными, согласимся с тем, что правовое сознание действительно обеспечивает так называемую «относительную общность», получая выражение в более или менее массовом, типичном, правовом поведении. При этом исследователь правового сознания в качестве объекта изучения может брать как случаи массовых проявлений правового сознания в противоправном поведении, так и исключительное, нетипичное проявление правового сознания в поведении субъекта права.

На основании изложенного предлагается в юридической доктрине делать исследовательский акцент не на характеристике категории, структуры и функций правосознания, а непосредственно изучать механизм выражения правового сознания в правовом поведении. В общей теории права такая познавательная деятельность должна быть основана на междисциплинарном анализе процессов восприятия, отражения, осмысления и выражения правовой информации. В отраслевых юридических науках может изучаться специфика правового сознания в конституционно-правовой, уголовно-правовой, эколого-правовой и иных сферах посредством изучения типичных его проявлений в правовом поведении, а также выявления и исследования уникальных, специфических случаев противоправного поведения субъектов, анализа его причин и условий и подготовки выводов о возможности и необходимости их устранения.

Список источников

1. *Хакимов И. А.* Правосознание в процессах реализации права: теоретико-методологический и структурно-функциональный аспекты / под ред. И. П. Кожокаря. М., 2021.
2. *Полянский Н. Н.* Уголовный кодекс РСФСР и германский проект уголовного уложения. Вина, наказание и меры социальной защиты // *Право и жизнь*. М., 1922. Кн. 3.
3. *Маклаков А. Г.* Общая психология. СПб., 2003.
4. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.

А. В. Антипов

(г. Москва)

К проблеме морального и юридического статусов цифровых останков

Появление электронных цифровых помощников, а также использование в них инструментов и технологий искусственного интеллекта открывают перед нами как человечеством огромные перспективы и возможности. Будучи свидетелями глобального цивилизационного сдвига, который осуществляется здесь и сейчас, мы поневоле вовлечены в то, что происходит. Но это также значит, что у нас есть возможность повлиять на то, как это будет происходить и к чему приведет. Уже наступившее будущее позволяет нам ставить под вопрос то, что еще совсем недавно считалось областью научной фантастики и об этом рассуждали разве что на страницах специализированных форумов, но не на академических конференциях. Один из таких вопросов — статус цифровых останков. Его можно задать в двух плоскостях — юридической и моральной.

Но вначале обратимся к понятию «цифровые останки». Использование интернета и подключенных к нему платформ, устройств, приложений не остается незамеченным. Большинство наших действий в сети Интернет оставляет так называемый цифровой след. Это история посещений интернет-страниц, способы взаимодействия с конкретным сайтом, транзакции и истории поиска, а также огромное количество того, что остается для нас незаметным, поскольку не составляет самого предмета нашего поиска или способа взаимодействия. Часть этих данных и метаданных («данных о данных», например, сделанная фотография на камеру смартфона содержит не только непосредственно изображение, но и информацию о геолокации, свойствах объектива и прочее) хранится на наших устройствах, другая часть может быть отслежена и собрана воедино для анализа. Поток этих данных после физической смерти человека называется цифровыми останками. При этом выделяются четыре категории цифровых останков: нематериальные активы (например, лицензии на использование объектов авторского права, криптовалюта); информация о собственности (например, о банковских счетах); интеллектуальная собственность (например, фото, тексты); персональные данные (например, переписка, метаданные) [1, р. 289].

Может показаться, что категория интеллектуальной собственности с точки зрения текущего анализа, а не общей юридической практики, выглядит наименее проблематичной, однако это не совсем так. Здесь проис-

ходит столкновение морали и права: да, интеллектуальные права наследуются, но они могут вступать в конфликт с моральными обязанностями (допустим, при получении в наследство личного дневника умершего).

Конфликт морали и права в случае цифровых останков также описывается в виде конфликта двух видов прав: права собственности, в соответствии с которым цифровые останки признаются частью собственности, а потому передаются наследнику, и права на приватность, в рамках которого личная информация остается личной информацией. Возникает закономерный вопрос: разрушается ли право на приватность вместе со смертью человека [1, р. 289]?

Ответ, как нам видится, не простой. С одной стороны, переход чувствительной информации в разряд собственности и ее передача наследникам может иметь негативные последствия, поскольку эту информацию умерший хотел бы сохранить в тайне (например, использование приложений для знакомств). С другой стороны, отказ от передачи этих данных в собственность наследникам открывает пути для ее недобросовестного использования платформами, на которых она размещена. В этом случае возникает проблема о необходимости дополнительного регулирования этой сферы.

При этом актуализируется вопрос о приватности. Несмотря на нагруженность этого термина, в том числе и философскую, одним из наиболее прагматически приемлемых вариантов выглядит использование приватности для обозначения контроля над информацией, что означает право принимать решения относительно того: 1) с кем делиться информацией; 2) когда и как ей делиться [2, р. 17]. Выведение этого контроля за пределы жизни человека позволяет снять часть вопросов относительно распоряжения информацией, в то же время платформы и устройства, как можно заметить, следуют приватности именно в понимании контроля. Например, уже сейчас в устройствах одного из крупнейших производителей электронных девайсов можно назначить цифрового наследника, т. е. определить человека, которому перейдет часть данных после смерти владельца устройства (пока это распространяется только на информацию, хранящуюся в облаке).

Следуя пониманию приватности как контроля, в литературе выделяется несколько типов управления данными после смерти человека: суррогатное управление (управление осуществляет другой человек), автоматизированная отправка (если человек перед смертью подготовил какое-то количество публикаций и настроил частоту их отложенной отправки), алгоритмические сообщения (использование алгоритмов для генерации

текстов на основе того, что когда-либо было опубликовано умершим), искусственный интеллект (использование инструментов искусственного интеллекта для «воскрешения» личности, создание цифрового двойника) [3, р. 22].

Вопросы о цифровых останках, несмотря на то что все еще могут показаться несколько фантастическими, поднимаются уже сейчас. Переход mortalных практик в интернет, появление в социальных сетях большого количества страниц людей, которые уже мертвы, формирование практик цифрового горевания, обозначение такой исследовательской области как цифровая танатология (или кибертанатология [4, с. 82]) — все это и многое другое свидетельствует о том, что вопросы, в том числе морального и правового статуса цифровых останков, касаются нас уже сейчас.

Список источников

1. *Birnhack M., Morse T.* Digital remains: property or privacy? // *International Journal of Law and Information Technology*. 2022. Т. 30, № 3.
2. *Westin A. F.* Privacy and Freedom. New York. 1967.
3. *Morse T., Birnhack M.* The continuity principle of digital remains // *New Media & Society*. 2024. Т. 26, № 9.
4. *Бонойер Э., Гиттон М.* Кибертанатология: за пределами смерти в цифровую эпоху // *Омский научный вестник*. Серия: Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1.

В. А. Игнатенко

(г. Красноярск)

Книга Притчей Соломоновых о принципах деятельности совещательного органа Древнего Израиля: правовой аспект

В современном обществе все чаще звучат призывы при выборе путей дальнейшего общественного развития обращаться к традиционным ценностям и духовным источникам, сформировавшим нашу цивилизацию.

В связи с этим научное сообщество все чаще обращает внимание на роль нравственных ценностей, лежащих в основе любого ортодоксального религиозного учения, и их влияние на духовное развитие личности.

В свою очередь религиозная мораль по-прежнему занимает свое место в числе других социальных регуляторов общественной жизни.

Взаимосвязь категорий «право», «мораль», «религия» также является предметом дискурса в научной среде не только среди религиоведов, культурологов и философов, но и политологов, историков и юристов.

Сразу нужно подчеркнуть, что и религия, и право являются частью общественной культуры. При этом право как инструмент в руках государства способно влиять на культуру, содействуя творчеству и созиданию «культурных ценностей» [1, с. 69–71].

Вместе с тем при рассмотрении соотношений понятий «право» и «религия» следует отметить, что право влияет на религию, например, защищая свободу вероисповедания.

Но и религия оказывает влияние на право путем формирования определенных моральных ценностей и правил поведения, которые в дальнейшем находят свое отражение в общественных отношениях, защищаемых правовыми нормами, например, нормами уголовного законодательства.

В данной статье в качестве исторического источника используется один из религиозно-этических памятников мудрости Древнего Израиля «Книга Притчей Соломоновых» (далее — Книга Притчей). Это произведение становилось объектом исследования таких ученых, как Г. В. Андрианов [2; 3; 4], Н. Н. Бахарева [5], Н. А. Ермейчук [6], Л. П. Клименко [7], Т. Д. Климов [8], Л. И. Кушнарёва [9], А. А. Осипова [10], К. Приходько [11], А. Т. Цыбульский [12; 13; 14].

Согласно Священному Писанию (Библии) Соломон стал царем Древнего Израиля в 965 г. до н. э. и, имея «сердце мудрое и разумное», он «изрек... три тысячи притчей», 915 из которых были записаны в Книге Притчей.

В частности А. В. Рубанов отмечает, что в произведении особо выделены «характерные признаки идеального царского управления и гармоничного устройства общественной жизни» [15, с. 5, 8].

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению принципов деятельности совещательного органа Древнего Израиля, требуется пояснить, что этимолом термина «принцип» является латинское слово «*principium*», означающее «основа», «начало», под данным термином, с точки зрения современных филологов, понимается:

- основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки;
- аксиома, постулат;
- убеждение, взгляд на вещи;
- основная особенность в устройстве чего-либо [16, с. 625].

В свою очередь совещательные органы во всех государствах Древнего мира функционировали при органе власти рабовладельческого общества — монархе.

Они представляли собой либо совет при правителе, служащий в том числе для ограничения его власти (например, паришад, тайный совет и раджа-сабха при царе Древней Индии), либо формировались отдельными советниками (например, в Древнем Египте, Вавилоне и Древнем Израиле).

Г. А. Гарифуллина, говоря о предназначении совещательных органов в механизме государства, отмечает, что они «способны повысить прозрачность государственного управления... в контексте построения отношений государства и общества» [17, с. 4–5].

Так, согласно Книге Притчей принципы деятельности совещательно-го органа (советников) закреплены в следующих притчах:

— «При недостатке попечения падает народ, а при многих советниках благоденствует» (Пр. 11:14);

— «Путь глупого прямой в его глазах; но кто слушает совета, тот мудр» (Пр. 12:15);

— «От высокомерия происходит раздор, а у советующихся — мудрость» (Пр. 13:10);

— «Без совета предприятия расстроятся, а при множестве советников они состоятся» (Пр. 15:22);

— «Слушайся совета и принимай обличение, чтобы сделаться тебе впоследствии мудрым» (Пр. 19:20);

— «Предприятия получают твердость чрез совещание, и по совещанию веде войну» (Пр. 20:18) [18, с. 594-602].

Проанализировав данные притчи, можно сформулировать следующие принципы деятельности совещательного органа:

1. Наличие совещательного органа (советников) при царе Древнего Израиля являлось обязательным.

2. Советников должно было быть более одного (на основании более мудрого совета царь принимал управленческое решение).

3. Посредством деятельности совещательного органа становились возможными компромиссные управленческие решения.

4. Совещательный орган функционировал как субъект по поиску баланса между интересами власти и общества.

5. Все наиболее важные управленческие решения должны были приниматься монархом после совещания в обязательном порядке со своими советниками.

6. При взаимодействии со своими советниками правитель оттачивал свои управленческие способности.

7. Монарх должен был уметь прислушиваться к критике своих советников, чтобы править мудро.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. «Книга Притчей Соломоновых» являлась не только набором принципов для израильского народа, но и для будущих правителей, с поучениями их мудрому управлению государством.

2. Совещательный орган Древнего Израиля стал не только действующим правовым институтом, оказывающим содействие государю по осуществлению властных полномочий, но и выражал интересы общества либо его части, являясь прообразом органа общественного контроля.

3. Совещательный орган Древнего Израиля в ходе своей деятельности содействовал реализации в обществе свода религиозно-правовых актов, называемых Законом Моисея.

Список источников

1. *Алексеев С. С., Архипов С. И., Игнатенко Г. В.* и др. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. В. М. Колельского и В. Д. Первалова. М., 2000.

2. *Андреианов Г. В.* К вопросу о параллельных местах между библейской Книгой Притчей Соломоновых и древнеегипетским «Поучением Аменемопе» // Ипатьевский вестник. 2021. № 3(15).

3. *Андреианов Г. В.* Образ Премудрости в Книге Притчей Соломоновых // Скрижали. 2018. Т. 16.

4. *Андреианов Г. В.* Особенности библейских переводов преподобного Макария (Глухарева) на примере Книги Притчей Соломоновых // Ипатьевский вестник. 2019. № 1-2(7-8).

5. *Бахарева Н. Н.* Образ премудрости из Притч Соломоновых в восточно-христианской экзегетике // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 1(6).

6. *Ермейчук Н. А.* Роль изобразительно-выразительных средств в реконструкции языковой картины мира (на материале «Книги притчей Соломоновых») // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 4-2(58).

7. *Клименко Л. П.* Способы переработки параллельных текстов Книги Бытия в Книге Притчей Соломоновых // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2010. № 8.

8. *Климов Т. Д.* Предпринимательство в Книге Притчей Соломоновых // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2024. № 1-1.

9. *Кушнарёва Л. И.* Языковая структура библейской притчи (на материалах Книги Притчей Соломоновых) // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4(33).

10. Осипова А. А. Особенности перевода религиозного текста на русский язык (на примере Книги притчей Соломоновых) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5.

11. Прихотько К. Книга Притчей Соломоновых в составе Виленского ветхозаветного свода: глоссы и их источники // Богословский вестник. 2024. № 2(53).

12. Цыбульский А. Т. Древнеегипетский памятник «Обличение поселенина» и библейская Книга Притчей Соломоновых // Скрижали. 2017. Т. 14.

13. Цыбульский А. Т. Древнеегипетское «Поучение Аменемопе» и библейская Книга Притчей Соломоновых // Скрижали. 2019. Т. 18.

14. Цыбульский А. Т. Древнеегипетское «Поучение Ани» и библейская Книга Притчей Соломоновых // Труды Минской духовной академии. 2017. № 14.

15. Рубанов А. В. Мудрость царя Соломона: этико-социальная реконструкция // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. Психология. 2023. № 1.

16. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2009.

17. Гарифуллина Г. А. Совещательные органы при федеральных ведомствах: политическая роль экспертного знания : дис. ... канд. полит. наук. М., 2013.

18. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2017.

А. Б. Малявина

(г. Ростов-на-Дону)

К вопросу о сущности и значении правового воспитания как средства формирования правовой культуры

С учетом различных положений теории государства и права правовая культура представляет собой совокупность убеждений и знаний о праве и правовых нормах, механизмах реализации правовых норм и правоприменительной деятельности, принятых в обществе. Правовая культура включает в себя не только правовые ценности, но и право в целом, юридические науки, развивающееся юридическое образование. Помимо этого, правовая культура — это вид общей культуры личности, включающей в себя определенную степень правосознания, степень качественного овладения всеми знаниями, навыками, а также, что немаловажно, умение

действовать в правовом поле [1, с. 94]. К элементам правовой культуры, кроме правовых взглядов, стабильности, уровня правового воспитания, также относят уровень развития законодательной и правоприменительной деятельности [2, с. 26].

В настоящее время, когда осуществляется реформирование общественных отношений, проблемы правового воспитания, подъема его уровня приобретают характер неотложных и требуют принятия кардинальных мер, от успешной реализации которых во многом зависит результат государственно-правового строительства в Российской Федерации. Не случайно Президент Российской Федерации обращает внимание на необходимость и важность государственной и общественной деятельности, связанной с воспитанием сограждан в духе уважения к действующему праву [3].

Правовое воспитание — неотъемлемая часть любого общества. Главная цель данного вида воспитательного процесса заключается в формировании у граждан законопослушного поведения, получении необходимых знаний о функционировании правовой системы, усвоении ее обычаев, устоев и особенностей. Правовое воспитание способствует созданию целостной и структурированной правовой системы, каждый субъект которой знает о принадлежащих ему правах и налагаемых обязанностях. Оно способствует облегчению задач правоохранительной системы, так как формирует у граждан уважительное отношение к закону и порядку.

Правовое воспитание — это целенаправленное систематическое воздействие на сознание и поведение человека со стороны государства, общественных организаций, отдельных граждан в целях формирования позитивных представлений, взглядов, ценностных ориентаций, установок, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование юридических норм [4, с. 201].

Из определения становится понятно, что обязанность по формированию у граждан правовой культуры в большей степени лежит на государстве, которое заинтересовано в том, чтобы граждане знали свои права, умели их защищать.

Правовое образование осуществляется с помощью различных методов и средств. Все они своей общей целью имеют формирование полноценного члена общества, обладающего достаточным уровнем познания, необходимого для функционирования в социуме. Другими словами, одной из функций правового воспитания является социализация гражданина.

В настоящее время в России существует несколько форм правового образования: игра, обучение, пропаганда, коллективная воспитательная

работа, индивидуальная воспитательная работа, юридическая практика; самообразование.

Рассмотрим подробнее представленные выше способы формирования правовой культуры гражданина России.

Игра является довольно важной формой правового воспитания. Данный вид деятельности помогает с раннего детства вкладывать в голову человека необходимые правовые установки, которые в дальнейшем должны получить свое развитие в процессе обучения.

Обучение — основной способ передачи подрастающему поколению знаний о культуре права, его особенностях, нюансах. Во многих образовательных организациях существует такой предмет, как правоведение, содержащий необходимые знания о теории государства и права, образуя фундамент для последующего восприятия учащимися правовой культуры. Однако количество часов, посвященных изучению правоведения, недостаточно для полноценного усвоения необходимого базиса знаний в области права. Данная ситуация требует незамедлительного разрешения со стороны государства, так как именно школа является важной ступенью правового воспитания.

Пропаганда выступает наиболее эффективной формой усвоения правовой культуры. Посредством телевидения, радио, СМИ, разного рода лекций и книг государство воздействует на сознание граждан, вкладывая в их головы идею законопослушного поведения, качественно вкладывает в головы людей правильные мысли, которые способствует развитию законопослушного поведения.

Коллективная воспитательная работа помогает не только формированию правовой культуры, но и развитию личности. В обществе человек приобретает навыки, необходимые для существования в обществе, а также перенимает у других людей разного рода правовые устои.

Индивидуальная воспитательная работа является одной из самых эффективных форм перевоспитания детей, с раннего возраста совершающих действия противоправного характера. Посредством особого подхода и поиска рычагов давления личность малолетнего правонарушителя подвергается изменению, корректированию. Данная форма правового воспитания осуществляется правоохранительными органами, которые обязаны приложить все усилия для того, чтобы диванное поведение ребенка переросло в законопослушное.

Юридическая практика является формой правового воспитания, чаще всего встречающейся в высших учебных заведениях, где обучающиеся активно познают право. Они ежедневно взаимодействуют

с правовой культурой, лично участвуя в судебных заседаниях, общаясь с представителями правоохранительных органов, прокуратуры, нотариусами, людьми, напрямую занимающимися вопросами с правовым уклоном.

Самообразование представляет собой самостоятельное познание индивидом правовой культуры, изучение законодательства, разного рода литературы, общение с носителями информации.

К методам правового воспитания относятся приемы, способы и средства, с помощью которых государство воздействует на сознание гражданина, создает основу для правового воспитания.

В современной России существуют следующие методы правового воспитания: убеждение, принуждение, поощрение, личный пример, метод сбора информации. Каждый из них используется в зависимости от характера обстоятельств.

Убеждение представляет собой влияние на психику человека в целях возникновения у субъекта уважения к закону, правильного правового мышления. Убеждение не имеет своей целью запугивание человека возможностью наказания за неправомерные действия, оно направлено на формирование у него установок: «жить по закону — это норма», «любое противоправное действие не является нормой, оно рано или поздно будет наказано».

Принуждение представляет собой воздействие психического, физического и материального характера на поведение человека в целях приучения его к правильному поведению с помощью специальных мер.

Если принуждение играет роль «кнута», то поощрение является «пряником». Поощрение выступает стимулом для гражданина к правомерному поведению, формирует в человеке осознанное желание соблюдать закон, не нарушать права и свободы других граждан.

Личный пример выражается в том, что люди, прививающие ученикам правовую культуру, должны быть примером для подражания.

Метод сбора информации — это комплексная работа, направленная на обнаружение фактов, позволяющих более эффективно осуществить процесс правового воспитания, с последующей их систематизацией и использованием на практике.

Несмотря на имеющиеся методы и формы правового воспитания, в нашей стране существуют проблемы правовой образованности граждан. Этот факт обусловлен спецификой русского менталитета. На протяжении многих столетий в России складывался правовой нигилизм, вылившийся в пренебрежительное отношение к праву. Абстрагирован-

ность представителей власти от народа всегда была «бичом» как и всего мирового сообщества, так и России. Данное обстоятельство привело к отсутствию у граждан чувства правовой защищенности и негативному отношению к праву.

В настоящее время проблема правового воспитания стоит довольно остро. Необходимо преодолеть ее путем масштабного просвещения масс посредством всех выше представленных форм и методов правового воспитания. Широкомасштабное и эффективное использование этих средств способно привести к созданию высокоразвитого гражданского общества, как бы утопично это не звучало. Члены данного общества будут осведомлены о своих правах и обязанностях, что приведет к искоренению правового нигилизма.

Развитая правовая культура позволяет совершенствоваться гражданскому обществу, которое способно регулировать действия органов власти, умеет отстаивать свои права.

Список источников

1. Янчуревич К. В., Парфимчик А. А. Повышение уровня эколого-правовой грамотности как способ повышения уровня правосознания и правовой культуры // Актуальные вопросы науки 2022 : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 12 мая 2022 г.). Пенза, 2022.

2. Гречухина Н. Н. Правовая культура отношений в сфере АПК // Альманах лектория. Правовая этика и культура в современной правоприменительной практике : сб. мат-лов регион. (межвуз.) науч.-практ. конф. (г. Красноярск, 2 декабря 2021 г.). Красноярск, 2022.

3. *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 апреля 2021 г. // Рос. газета. 2021. 22 апр.

4. Борисов А. Б. Большой юридический словарь. М., 2010.

О. С. Мантуров

(г. Екатеринбург)

Особенности формирования правового сознания сотрудников органов внутренних дел в условиях негативного информационно- психологического воздействия

Правоохранительная деятельность является одним из основных видов государственной деятельности, обеспечивающих стабильность госу-

дарства, установление социального порядка, неприкосновенность прав и свобод человека и гражданина. В последние десятилетия данная деятельность протекает в условиях непрерывного негативного информационно-психологического воздействия со стороны самых разнообразных внутри- и внешнеполитических сил, институтов гражданского общества, отдельных граждан.

Негативное информационно-психологическое воздействие на личный состав органов внутренних дел — отнюдь не новое для России явление. Но только в последние десятилетия оно приобретает тотальный характер, ставя под угрозу эффективность осуществления правоохранительной деятельности. И тому есть несколько причин, кроющихся в характере современного общества и самих принципах демократического устройства государства.

Прежде всего речь идет о государственном признании незыблемости прав и свобод человека и гражданина, среди которых мы выделим право на свободное получение и распространение информации. Необходимость полноценной реализации данной конституционной нормы привела к провозглашению открытости и публичности одним из основных принципов деятельности полиции. Неверное и искаженное понимание данного принципа отдельными представителями гражданского общества приводит к самым разным формам осуществления негативного информационно-психологического воздействия на органы внутренних дел, среди которых: вмешательство в профессиональную деятельность сотрудников под видом «общественного контроля»; злоупотребление правом на обращение в государственные органы с жалобами, направленными против конкретных сотрудников; распространение порочащих сотрудника и органы внутренних дел сведений и многое иное.

Следующая группа причин, обеспечивающих воспроизводство негативного информационно-психологического воздействия на личный состав органов внутренних дел, обусловлена влиянием масс-медиа. Постепенное смещение общественного внимания от традиционных средств массовой информации (далее — СМИ) в сторону СМИ негосударственных, функционирующих в цифровом информационном пространстве (среди которых самые разнообразные интернет-площадки, блоги, форумы), приводит к взаимному непониманию интересов данными СМИ и правоохранительными органами, утрате конструктивных путей взаимодействия.

Наконец, очевидная группа причин тотального распространения негативного информационно-психологического воздействия на личный

состав органов внутренних дел кроется в характере современного гражданского общества в России. Незрелость гражданского общества, его аморфность, отсутствие лидеров при недостаточном характере самоопределения приводят к тому, что основными стратегиями взаимодействия гражданского общества в России с государственной властью (а значит, и правоохранительными органами как ее представителями) становятся стратегии деструктивного воздействия: протестные движения, митинги, информационное противодействие во всевозможных его формах. Данные стратегии определяют отношение гражданского общества к власти, а значит, и к правоохранительной системе.

При анализе научной литературы (прежде всего в области психологических наук) мы можем встретить довольно много определений термина «информационно-психологическое воздействие». Так, Е. В. Камнева понимает под информационно-психологическим воздействием «вид психологического воздействия, которое определяется как способ оказывать влияние на людей (на отдельных индивидов и на группы), осуществляемого для изменения идеологических и психологических структур их сознания и подсознания, трансформации эмоциональных состояний, стимулирования определенных типов поведения с применением различных способов явного и скрытого психологического принуждения» [1, с. 51].

В. Г. Стуканов справедливо указывает на следующий аспект: «Можно в самом широком смысле обозначить психологическое воздействие как целенаправленный процесс изменения определенных психических характеристик личности, направленный на изменение поведения отдельных индивидов либо социальных групп. Таким образом, тактической целью психологического воздействия выступают некоторые изменения психических характеристик личности (психического состояния, степени внимательности, уровня внушаемости, оценочного отношения к тем или иным объектам, Я-образа, восприятия самого себя, других людей и т. д.), а стратегической — изменение поведения индивида либо группы людей. Прежде всего, речь идет о социальном поведении, т. е. поведении, которое осуществляется в социуме и оценивается обществом» [2, с. 225].

Попытки ученых дать определение негативному информационно-психологическому воздействию на сотрудников органов внутренних дел при этом лишь акцентируют внимание на отдельных сторонах служебной деятельности правоохранителей, уводя данное явление в область профессиональной этики и деформации профессионального сознания сотрудников.

Подобное определение мы можем встретить, например, в работах А. М. Столяренко, Н. В. Сердюк и В. В. Вахнина: «Под негативным информационно-психологическим воздействием на сотрудников органов внутренних дел следует понимать распространение информации, ведущей к дестабилизации обстановки среди сотрудников, расколу служебных коллективов по различным основаниям, снижению служебной активности» [3, с. 77].

С. А. Голубева определяет негативное информационно-психологическое воздействие как «сознательно инициируемое влияние (внушение), провоцирующее личностную и социальную напряженность, снижение степени организованности, искажение нравственных критериев и норм, влекущее снижение морально-психологического состояния личного состава, что ведет к ухудшению результатов служебно-боевой и учебной деятельности» [4, с. 334].

Негативное информационно-психологическое воздействие на личный состав органов внутренних дел проецирует себя в профессиональном сознании правоохранителей посредством действий граждан, институтов гражданского общества, иных общественных объединений по оказанию деструктивного влияния на оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел, результатом которых является создание и воспроизведение негативного имиджа правоохранительной системы как одного из институтов государственной власти, причинение ущерба репутации органов внутренних дел, подрыв доверия сотрудников органов внутренних дел к органам государственной власти, умаление значимости собственной служебной деятельности [5].

Необходимо понимать, что все усилия законодательной власти, руководства МВД России и территориальных органов внутренних дел по противодействию негативному информационно-психологическому воздействию на личный состав будут малоэффективны до тех пор, пока профессиональное сознание каждого из сотрудников не будет отличать высокий уровень сформированности правовой культуры.

Под правовой культурой сотрудника органов внутренних дел мы можем понимать «разновидность общей правовой культуры, отражающей определенный уровень правосознания, законности, совершенства законодательства, юридической практики и в целом охватывающей ценности, которые созданы людьми в области права» [6, с. 25]. Сформированную на высоком уровне правовую культуру сотрудника органов внутренних дел отличают такие детерминанты, как: знание действующего законодательства и юридической практики; уважение норм закона, понимание

необходимости их соблюдения в любых ситуациях; внутренняя потребность в исполнении данных норм; непримиримость к противоправному поведению граждан, посягательствам на права человека и гражданина; интерес к изменениям в законодательстве, потребность постоянно совершенствовать свои правовые знания.

По словам Е. В. Богатовой, «высокий уровень правовой культуры личности служит неперенным условием надлежащего осуществления прав, свобод, обязанностей участников правоотношений, позволяющих создать препятствия на пути многих негативных явлений, таких как коррупция, правовой нигилизм, правовая неграмотность, высокий уровень преступности и обыкновенное социальное невежество. О правовой культуре личности (гражданина) можно говорить, во-первых, потому что он знает, понимает и верно осмысливает, оценивает свои права, свободы, обязанности, во-вторых, поскольку реально пользуется ими в практической деятельности» [7, с. 32].

Самый прямой путь противодействия негативному информационно-психологическому воздействию на личный состав в настоящее время должен вести к пониманию самими сотрудниками необходимости противодействия данному негативному социальному явлению во всех его формах, уважению себя не только как специалиста-профессионала, но и как личности, уважительному отношению к своим правам и пониманию необходимости бороться за них во всех ситуациях их умаления. Защита органов внутренних дел от негативного информационно-психологического воздействия станет наиболее эффективной только тогда, когда сами сотрудники поймут ценность сохранения своей чести, достоинства и деловой репутации на всем протяжении службы в органах внутренних дел.

Список источников

1. Камнева Е. В. Информационно-психологическое воздействие средств массовой коммуникации на психическое состояние (на примере студенческой выборки) // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 5(18).
2. Стуканов В. Г. К уточнению понятия «информационно-психологическое воздействие» // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5.
3. Столяренко А. М., Сердюк Н. В., Вахнина В. В. и др. Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия // Психология и право. 2019. Т. 9, № 4.
4. Голубева С. А. Методика экспресс-диагностики риска подверженности курсантов негативному информационно-психологическому воз-

действию // Вестник университета гражданской защиты МЧС Беларуси. 2019. Т. 3, № 3.

5. Мантуров О. С. Обеспечение защиты личного состава от негативного информационно-психологического воздействия : монография. Екатеринбург, 2022.

6. Бондарев А. А. Правовая культура сотрудников полиции в контексте их профессиональной деятельности // Наука и практика. 2015. № 4(65).

7. Богатова Е. В. Правовая культура: статика и динамика понимания // Философия права. 2017. № 4(83).

Л. В. Яковлева

(г. Москва)

Мораль и уголовное право: диалектика взаимодействия

Предмет любой отрасли права составляют общественные отношения. Среди тех, где одной из сторон выступает человек, наиболее репрессивным является уголовное право, так как только оно оперирует столь крайними средствами воздействия, каковыми являются уголовные наказания. Именно поэтому обретает особую важность вопрос о том, какие ценности следует охранять с помощью уголовного закона, чтобы, с одной стороны, не вторгнуться в сферу регулирования иных отраслей прав, а, с другой стороны, не оставить безнаказанными деяния, обладающие криминальной общественной опасностью, отличающей преступления от иных правонарушений [1, с. 214–215]. Справедливым в данном контексте выглядит утверждение Ю. А. Демидова о том, что «категории уголовного права... имеют ценностно-оценочную сторону...» [2, с. 215].

Ориентирами для выделения круга охраняемых уголовным правом ценностей служат нормы морали, появившиеся задолго до норм права и в определенный исторический период регулировавшие отношения между людьми, вплоть до формирования мононорм. Соответственно, нормы морали служат основой для норм права, но их разобщенность ослабляет действие норм права [3, с. 36]. В результате недолговечными оказываются уголовно-правовые нормы и нормы морали, не основанные на существующей системе общественных отношений [4, с. 747].

В научных публикациях при сопоставлении права и морали часто упоминают еще одну категорию — нравственность, рассматриваемую как универсальное свойство бытия. Тесная взаимосвязь морали и нравствен-

ности проявляется в том, что первая, как правило, раскрывается через категории второй, такие как добро, справедливость, ответственность и др., т. е. именно нравственность служит первоосновой для морали и права.

Право в целом и уголовное право в частности исторически изменчиво и всегда социально обусловлено [5, с. 21], существенное влияние на него оказывает политика. Н. А. Стручков справедливо подчеркивал, что политика влияет и на мораль, приводя в качестве примера приспособления к реалиям времени такого морального принципа, как «брать чужое плохо», оправдание экспроприации собственности контрреволюционеров в условиях раннего этапа развития советского общества [6, с. 196].

Истины, которые принято называть вечными и рассматривать как категории нравственности, не могут оставаться всегда и везде константами. То, что одобряется в одном обществе, может порицаться в другом, и даже если эти общества существуют одновременно в рамках того же самого типа государственного устройства, не говоря уже о различных типах государства. Далеко не незбылемо и содержание нравственных категорий.

Взять хотя бы естественное право человека на жизнь, следствием признания которого является моральная заповедь, ее истоки кроются в Библии — «не убий». Вряд ли кто сможет с уверенностью утверждать, что охрана жизни стала моральной аксиомой для всех живущих на планете Земля или хотя бы для тех, кто относит себя к просвещенным и цивилизованным личностям. В противном случае убийства бы прекратились и стали бы неприемлемым способом разрешения конфликтных ситуаций. И сам уголовный закон, сурово наказывающий за убийство, допускает исключения из требования охраны этого блага, например, менее сурово карая лицо, действующее в состоянии необходимой обороны. Не признается преступлением и лишение врага жизни на поле боя. Эти отступления от требований морали одобряются обществом, как ранее с момента появления человечества приветствовались наветы и оговоры, на основании которых людей казнили без суда и каких-либо доказательств их преступной деятельности, а кто-то получал от этого выгоду. Убедительным свидетельством такого отношения к человеческой жизни являются действия святой инквизиции, где главенствовали корыстные (экономические) мотивы, а экономика, как известно, в сконцентрированном виде отражается в политике.

Встречаются ситуации, когда один моральный принцип, охраняющий жизнь, оказывается в противоречии с другим — с правом человека распоряжаться своим здоровьем. Казалось бы, в 1930–1950 гг. прошлого века политика советского государства в отношении запрещения аборт и установления уголовной ответственности для женщин, сделавших эту

операцию не по медицинским показателям, также соответствовала моральным принципам и оберегала жизнь еще не родившихся младенцев. Однако последствия этого начинания оказались плачевными. Рождаемость увеличилась, но также возросло и количество скончавшихся от нелегальных абортот женщин.

Тем не менее нельзя отрицать, что мораль является «камертоном» права, хотя право трансформирует под себя мораль. Их объединяет присущая этим социокультурным системам регуляторная функция. При реализации нормы морали она проявляется в саморегулировании в соответствии с общественными потребностями, осознаваемыми и принимаемыми как собственные, и для значительной части общества она выступает в качестве внутреннего регулятора поведения. Норме права индивиды обязаны подчиняться и в том случае, если они не одобряют ее [7, с. 39–40].

В отдельных публикациях идеализируются возможности уголовного права, которое, закрепляя определенные ценности в качестве объектов охраны, способно объединить людей «на основе идеалов добра и зла» [8, с. 77]. Прежде чем следовать этим идеалам, необходимо определить, что есть «добро», что есть «зло», что признавать «справедливым», а чему отказывать в этом качестве. На каждом историческом этапе эти категории наполнялись различным содержанием. И все же остается надежда, что когда-нибудь, непрерывно взаимодействуя и взаимовлияя, мораль и право смогут выработать максимально единообразное отношение к ним настолько, чтобы можно было говорить о моральности права в понимании Г. В. Мальцева [9, с. 9].

Список источников

1. *Иванов Н. Г.* Качество уголовного закона и социально значимая ценность, нуждающаяся в криминализации // Избранные труды по уголовному праву. М., 2023.
2. *Демидов Ю. А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975.
3. *Анощенкова С. В.* Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // Lex Russica. 2016. № 8(117).
4. *Сокольская Л. В.* Диалектика взаимодействия права, морали и нравственности // Lex Russica. 2008. № 4(67).
5. *Зорина Н. А.* Мораль и право как функционально-структурные явления в отражении их категориальных систем // Развитие социальной деятельности Советского государства и права : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1980.

6. Стручков Н. А. О содержании права как элемента надстройки и его роли в борьбе с преступностью // Труды ВШ МВД СССР. Вып. 28. М., 1971.

7. Кондаков С. В. О взаимосвязи правовой и нравственной ответственности // Вопросы ответственности и наказания в свете решений XXVI съезда КПСС : сб. науч. тр. Рязань, 1982.

8. Злобин Г. А. О необходимости концептуального подхода к совершенствованию законодательства // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979.

9. Мальцев Г. В. Нравственные основания права : монография. М., 2023.

Д. В. Попов

(г. Омск)

«Технологическая республика»: политико-правовой вызов нового союза государства и науки

В конце февраля 2025 г. опубликовано исследование А. Карпа (Alexander C. Karp) и Н. Замиски (Nicholas W. Zamiska) «Технологическая республика: Твердая Власть, Кроткая Вера и Будущее Запада» (The Technological Republic: Hard Power, Soft Belief, and the Future of the West) — программный труд двух крупных функционеров компании Palantir Technologies. В частности, Алекс Карп является соучредителем и генеральным директором (co-founder and CEO) компании, известной в качестве лидера среди разработчиков программного обеспечения анализа данных для организаций, среди которых приоритет отдается вооруженным силам и спецслужбам, а также, и лишь во вторую очередь, — инвестиционным банкам, хедж-фондам и другим частным корпоративным клиентам. На страницах книги скупо описывается история компании, при этом особое значение придается тому, как и когда компания Palantir Technologies добилась полноценного сотрудничества с Пентагоном и ЦРУ. Авторы книги демонстрируют опыт Palantir Technologies как образец, которому должны последовать другие передовые компании Кремниевой долины. Алекс Карп убежден в том, что должно состояться возвращение «блудного сына» — IT-гигантов Кремниевой долины — из сферы частного бизнеса, ориентированного на капризы потребителя, желающего все более удобной комфортной частной жизни, в область национальных интересов США, связанных с обороной, разведкой, космической экспансией. Авторы книги счита-

ют безусловным приоритетом государственные интересы США в сравнении с консьюмеристски-ориентированными проектами современных ИТ-компаний. В книге отмечается со ссылкой на мыслителя-анархиста Дэвида Гребера, что «„интернет — это замечательное новшество, но все, о чем мы говорим, — это сверхбыстрое и глобально доступное сочетание библиотеки, почтового отделения и каталога почтовых заказов“. Ему, как и многим другим, хотелось бы большего» [1, р. 64].

Насколько большего желают авторы от нового союза правительства, вооруженных сил и науки, одним из следствий развития которого стали технологии, разрабатываемые признанными лидерами и сонмом стартапов Кремниевой долины? Вот весьма характерный пассаж: «Соединенные Штаты и их союзники за рубежом должны без промедления приступить к реализации нового Манхэттенского проекта, чтобы сохранить исключительный контроль над самыми совершенными формами искусственного интеллекта на поле боя — системами наведения и роями беспилотных летательных аппаратов, а в конечном итоге и роботами, которые станут самым мощным оружием этого столетия. Авианосцы и истребители, которые определяли ход военных действий в прошлую эпоху, станут дополнением к программному обеспечению — средствами, с помощью которых все более интеллектуальные системы обретают власть в мире» [1, р. 63]. Идеологи союза государства и технократов от бизнеса нацеливают на необходимость приложения срочных усилий по инвестированию в национальную безопасность и достижения существенного, критически значимого преимущества США и их союзников над любыми иными конкурентами на планете. Алекс Карп осуждает «технологический эскапизм» поколения творцов феномена Кремниевой долины, связывая его с возобладавшей в университетской среде США 60–70-х гг. XX в. атмосферой скептического отношения к государству и армии в связи с войной во Вьетнаме, крупными коррупционными скандалами и леворадикальным разворотом, толчком к которому послужила критика колониальной экспансии Запада и его «ориенталистской» политики, а также отказ от единой мировоззренческой установки на благотворную цивилизационную миссию Запада в отношении остального мира. Следствием отказа от традиционных американских ценностей, волны самокритики и вменения себе в вину угнетения народов и цивилизаций за пределами Западной ойкумены стало то, что талантливые инженеры и «капитаны» ИТ-индустрии сосредоточились на коммерчески успешных проектах, ориентированных на потребителя, старательно дистанцируясь от общественных проблем, моральных оценок и формирования принципиальной позиции в отноше-

нии национальных интересов. Вызывает любопытство, что, по мнению исследователей, это привело к кризису в образовании, утрате веры в свою правоту, навыков публичного отстаивания собственной точки зрения, и, как следствие, усугублению социальных проблем, препятствующих поступательному развитию Америки.

Алекс Карп призывает восстановить «союз науки и государства», сложившийся в середине XX в. во время и после Второй мировой войны. Высоко оценивая деятельность Роберта Оппенгеймера и Ванне-вара Буша (Vannevar Bush), Карп особую роль отводит Ф. Д. Рузвельту (President Franklin Roosevelt). Именно «Рузвельт с точностью предвидел наступление следующей эры партнерства между национальным правительством и частным сектором промышленности. Он писал, что “нет причин, по которым уроки, которые можно извлечь из этого эксперимента” — т. е. направление ресурсов формирующегося научного сообщества на помощь в ведении самой масштабной и жестокой войны, которую когда-либо знал мир — “не могут быть с пользой использованы в мирное время”. Его амбиции были очевидны. Рузвельт намеревался добиться того, чтобы государственный механизм, его мощь и престиж, а также финансовые ресурсы победившей нации и формирующегося гегемона подтолкнули бы научное сообщество вперед, служа, среди прочего, развитию общественного здравоохранения и национального благосостояния...» [1, р. 22]. В эпоху относительного мира усилия инженеров и изобретателей могли переключиться на гражданское общество. В настоящее же время, по мнению Карпа, «для того, чтобы США и их союзники в Европе и во всем мире оставались такими же доминирующими в этом столетии, какими они были в прошлом, потребуется объединение государства и индустрии программного обеспечения, а не их размежевание» [1, р. 27–28]. Авторы книги убеждены, что баснословные прибыли инженеров и программистов Кремниевой долины стали возможны исключительно благодаря крепкому миру и безопасности, обеспеченными армией и государством, из чего вытекает требование, согласно которому технологический сектор несет безусловное обязательство поддерживать государство, тем самым вернув долг за возможность достижения успеха и преуспевания.

Оценивая результаты первого Манхэттенского проекта, Алекс Карп и Николас Замиска возвращаются к испытанию Trinity. «В то утро в Нью-Мексико Оппенгеймер размышлял о возможности того, что наступающая эра разрушительной силы может каким-то образом способствовать установлению продолжительного мира» [1, р. 55]. Этот ход мысли, связы-

вающий прочный мир с обладанием мощным разрушительным оружием, подкрепляется в книге оценкой изобретения Альфредом Нобелем, шведским промышленником и филантропом, динамита, который, по мнению самого Нобеля, мог бы «положить конец войнам». «В 1891 году, живя в Париже, Нобель признался в письме другу, что лучшим гарантом мира было бы увеличение, а не уменьшение мощности оружия. „Единственное, что когда-либо удерживало народы от начала войны, — это террор“, — писал он» [1, р. 56].

Руководители Palantir Technologies предостерегают от искушения, которое «может заключаться в том, чтобы отшатнуться от такого рода мрачных расчетов, отступить в надежде, что по сути миролюбивый инстинкт нашего вида возобладает, если только те, у кого есть оружие, рискнут его сложить» [1, р. 56]. Описывая ужасы американо-японского театра военных действий во Вторую мировую войну и многочисленные жертвы среди японцев в ходе многомесячных бомбардировок зажигательными бомбами городов от Токио до Нагои, авторы книги, по сути, подводят читателя к мысли об оправданности применения ядерного оружия. Эта «мрачная логика», по мнению Алекса Карпа и его коллеги, положила конец войне. «„Мы ненавидим то, что мы делали,“ как позже вспоминал в интервью американский летчик, который летал на Б-29 бомбардировать Токио в марте 1945 г. „Но мы думали, что должны были это сделать. Мы думали, что этот налет может заставить японцев сдаться“» [1, р. 56–57]. Как результат, исследователи приходят к весьма настораживающему выводу: «Опыт использования человечеством оружия, созданного Оппенгеймером и другими учеными, — несовершенный и, действительно, десятки раз почти катастрофический — был поразительным (при переводе можно подобрать и другие синонимы: замечательным, примечательным, удивительным, изумительным, выдающимся), но часто упускался из виду. Слишком многие забыли или, возможно, считают собой разумеющимся, что почти столетие в мире *царил мир, в котором не было военного конфликта между великими державами*. По крайней мере, три поколения — миллиарды людей, их дети, а теперь и внуки — никогда не знали мировой войны. Атомный век и холодная война, по сути, укрепили отношения между великими державами, которые сделали настоящую эскалацию, а не стычки и испытания на прочность на полях региональных конфликтов, чрезвычайно непривлекательными и потенциально дорогостоящими» [1, р. 57]. Резюмируя, авторы бестселлера приходят к выводу, что по-настоящему разрушительное оружие создает условия для «долгого мира». Ссылаясь на высказывание Дж. Р. Гэддиса (John

Lewis Gaddis) в 1987 г., исследователи отмечают, что «продолжительность и долговечность относительного мира, царившего в течение десятилетий после окончания Второй мировой войны, была „самым продолжительным периодом стабильности в отношениях между великими державами, который мир знал в этом столетии“, даже конкурируя с сопоставимыми периодами относительного спокойствия „во всей современной истории“» [1, р. 57–58]. Смертоносное оружие, по мнению авторов, в конечном итоге ведет к снижению уровня насилия и способствует конструктивному сотрудничеству на планете.

Вместе с тем Алекс Карп подчеркивает необходимость ужесточения внешнеполитического курса Америки. Он считает, что США недооценивают своих конкурентов, проводящих жесткую внутреннюю и внешнюю политику. Ссылаясь на высказывание Си Цзиньпина о том, что Китаю «нужен Левиафан», авторы сетуют: «Американский внешнеполитический истеблишмент неоднократно просчитывался в отношениях с Китаем, Россией и другими странами, полагая, что обещания одной лишь экономической интеграции будет достаточно, чтобы подорвать поддержку их руководства внутри страны и снизить их заинтересованность в военной эскалации за рубежом» [1, р. 68]. Авторы констатируют провал идеи «естественного либерального мирового порядка» и призывают к необходимости изучения психологии и мировоззрения противников, мыслящих исходя из приоритета собственных интересов.

Следствием такой оценки состояния международных отношений становится императив, согласно которому «Технологическая республика» нацелена на достижение безусловного преимущества в ключевых технологиях над своими планетарными конкурентами. Стратегическое партнерство новейшей IT-индустрии и государства выглядит в контексте описанных вызовов единственной возможностью сохранения доминирующего положения для США. «Более тесное сотрудничество между государством и технологическим сектором и более тесное согласование взглядов между ними потребуются, если Соединенные Штаты и их союзники хотят сохранить преимущество, которое будет сдерживать наших противников в долгосрочной перспективе. Предварительные условия для установления прочного мира часто проистекают только из реальной угрозы войны» [1, р. 52]. Подчеркивая, что «наш эксперимент с самоуправлением на Западе хрупок» [1, р. 52], Карп и Замиска призывают к тому, чтобы быть буквально во всеоружии ввиду вызова возросшей внешнеполитической конкуренции, связанной с борьбой за лидерство в мире.

Выводы авторов внушают нешуточную тревогу. Они отмечают, что «необузданная мощь и стратегический потенциал атомной бомбы вызвали тогда призыв к действию. Ныне гораздо менее заметные, но не менее значимые возможности новейших технологий искусственного интеллекта должны побудить к столь же стремительной реакции» [1, р. 53]. По сути, Алекс Карп призывает к мобилизации государства, научного и технологического сектора для создания сверхоружия на основе искусственного интеллекта, обладающего колоссальной разрушительной силой. При этом авторы ведущей технологической компании выражают стремление опередить всех прочих конкурентов и создать условия для того, чтобы никто впредь не смог достичь подобного результата. Это своеобразное «окончательное решение» в области технологического доминирования и, как следствие, глобального политического доминирования. Более того, тон высказываний исследователей таков, что не вызывает сомнений, что, если потребуется, то супероружие будет демонстрационно, превентивно или реактивно применено — видимо, исключительно ради всеобщего мира, безопасности и порядка.

Представляет интерес осознанное, намеренное, показательное использование идеологами технологической республики понятия «гражданской религии» (*civic religion*, *civil religion*). Как известно, феномен религии политического детально рассмотрен Эмилио Джентиле. Джентиле в рамках сложившегося в XX в. феномена «светских», «мирских», «секулярных» религий различает собственно «политические» и «гражданские» религии. Для Джентиле «гражданская религия — это концептуальная категория, предполагающая формы сакрализации политической системы, гарантирующей плюрализм идей, свободную соревновательность в осуществлении власти и сменяемость правящего класса при участии управляемого народа мирными и конституционными способами. Гражданская религия уважает свободу индивида, сосуществует с другими идеологиями, не требует обязательной и безусловной приверженности своим заповедям» [2, с. 44]. И образцом государства, в котором гражданская религия выступает в роли объединяющего нацию метанарратива, как раз являются США. «Американская гражданская религия являет собой в современной эпохе первый исторический пример религии политической сферы, или религии политического. Под этим выражением понимается особая форма сакрализации политики, проявляющаяся в эпоху Нового времени и имеющая место тогда, когда область политического, завоевав институциональную автономию по отношению к традиционным религиям, приобретает свое собственное религиозное измерение, то есть при-

нимает сакральный характер, включая сюда стремление определять фундаментальный смысл и цель человеческой экзистенции, по крайней мере на этой земле, как для индивида, так и для социума» [2, с. 42–43].

Алекс Карп сетует по поводу того, что «образованный класс в Соединенных Штатах предпочел воздержаться от обсуждения содержания американского национального проекта» [1, р. 89]. Уходя от вопросов о том, что такое американская нация и каковы ее ценности, США встали на путь утраты национальной идентичности. «Эта великая секуляризация послевоенной Америки была воспринята многими левыми как в частном порядке, так и публично, как систематическое искоренение религии из общественной жизни, как победа инклюзивности... Но непреднамеренным последствием этого нападения на религию стало уничтожение любого пространства для веры вообще — любого пространства для выражения ценностей или нормативных представлений о том, кем мы были или должны стать как нация. На карту была поставлена душа страны, от которой отказались во имя инклюзивности... Послевоенный шаг по искоренению веры в Америку был чрезмерной коррекцией и сделал нас уязвимыми как общество» [1, р. 89–90]. Карп и Замиска обращают внимание на критически важное значение университетского курса, посвященного истории, традициям и ценностям Западной цивилизации, — курса, преподававшегося в США еще в середине XX в. Протагонисты технологической республики, ссылаясь на Уильяма Макнила, отмечают, что подобный, пусть даже и мифологизированный, курс предоставлял студентам «чувство общей гражданственности и участия в сообществе разума, веру в карьеру, открытую для талантов, и веру в истину, которая может расширяться и совершенствоваться поколение за поколением» [1, р. 102]. Учебный курс истории Западной цивилизации, по мнению Карпа и Замиски, сделал возможным «формирование национальной идентичности в Соединенных Штатах на основе разрозненного и несопоставимого набора культурного опыта — этой формы гражданской религии, в значительной степени связанной с истиной и историей на протяжении веков, но также вдохновляющей в своем стремлении обеспечить согласованность и обоснованность национальных начал» [1, р. 102–103]. Отказ от данной практики, критики которой настаивали, что преподаваемая дисциплина является ненаучным вымышленным повествованием об истории западной цивилизации, заложил тенденцию к упадку американской нации. Высокопарно утверждая, что «ни одна страна в истории человечества не сделала больше, чем Соединенные Штаты, какими бы несовершенными они ни были, для создания нации, членство в которой означает нечто большее, чем поверхност-

ное обращение к этнической или религиозной идентичности» [1, р. 212], идеологи технологической республики настойчиво возвращаются к необходимости восстановления гражданской религии американской нации как действенной формы объединения американцев. Обращаясь к работам Роберта Н. Беллаха (Robert N. Bellah), утверждавшего, что наряду с церквями, но в то же время отличаясь от них, существует тщательно продуманная и хорошо институционализированная гражданская религия в Америке, исследователи приходят к выводу: «Мы, как культура, должны снова сделать общественное пространство безопасным для содержательных представлений о хорошей или добродетельной жизни, которые, по определению, исключают одни идеи, чтобы выдвинуть другие. Именно „плюрализму, который угрожает поглотить нас всех“, как писал философ-моралист Аласдер Макинтайр, необходимо противостоять. Как он ясно дал понять, настало время создать „новые формы сообщества, в рамках которых нравственная жизнь“ может „поддерживаться“» [1, р. 220]. Таким образом, творцы технологической республики настаивают на необходимости восстановления в своих правах гражданской религии американской нации, которая должна составить мировоззренческое основание для лидирующей в области высоких технологий обновленной Америки.

Не вызывает сомнений, что сформулированная в «Технологической республике» программа консолидации США на основании гражданской религии американской нации, милитаризации и сплочения элиты, приоритета технократического подхода в управлении государством, а также стремления к глобальному доминированию на основании разработки и обладания новейшим оружием невиданной разрушительной силы включает в себе угрозу миру на планете. Парадоксальным образом «Технологическая республика» Алекса Карпа — человека, которого можно смело ставить в один ряд с Илоном Маском, Питером Тилем и Джеймсом Дэвидом Вэнсом как символ нынешнего трампизма, — подтверждает размышления другого трамписта и известного конспиролога Алекса Джонса о риске становления планетарной технократии. Джонс утверждает, что именно страны Запада и США, в частности, стали благоприятной средой для восхождения технократии. «Благодаря открытым демократическим институтам западные страны, казалось, явились прекрасной почвой для возникновения этой научно-инженерной элиты — технократов. Людей же просто нужно было убедить принять эту благодатную тиранию, что, конечно же, избавило бы их от всех забот» [3, с. 33]. По мнению Джонса, первая половина XX в. лишь заложила основание для технократической экспансии. И только в XXI в. технократы приблизились к «мировому го-

сподству». В частности, Джонс именно с технократическим лобби связывает возвышение Давосского экономического форума, продвижение проектов «Четвертой промышленной революции» в до-ковидную эпоху, а равно «Великой перезагрузки» и «новой нормальности» — в пост-ковидное время. Эти проекты — детища технократов, выражающие их чаяния доминирования во власти, контроля над мировой экономикой, формирования управляемых процессов, в рамках которых технологическое лидерство позволяет регулировать и регламентировать доступ к ключевым планетарным ресурсам, политику на рынке труда, применение инструментов поощрения/наказания за лояльное/нелояльное отношение к проектам технократического мирового лобби.

Тем не менее это, казалось бы, тотальное доминирование планетарной технократии (своеобразного мирового Deep State) натолкнулось на ожесточенное сопротивление, одним из явных свидетельств которого является проект MAGA (Make America Great Again) Дональда Трампа и его сторонников, который можно интерпретировать как столкновение интересов «глубинной Америки» и «баронов-олигархов», «традиционных американских ценностей» и «всеобщей инклюзивности», национально и отчасти изоляционистски мыслящих «промышленников» и планетарных «глобалистов-космополитов». Действительно, столкновение сторон в настоящее время налицо, страсти кипят, принимаются нетривиальные решения, способные перевернуть нынешние международные политические, экономические, социальные и культурные отношения. Однако а что мы можем при этом сказать о технократическом проекте? Представляется, что технократии вся эта возня совершенно не вредит. Да, изменилась риторика и обстановка, но изменился ли фундаментально подход, в рамках которого делается ставка на технологическое планетарное доминирование? Судя по книге Алекса Карпа — нет. Удивительным образом негативное отношение трамписта Алекса Джонса к технократии и позитивное отношение к технологической республике трамписта Алекса Карпа объединены общим для них сочувствием проекту MAGA. Представляется, что «Технологическая республика» Алекса Карпа одновременно и технократический проект мирового доминирования «инженерных умов», и проект реализации национальных интересов США, и серьезный вызов современному политико-правовому международному порядку.

Список источников

1. Karp A. C., Zamiska N. W. The Technological Republic: Hard Power, Soft Belief, and the Future of the West. London, New York, 2025.

2. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб., 2021.

3. Джонс А. Великая перезагрузка: война за мировое господство. М., 2024.

А. В. Петров

(г. Омск)

Ценностные оппозиции классического либерализма и неолиберализма

В современной философии приставка «пост-» используется столь часто, что сделалась частью имени одного из ее течений. В эпоху постмодерна, когда доселе вполне определенные идеи, ценности и вещи становятся лишь оболочками, симулякрами, этой участи не избежали и политические идеологии. Жан Бодрийяр полагал, что в постидеологическом обществе не только идеология, но и сама политика становятся игрой образов, за которыми нет ничего, кроме пустоты. Однако Славой Жижек утверждает, что кенотаф идеологии вовсе не пуст, в постидеологии есть смысл, сильно расходящийся со смыслом того, что было ее предшественником.

Эти различия легче всего обнаружить, если обратиться к аксиологии. У идеологии ценностные установки должны быть конкретны и ясны, как и все, что произвела культура в эпоху модерна. Постидеология, будучи симулякром, а иногда и очевидной перверсией идеологии, обнаружит свою аксиологию в процессе сравнения с нею. Производить такую работу необходимо для того, чтобы правильно понимать различие между идеологией эпохи модерна и ее симулякром, поскольку последний может мимикрировать под первую и дискредитировать ее. Особенно это актуально в отношении либерализма, чьи аксиологические установки запечатлены и в Конституции РФ, и в концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей. На авторитет и значимость ценностей, соответствующих аксиологии классического либерализма, бросает тень постмодернистская версия либерализма, которая далее будет называться неолиберализмом (термин «постлиберализм» закрепился за течением в социополитической мысли, критикующим постмодернистский симулякр либерализма и стремящимся переосмыслить либерализм как таковой).

Для наглядности внесем базовые для классического либерализма ценностные установки в один столбец таблицы, тогда напротив каждой

из них можно будет поместить ценности, заместившие их в постмодернистском неолиберализме.

		КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ	НЕОЛИБЕРАЛИЗМ
1.	индивидуальное	Права человека (человек принципиально отличен от животного)	Биоэтика (права животных = права человека)
2.		Гуманизм (человек хозяин своего тела; тело — константа)	Трансгуманизм (человек не хозяин ни своему телу, ни своим желаниям; тело — перфоманс)
3.		Биологический пол	Социальный гендер
4.	социальное	Национальное государство	Транснациональные корпорации
5.		Национальный суверенитет	Глобализация
6.		Меньшинство подчиняется большинству	Меньшинство подчиняет большинство

Сделаем краткие пояснения для каждой из этих оппозиций.

1. Идея прав человека является важнейшей идеей классического либерализма, имеющей ценностное содержание. В ней запечатлелась культурная память о библейской истории творения, согласно которой человек занимает в мироздании совершенно особое положение. Неолиберализм же ставит знак равенства между человеком и животным, тем самым вовсе не возвышая животное до человеческого на уровне биоэтики, а низводя человеческое до животного.

2. Классический либерализм гуманистичен и находится в отношениях прямого преемства с гуманизмом патристики и Ренессанса. В секулярном прочтении такой гуманизм объявляет человека суверенным хозяином своего тела, выбор в пределах дилеммы «как жить и как умереть», исходя из того, что тело есть константа и непреложная данность. В оптике неолиберализма гуманизм обращается в трансгуманизм. Для него человек уже не хозяин не только своим желаниям, даже и собственному телу, которое из биологической константы становится социальным конструктом, перфомансом.

3. В тесной связи с гуманизмом находится вопрос пола. Для классического либерализма пол — это биологическая совокупность признаков, определяющих мужчину и женщину. Половая дифференциация бинарна, естественна и столь же константна, как и тело. Неолиберализм, заменив биологический пол социальным гендером, не только отменил бинарность, но и подвел близко к грани упразднения само понятие половой перверсии.

4. Перейдем теперь из области индивидуального в область общественного, поскольку ценностные оппозиции классического либерализма и неолиберализма касаются не только человека как такового, но и форм его общежития, и государства прежде всего. Классический либерализм генетически связан с процессом конституирования национальных государств как проявлений консолидированной вокруг идентичности воли политической нации. Неолиберализм противопоставляет национальному государству транснациональные корпорации, возлагая на них те надежды, которые мыслители эпохи Просвещения питали по поводу государства как локомотива общественного прогресса. Транснациональные корпорации нивелируют роль государства до состояния рудиментарного органа, который сохраняется скорее по традиции, чем для дела, превращая государство в номинальную институцию, на фоне которой реальная власть находится в руках транснационального бизнеса, который лишает значения не только государство, но и политическую нацию, и нацию вообще.

5. Вместе с национальным государством неолиберализм отменяет и идею национального суверенитета, противопоставляя ему идею глобализации. Аксиология национального суверенитета неразрывно связана с такими ценностями, как независимость от внешнего управления и отстаивание своих, всегда в большей или меньшей степени узких, национальных интересов. Неолиберализм противопоставляет этому другую ценность — человечество в целом, признавая его уникальность в общем, но отрицая ценность личности его частей. Манифестация ценности всечеловечества происходит через глобализацию культуры, реализуемой посредством гомогенизации пока еще отличающихся друг от друга частей, несущих на себе отпечаток материнской культурной традиции. Гомогенизации подвергается все — от культуры повседневности и кулинарии до экономических моделей и политических институций. При этом гомогенизация сопровождается агрессивной поляризацией, когда все, что не соответствует новому, глобальному неолиберальному эталону, стигматизируется.

6. Еще одним ценностным вопросом, по поводу которого классический либерализм и неолиберализм разошлись друг с другом, является вопрос о том, что такое демократия. Ответ на него определяет, какая часть общества и на каком основании имеет право политически определять жизнь другой. Классический либерализм выдвигает на первый план социальное большинство и именно его волю полагает в основание демократии. Неолиберализм же придерживается противоположного мнения, передавая меньшинству бразды правления, тем самым гарантируя ему защиту от гипотетического злоупотребления большинством своей вла-

стью. С неолиберальной точки зрения именно меньшинство (сексуальное, расовое, национальное, религиозное, политическое и т. п.) достойно того, чтобы быть обладателем власти, поскольку неолиберальный нарратив рисует портрет меньшинств как портрет жертвы, которая имеет право получить сатисфакцию с угнетателя, т. е. с большинства.

Как видно, рассматриваемые здесь классический либерализм и неолиберализм сходны лишь в созвучии своих имен, при этом налицо фундаментальные различия в содержании. У них столь мало общего в аксиологических основаниях, что рассматривать их сейчас как родственные феномены невозможно. Выражаясь фигурально, можно сказать, что неолиберализм по отношению к своему историческому предтече является даже не схизмой, а сделался ересью. История не знает примеров подлинного примирения религий, находящихся друг с другом в таком отношении: ни одна не только ересь, но даже и схизма не преодолена окончательно, а различные формы экуменизма всегда оказываются несостоятельными. По всей видимости, ожидать примирения классического либерализма и неолиберализма без того, чтобы последний не претерпел существенных метаморфоз в своей аксиологии, едва ли благоразумно.

Е. В. Килимник

(г. Екатеринбург)

Украинский национализм и его искаженное восприятие современным западноевропейским социумом

Украинский национализм, особенно после революции 2014 г. и последующей войны на Донбассе, справедливо рассматривается Россией как угроза ее национальной безопасности, поскольку он ставит под сомнение идею «русской мегамилицации», образованной единым государственным центром — Киевской Русью, единой религией и исторической принадлежностью Малороссии-Украины России. Эту точку зрения подкрепляет практическая русофобская деятельность государственных структур и самих украинских президентов (В. Ющенко, и. о. президента А. Турчинова, П. Порошенко, В. Зеленского), которую справедливо можно назвать националистической и утверждать, что она направлена на геноцид против русского меньшинства страны (вооруженное подавление жителей Донецкой и Луганской областей в ходе антитеррористической операции, объявленной Украиной летом 2014 г., а также неоднократное нарушение договоренностей на международном уровне: Минск-1, Минск-2, Парижские договоренности).

Несмотря на нарушение прав человека на Украине, запрет Украинской православной церкви Московского патриархата, диктатуру В. Зеленского, в западноевропейском и американском сообществе существует прямая поддержка (идеологическая, финансовая и военная) киевского националистического режима и событий евромайдана.

Американская журналистка Энн Эпплбаум после прорыва к государственной власти «революции евромайдана» в мае 2014 г. заявила: «Национализм — это именно то, что сейчас нужно Украине» [1]. В то время на киевском майдане, помимо европейских и сине-желтого украинского национального флагов, развевались черно-красные флаги ОУН-УПА*. Некоторые западноевропейские наблюдатели приписывали значительную долю кровавой эскалации протестного движения «правому сектору». После антиконституционного свержения Президента Украины Виктора Януковича Владимир Путин использовал угрозу со стороны украинских бандеровцев и эскалацию конфликта в Донецкой и Луганской областях для присоединения Крыма [2].

В сложившейся, как ее воспринимали многие в Западной Европе, «постреволюционной» обстановке поддержка националистических идей часто ассоциировалась с эскалацией напряженности. Для Э. Эпплбаум более тревожной казалась не столько воинственность националистических групп, сколько их гражданская активность и проявление чувства национальной ответственности. Тем не менее заметное использование националистической символики вызывало обеспокоенность у значительной части немецкой и западноевропейской публики. Усилить это международное восприятие способствовала российская политика и средства массовой информации, которые резко критиковали любые проявления украинского национализма и неприязни к России на фоне восхваления образа С. Бандеры.

Однако после начала специальной военной операции (далее — СВО) на Украине ситуация в западноевропейском общественном и политическом пространстве претерпела существенные изменения. Так, болгарский политолог Иван Крастев недавно констатировал, что европейское общество проявило симпатию к украинскому национализму [3]. Это свидетельствует о кардинальном изменении направления взаимных проекций: зимой 2013–2014 г. киевские протестующие использовали флаг Евросоюза, выражая надежду на сближение с европейскими ценностями. Сегодня же в знак солидарности украинские национальные флаги развеваются на зданиях по всей Европе — от Хельсинки до Лиссабона. Борьба Украины за свои национа-

* Украинская националистическая организация, признанная Верховным Судом РФ экстремистской.

листические идеалы стала символом защиты общеевропейских ценностей. В Германии это даже расценивается как завершение эпохи постнационализма и формирование новой украинской самоидентификации.

Повлечет ли этот переломный момент за собой отказ немецкой и западноевропейской общественности от скептицизма в отношении националистических взглядов украинских политиков? В любом случае с началом СВО восточноевропейские государства — члены ЕС, такие как Польша и страны Прибалтики, стали ключевыми участниками внутриевропейской дискуссии. Они настойчиво требуют национального суверенитета для Украины, ранее высмеиваемого немецкими либералами. Высказывания этих стран Восточной Европы о российской экспансии, которые долгое время игнорировались в Западной Европе и Германии как пережитки советского прошлого, теперь признаются вполне релевантными и обоснованными в политических реалиях.

В результате правительство Германии взяло курс на активную поддержку вооруженных сил Украины и формирований территориальной обороны. По объему военной помощи Украине Берлин уступает лишь Вашингтону [4]. Отсутствие широкого признания этого факта в немецком политическом пространстве связано не столько с масштабом взятых на себя обязательств, сколько с демонстративной нерешительностью канцлера Шольца и нежеланием политической элиты высказываться в воинственной манере. Это имеет глубокие исторические корни, и, вероятно, жители стран Восточной и Центральной Европы первыми могут выразить обеспокоенность чрезмерной ролью Германии в военно-финансовой поддержке правительства В. Зеленского. Тем не менее дистанцирование населения Германии и других европейских стран от националистических взглядов украинцев необходимо усиливать посредством деятельности МИД России и российских СМИ, транслируемых в европейском пространстве и формирующих общественное мнение.

Учитывая исторические преступления, совершенные немецким национализмом, отказ от любых форм национализма на Украине справедливо воспринимается как показатель зрелости гражданского общества и демократической ответственности. Возникает парадоксальная ситуация: немцы и австрийцы, гордясь тем, что сумели преодолеть собственное националистическое прошлое, считают себя вправе пренебрежительно относиться к национальным чувствам своих восточных соседей. С другой стороны, ярко выраженные националистические тенденции в украинском социуме и политике развития после евромайдана позволили немецким политикам после первоначальной поддержки проевропейских

сил вернуться к проверенному временем сотрудничеству с В. Путиным и «Газпромом». Это было не только удобно и выгодно с экономической точки зрения, но и представлялось более разумным и обоснованным для развития немецкой экономики.

Следует подчеркнуть, что прагматичный постнациональный подход всегда определял выбор Германии в вопросах примирения с прошлым и настоящим. Особенно это важно, учитывая, что именно немецкий национализм совершил беспрецедентные массовые преступления в ходе экспансии на Восток. Десятилетия, посвященные чествованию памяти жертв Холокоста и немецкой агрессии в Восточной Европе, в частности в России, стали закономерным следствием игнорирования националистических аспектов киевского режима. Однако недостаток внимания к «национально-освободительным» усилиям поляков, украинцев и прибалтов компенсировался излишней благосклонностью немецких и западноевропейских политиков (Э. Макрона, Б. Джонсона и др.) к политике В. Зеленского.

Западноевропейскому сообществу нужно понимать в отношении России то, что сегодня мы вновь сталкиваемся с токсичностью, которая является результатом сочетания старого национализма ОУН-УПА 30–40-х гг. XX в. и современного украинского неонационализма. Фактически гражданскую войну на юго-востоке своей страны начал украинский националистически окрашенный режим. Черно-красные флаги радикальных украинских националистов вместе с добровольческими батальонами по-прежнему используются для установления политической гегемонии на всей территории страны. Насильственное продвижение украинского языка, активно начатое А. Турчиновым, П. Порошенко и В. Зеленским, и их подчеркнуто национальная историческая политика вызвали отток на Запад миллионов украинцев (в 1991 г. на Украине проживало 52 млн человек, в 2025 г. осталось около 38 млн человек). Уверенный успех В. Зеленского на выборах 2019 г. во многом был достигнут благодаря его стратегии, которая противопоставляла националистическим взглядам более широкое и всеобъемлющее понимание гражданственности в непростых политических условиях, сложившихся на Украине после евромайдана [5].

В контексте проводимой Россией СВО все более сомнительной представляется тенденция западных историков видеть в России исключительно империю, стремящуюся к подчинению бывших территорий. При этом они часто не связывают политику отдельных государств, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, с практиками расистской унификации и насилия, что, в конечном счете, и обуславливает ответные

действия России. Пора признать исторические права всех народов и их культурно-историческую идентичность, а также не замалчивать темные страницы национализма, существующего на Украине. Фактически социальная сплоченность, система всеобщего благосостояния и массовая демократия в значительной степени зависят от политики современных национальных государств, без которых их существование было бы затруднительно. Сложности с формированием общественной солидарности в постнациональном пространстве Евросоюза свидетельствуют о том, что эта модель еще не утратила своей актуальности.

Поддержка националистической политики правительствами западных стран не подразумевает безоговорочного одобрения национализма, будь то в Восточной Европе (на Украине, в Прибалтике) или в других регионах. Безусловное принятие чрезмерного украинского национализма, начавшееся с февраля 2022 г., вряд ли пойдет на пользу Украине в долгосрочной перспективе.

В условиях ведения СВО на Украине европейское общество становится не только свидетелем возвращения вместо прежней либеральной геополитики России образца 90-х гг. XX в. новой национально ориентированной внешней политики, основанной на стремлении к многополярному миру в рамках мирового сотрудничества Евразийской, Русско-Византийской цивилизации с другими цивилизациями мира, но и поразительной мобилизующей силы псевдodemократических, национальных и даже националистических идей. Вместо защитных аллергических реакций современному европейскому обществу нужен более внимательный взгляд на разрушительные аспекты реально существующего украинского национализма, основанного на утопических идеях послевоенной канадской эмиграции, представленной бывшими legionерами дивизии СС «Галичина» и лицами, активно сотрудничавшими в годы Великой Отечественной войны с германскими оккупационными структурами: полициями, религиозными деятелями Западно-Украинской Греко-Католической церкви (униатской), а также националистически мыслящей украинской интеллигенцией, которые, используя средства пропаганды и материальные ресурсы в постсоветской Украине, постарались добиться реанимации в украинском обществе узконационального антипроекта развития страны, который условно можно назвать «идеология схроназемлянки ОУН-УПА»: «Украина для украинцев», что дополнилось в 2000-е гг. новыми неонационалистическими идеями: «Украина — не Россия», «Украина — это оплот и многовековой защитник европейских духовных ценностей от азиатской Московии», «наш отец — Степан

Бандера». Все это стало прямой угрозой национальной безопасности Российской Федерации.

Без критического осмысления прошлого и настоящего Украины европейскому сообществу, а также существующему политическому истеблишменту невозможно понять истоки начала специальной военной операции России.

Список источников

1. Nationalism Is Exactly What Ukraine Needs. URL: <https://newrepublic.com/article/117505/ukraines-only-hope-nationalism> (дата обращения: 24.05.2025).

2. Ukraine's Unnamed War: Before the Russian Invasion of ... URL: <https://www.prio.org/journals/jpr/booknotes/392> (дата обращения: 24.05.2025).

3. Wojciech Przybylski, Author at Visegrad Insight. URL: <https://visegradinsight.eu/author/wojciech/> (дата обращения: 24.05.2025).

4. Was kostet es, die Ukraine nichtzuunterstützen? URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/305306/1/1907418318.pdf> (дата обращения: 24.05.2025).

5. Jessica Pisano / The New School for Social Research. URL: <https://www.newschool.edu/nssr/faculty/jessica-pisano/> (дата обращения: 24.05.2025).

А. А. Миргородский, Е. И. Писаревская

(г. Донецк)

Человек в социально-правовой и религиозной парадигмах духовной жизни

Как известно, человек — это одновременно биологическое и социально-правовое существо. Являясь животным с физическими и основными потребностями поддержания и продолжения жизни, он осознает свою земную уникальность, которая угадывается в полном отличие от других животных: речь, самосознание, прямохождение, способность к труду. Индивид чувствует потребность в том, чтобы быть частью общности и быть в ней признанным членом. Без социального и правового влияния человек не способен осознать себя в полной мере. После долгих веков жизни в слаженном обществе у человека формируется его внутреннее Я. Человек нуждается не только в удовлетворении животных потребностей, а еще и в реализации общественных потребностей и праве на них.

Используя блага цивилизации и удовлетворяя базовые физиологические потребности, человек выстраивает социально-коммуникативные связи с другими представителями общества и ищет себя через самоанализ, познавая себя как элемент общности, и право.

Психолог А. Маслоу в 1943 г. разработал теорию мотивации, основанную на иерархичном разделении потребностей человека. Согласно этой теории человеческие потребности опираются одна на другую — от низшей к высшей. Их классификация, по А. Маслоу, начинается с органических потребностей. Это пища, питье, половое влечение. Далее — потребность в безопасности — чувство безопасности как избавление от страха и триггеров; потребность в любви и принадлежности — это быть задействованным в общности, чувствовать себя признанным людьми. Затем следуют потребности в собственном уважении и познании красоты. И на самой вершине — потребность в самореализации, т. е. реализация и раскрытие своего потенциала, развитие своей личности [1, с. 156].

А. Маслоу считал, что для достижения высших потребностей должны быть удовлетворены низшие, т. е. все потребности взаимосвязаны. Однако есть и исключения. Он также отмечал, что у некоторых представителей общества отдельные потребности могут иметь куда более значимый вес, нежели другие. Например, у одних людей потребность в самореализации и эстетике может быть выше, чем в любви или безопасности. Динамика и прогресс теории заключается в том, что человек реализовывается и развивается в тех пределах, в каких развиты и удовлетворены его потребности [1, с. 156; 2, с. 59–60]. Это оказывает значительное влияние на рост и совершенствование индивида как правового существа. Согласно теории А. Маслоу человек может достичь успеха в социальной и внутренней реализации, только если будут насыщены базовые потребности.

Несомненно, одной из важнейших нужд человечества является религия. Издревле он ищет смысл жизни, потому что удовлетворения физиологических потребностей становится недостаточно, и человечество задается вопросом о высшем. Религия — это точка опоры, которая удерживает сознание человека в изменчивом мире с его потрясениями и трансформациями. Именно религия дает человеку полное представление о морали и нравственности, благодетели и грехе. Именно из-за веры человек начинает разделять социум на класс просвещенных и класс учащихся (познающих). Начинается древнее классовое распределение ролей в общине. Зарождение и развитие самой религии напрямую связано с развитием общности и нации. Принципы, особенности и пути развития наций кардинально отличались из-за различия ценностей и характерных

черт территорий, в которых они зарождались, что и стало причиной появления столь различных и множественных конфессий и вероисповеданий. Сама религия обладает регулятивной и аксиологической функциями, она определяет и контролирует жизнь общества и каждого его субъекта через определенную систему заложенных жизненных ценностей, установок и традиций.

На современном этапе истории исследователи выделяют из общего количества три основные (мировые) религии, исходя из числа последователей, приверженцев и адептов, а также распространения в мире. Этими религиями являются христианство, ислам и буддизм [3, с. 159]. Развитие и распространение определенной религии зависит от политической поддержки и миссионерской деятельности. Большое количество основателей разных религий были представителями государства и одновременно духовными лидерами. Например, Халиф в исламе, Далай-лама в буддизме, Патриарх в православии, Папа Римский в католичестве. Чувствуя власть и ответственность на этих постах, духовный лидер использует свои ресурсы в разных направлениях. Его личность во многом сказывалась на развитии нации или общности. Насильственные методы напрямую определяли количество верующих и глубину их веры. Крестовые походы были методом и средством обращения в веру.

При этом человек продолжает искать в вере истину, просвещение и поддержку, нередко относясь негативно к другим взглядам, учениям и традициям. «Борьба за истину» становится главным вопросом религий, на почве чего возникают радикальные и крайне агрессивные течения, которые сейчас довольно часто соприкасаются с терроризмом.

Различия и особенности развития религий в большей степени обусловлены как раз особенностями территории и государства, в которых они зарождались. Взгляды первых приверженцев и адептов заложили направление движения религии. Этнические отличия, разный психический склад народностей, жизненные установки, культура и ценности определили вектор роста веры, после чего цикл замкнулся: народность и культура заложили путь развития религии, а религия, в свою очередь, в будущем определяла и поддерживала путь становления нации.

В последние века все большую популярность и распространенность набирают такие направления, как атеизм и агностицизм. В средние века это было связано со своеобразным противостоянием церкви (религии в целом) и развитием научного мышления, образования в обществе институтов, противопоставляющих себя «слепому верованию». До первой глобальной научной революции человеческие жизнь и сознание были

зависимы от веры. Сейчас человек как личность имеет политическую, экономическую и духовную свободу. Воля человека раскрыта во всех направлениях равномернее, чем раньше, при явном классовом делении социума. В прежние времена человек как существо социальное видел в религии способ укрепления общности, создания более сплоченной группы индивидов и политического укрепления государства. В данный момент человек существует в общности и коллективе более обособленно, проявляя как здоровый, так и нездоровый эгоизм в отношении сплоченности нации.

Человек как существо чувствует потребность в высшем вмешательстве и высшей поддержке, что говорит о его развитой духовной жизни, при этом он остается социально-правовым существом. Социум долгое время определялся как общность людей, объединенных общими бытом, проблемами, верой и территорией. Сейчас социум претерпевает трансформации, которые некоторым образом сказываются на разных аспектах жизни человечества. Огромное количество людей не чувствует потребности во вмешательстве сверхъестественных сил в свою жизнь, выбирая другой путь развития духовности, сосредотачиваясь на насущных бытовых проблемах. При этом нужно сказать, что религия продолжает определять духовную жизнь человека и его общественно-правовую роль. Вместе с тем мир трансформируется, люди выходят на новый этап развития сознательного, духовного и нематериального мира [4, с. 1094].

Таким образом, человеческая деятельность перманентно актуализируется в разных формах и парадигмах социально-правового и религиозного бытия.

Список источников

1. Анаева З. К., Хайдаева С. И. Пирамида потребностей Абрахама Маслоу — путь от животного к сверхчеловеку // Экономика и социум. 2016. № 12(31).
2. Игебаева Ф. А., Гайфуллина А. Р. Классификация потребностей А. Х. Маслоу // Экономика и социум. 2015. № 6(19).
3. Ситдикова А. Р. Основные религии мира // Инновационная наука. 2016. № 12-3.
4. Слюсарев Ю. А., Юпатов В. Религия: предпосылки возникновения и развития, структура и функции // Форум молодых ученых. 2018. № 1(17).

С. Б. Пономарев

(г. Ижевск)

К проблеме философского анализа тюремной субкультуры

Известно, что тюремная (пенитенциарная) субкультура является одной из наиболее развитых и агрессивных субкультур, которые, по мнению некоторых исследователей, можно условно отнести к категории контркультур [1, с. 8; 2, с. 25], т. е. таких субкультур, приверженцы которых открыто или латентно противопоставляют себя обществу, стремясь разрушить господствующую в социуме базовую культуру. Тюремная субкультура обладает развитой и сложной системой ценностей, особым тюремным языком, насчитывающим, по мнению исследователей, до 15 тысяч слов [3, с. 88], комплексом обычаев, ритуалов, специфической мифологией [4, с. 118]. Отношения между апологетами тюремной субкультуры строятся по принципу жесткой социальной иерархии. Онтологически пенитенциарная субкультура отражает представления о законах, царящих в пенитенциарном пространстве, отношениях между тюремным и «внешним» мирами. Гносеологически она обосновывает мифологическое мировосприятие, пребывание в системе тюремных архетипов [5, с. 99], а аксиологически она посвящена представлениям о негативной мистической силе (мане), системе тюремных табу, тюремных кастах и охватывает систему ценностей, характерных для носителей криминального мировосприятия [6, с. 12]. Праксиологически тюремная субкультура реализована в специфических тюремных ритуалах и обрядах, результатах устного и предметного творчества [3, с. 40].

Провозглашаемые тюремной субкультурой идеалы и модели поведения находятся в конфликте с нормами человеческого социума. Иллюстрируя принцип культурной гомоплазии, эти ценности и стандарты сходны с характерными для примитивных архаических сообществ. Представители тюремной группы, относящейся к категории «воров», признают себя исключительно как «истинных» людей, воспринимая остальных лишь как ресурс для осуществления своей криминальной деятельности. Лица, находящиеся на нижнем ярусе тюремной социальной пирамиды, деперсонализированы, лишены каких-либо прав, являются объектом для постоянного физического и сексуального насилия со стороны представителей других тюремных каст [7, с. 54].

Аксиологически для пенитенциарной субкультуры присуща реверсивная, извращенная мораль, трансформированное представление

о жизненных установках. То, что в нормальном социуме признается за девиации, в сообществе приверженцев пенитенциарной субкультуры выступает в качестве базовых ценностей, соблюдение которых является мерилom значимости индивида в тюремной социальной иерархии. Так, «жульничество, тунеядство, паразитизм, сексуальные отклонения, отвращение к труду декларируются как обязательные правила поведения, преступления и злодеяния становятся доблестью и заслугой» [6, с. 39].

В целом пенитенциарная субкультура отличается рядом устойчивых признаков:

1) четко выраженной иерархией внутри тюремного сообщества, предполагающей существование социально изолированных слоев, таких как «опущенные» и «черти», относящиеся к категории «неприкасаемых»;

2) развитой системой символики, запретов, традиций и своеобразной тюремной мифологии, служащей основой для внутригрупповой идентичности;

3) наличием централизованного управления в лице организованных преступных структур, представленных «авторитетами» и «ворами в законе», а также эффективными каналами распространения информации и команд;

4) способностью пенитенциарной субкультуры быстро адаптироваться к изменениям внешней среды, что свидетельствует о ее гибкости и устойчивости;

5) сформированной и внешне привлекательной идеологической основой воровского мира, включающей элементы «воровской романтики», систему ценностей, «кодекс чести» и поведенческие модели, ориентированные на идеализированные нормы;

6) способностью к воспроизводству и передаче устойчивых моделей поведения, а также негласных правил и ритуалов новым поколениям заключенных;

7) высокой степенью внутреннего единства и солидарности среди представителей данной субкультуры;

8) распространением норм и ценностей тюремной субкультуры на все население исправительных учреждений, независимо от статуса и срока пребывания.

Важной чертой пенитенциарной субкультуры выступает существование в ней тюремных архетипов, тотемов и табу. Типология тюремных архетипов включает такие первообразы, как Великая мать, Смерть, Чужой, Ночь, Охотник, Враг, Робин Гуд и др. [5, с. 38]. Преступные архетипы проявляются в тюремной субкультуре через систему тюремных тотемов

и тюремных табу. В соответствии с характером почитаемого тюремного тотема (изображение которого наносится в виде татуировки на тело сидельца) заключенный строит свое повседневное поведение и взаимоотношения с другими членами тюремного социума. Каждый тюремный тотем имеет богатую историю. Например, тотем «Жук» пришел в тюремную субкультуру из древнего Египта, т. е. он насчитывает более 4 тысяч лет, а тотем «Уроборос» вообще относится к самым древним символам, известным современной исторической науке. При этом практически все тюремные тотемы перешли в пенитенциарную субкультуру из внешней социокультурной среды. Известна классификация тюремных тотемов, среди которых можно отметить тотемы насекомых (муравей, паук, бабочка, жук, скорпион), тотемы млекопитающих (барс, тигр, волк, лев, кот, пантера, медведь), тотемы обитателей воздуха (летучая мышь, орел, сова), других тварей (змея, дракон и др.). Подражание осужденного конкретному тотемическому образу служит механизмом самоидентификации в тюремном социуме и выработки поведенческого паттерна в условиях отбывания наказания.

Центральное место в системе ценностей пенитенциарной субкультуры занимает строгая система табу, включающая запреты на грязь, территорию, плевок, слова, пищу и поднятие вещей. Последствия их нарушения градируются от физического наказания и перевода в низшую страту («опущенные») до полной потери статуса и физического уничтожения. Табу первого рода [8, с. 152] присуще так называемым «авторитетам» («ворам в законе», «положенцам», «смотрящим» и т. п.) [6, с. 83]. А табу второго рода [8, с. 331] относятся к низкостатусным заключенным («обиженные», «черти»). Условием генерации тюремных табу следует признать специфическое мировосприятие заключенных, их приверженность устоям тюремной субкультуры, ту систему ценностей, которая формируется в условиях пенитенциарного пространства. Ведущими механизмами образования тюремных табу являются классические приемы имитативной и контактиозной магии, а также другие виды магического воздействия (картическое, апотропетическое, трансмиссивное) [6, с. 15; 9, с. 301].

Важным элементом магического мировосприятия мира апологетами пенитенциарной субкультуры выступает феномен тюремной маны. Этой проблемой (феномен «мана» в архаичных сообществах) занимались такие философы и ученые, как К. Г. Юнг, М. Элиаде, Р. Маретт, М. Мосс, Ч. Хьюит, Э. Кассирер, А. ван Геннеп, Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, К. Леви-Стросс и др. Принципы магических манипуляций являются универсальными и общими для психики всех людей, независимо от места их

проживания. Использование умозаключений по аналогии (абдукции), как приема логики, ведет в конечном счете к симиальным и контагиозным магическим действиям, вере в существование энергетической силы (мана), пронизывающей пенитенциарное пространство.

Проведенный краткий обзор проблем философского осмысления феномена тюремной субкультуры свидетельствует о плодотворности проведения такого анализа, помогая проникнуть в суть многих культурных процессов, протекающих в пенитенциарном пространстве. Эти знания могут быть использованы в стратегическом планировании и организации борьбы с таким негативным явлением, как тюремная субкультура.

Список источников

1. *Беляев И. А., Беляева Н. А. Культура, субкультура, контркультура. Духовность и государственность. Оренбург, 2002.*
2. *Волкова В. В. Субкультура и контркультура в современном обществе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 12.*
3. *Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю. Тюремная субкультура в России. Таганрог, 2006.*
4. *Письменный Е. В. Смысловые уровни мифологемы матери в контексте тюремно-воровской субкультуры // Челябинский гуманитарий. 2010. № 3(12).*
5. *Антонян Ю. М. Архетип и преступность. М., 2009.*
6. *Пономарев С. Б. Анализ триады «архетип-тотем-табу» в пенитенциарной субкультуре. Ижевск, 2021.*
7. *Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.*
8. *Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1984.*
9. *Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990.*

РАЗДЕЛ III. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЮРИСТА. ЭТИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. А. Шавеко

(г. Екатеринбург)

Образ юриста — судебного представителя в контексте гражданских добродетелей: идеал и реальность

Когда произносят слово «юрист», у многих возникает образ человека в дорогом костюме, с галстуком и элитными часами, в просторном кабинете с дубовой мебелью, опытного профессионала, который может найти выход из любой ситуации, обладает необходимыми связями и превосходными ораторскими навыками, его услуги стоят дорого (настолько, что некоторые общественно значимые дела этот юрист позволяет себе вести *pro bono*). Юрист — одна из самых древних профессий и, по мнению многих, весьма почетная, такая же, как врача или учителя. Юрист — это не просто профессия, это социальный статус. Однако это скорее идеальный образ, наше ожидание того, каким он должен быть.

Когда же среднестатистический гражданин сталкивается с той или иной жизненной проблемой и хочет решить ее в рамках правового поля, то обращаясь к юристу по объявлению, содержащему, как правило, обещание бесплатной консультации, сталкивается с несколько иным образом. Выглядящий дорого костюм и наручные часы с большим циферблатом — эти внешние атрибуты, призванные олицетворять богатство и статус, еще могут присутствовать. Но уже с кабинетом возникают проблемы: после пандемии коронавируса многие вообще привыкли работать из дома, а если и имеют офис, то весьма небольшой с достаточно дешевой офисной мебелью. Этот офис нередко расположен на цокольном этаже и не имеет окон: офисы на «первой линии» могут позволить себе очень не многие. Этот наш юрист очень занятой, поскольку для

того чтобы «отбить» расходы на аренду и рекламу, он вынужден брать на себя слишком большое количество дел: как говорится, юриста ноги кормят. Но это значит, что каждому делу он вынужден уделять не так много внимания, что сказывается на качестве юридических услуг.

Начиная общаться с таким юристом, мы подмечаем еще одну его черту, которую можно обозначить как клиентоориентированность. Он вежлив, улыбчив, сочувствует вашей проблеме, умеет слушать и во всем с вами соглашается. А самое главное — обещает решить вашу проблему, на словах (но не в договоре) предоставляя 100% гарантию. Он убедителен, он перечисляет статьи законов, говорит о положительной судебной практике. Но когда дело касается стоимости его услуг, вам становится не по себе. Но юрист не просто обещает выиграть дело, он уверяет, что взыщет все судебные расходы с противоположной стороны. Кроме того, он давит на вас, обещая негативные последствия при отказе от его услуг. Если вы не располагаете достаточной суммой денежных средств, он любезно предложит оформить рассрочку через банк.

Нет нужды говорить, что дело вы вряд ли выиграете. По крайней мере не стоит забывать, что в процессе участвуют две стороны, и даже если обе пользуются услугами юриста, то, как правило, выигрывает только одна из сторон. Но если вы и выиграете дело, то судебные расходы, вполне вероятно, будут взысканы с другой стороны не полностью, а взысканная в вашу пользу денежная сумма будет равна примерно вашим не возмещенным расходам на судебный процесс. И даже если юрист выполнит все свои обещания, он, конечно же, забудет упомянуть, что доля исполнимости судебных решений в современной России составляет не более 25%. Ваше решение вряд ли будет исполнено.

Кстати, ораторские навыки юристу вряд ли пригодятся: они в большей степени нужны актерам американских сериалов, которые исполняют роли юристов и создают тот самый идеальный образ. В реальности не красноречие, а доказательства и судебная практика играют решающую роль. Красноречие нужно разве что для того, чтобы побудить клиента заплатить за юридические услуги (что на профессиональном жаргоне называется «закрыть» клиента).

Все это заставляет нас задуматься о том, каким должен быть современный юрист. Он представляет собой типичного работника сферы услуг, мало отличающегося от менеджера по продажам. По уровню применяемых манипуляций наш юрист мало отличается от работников сетевого маркетинга. Вот только для того чтобы быть менеджером или агентом по продажам не нужно учиться много лет в вузе. Это

труд, который, конечно, требует определенной квалификации (знания продукта). Стоит отметить, что во многих юридических фирмах существуют специальные отделы первичного приема, которых называют отделами «продажников». Действительно, в этих отделах работают не столько юристы, сколько продавцы. У некоторых из них нет даже юридического образования, но зато имеются отличные навыки актерской игры. Клиентам они нередко представляются адвокатами или даже кандидатами юридических наук. Работают они за процент от продаж, ни в одном юридическом вопросе не разбираются и даже не хотят. Некоторые клиенты приходят к таким «юристам» после того, как их обманули работники сетевого маркетинга или другие «юристы», а может быть даже сначала те, а потом другие. Увы, их ждет повторение того же сценария в третий раз.

Таково описание положения юриста в современном рыночном обществе. Юрист уже не обладает тем статусом, что юристы XIX в. Тогда это была элита общества. Теперь же большинство юристов по своему социальному статусу не выше продавца магазина. Их стало много, они начали работать на массового потребителя. В таких условиях репутация — не самый главный актив, поскольку ее отсутствие можно компенсировать агрессивной рекламой и покупкой отзывов в интернете. Месячные бюджеты небольших московских юридических фирм с таким продвижением еще десять лет назад измерялись миллионами, теперь даже сложно вообразить, каких сумм они достигли. Как и многие другие работники сферы услуг юристы часто «продают воздух». Они продают надежду, так как это самый дорогой товар. Подобно аниматорам, они развлекают своих клиентов, вводя их в заблуждение. Как интернет-блогеры юристы «продают» себя и свою личность, потому что людей тянет к сильным и харизматичным личностям. Поэтому даже если в итоге надежды рушатся, клиент далеко не всегда бывает недоволен (особенно если обвинить во всем «купленного» судью), ведь клиент уже получил товар в виде личности юриста, который все это время был с ним, поддерживал его, сопереживал ему и т. д.

В подобной ситуации говорить о том, что юрист должен быть честным или грамотным — это все равно, что сотрясать воздух. Честный юрист рискует довольно быстро быть вытесненным с рынка. Честный юрист — это практически оксюморон. Грамотным юристу тоже быть необязательно. Во-первых, грамотный юрист, вместо того чтобы упражняться в эмпатии и давать 100% гарантии, с первой же консультации начинает искать реальные пути решения проблемы клиента и анали-

зировать риски. Но практически все клиенты хотят исключительно гарантий и сопереживания, и если они их не получают, то просто уходят, не заплатив. Во-вторых, грамотность часто не окупается. Например, зачем разбираться в пенсионном или жилищном законодательстве, если твой потенциальный клиент — это пенсионер, которому едва хватает денег на продукты и оплату жилищно-коммунальных услуг. Грубо говоря, у вас просто нет клиента, который готов заплатить за ваши глубокие познания (а ведь и пенсионное законодательство, и регулирование ЖКХ очень сложны!).

Можно возразить, что есть и другие юристы, которые специализируются на конкретных узких областях, нарабатывают себе опыт и репутацию, и они вполне грамотны. Да, есть, но их меньшинство. Их и не может быть много, потому что клиентская база у каждого из них значительно уже. Но самое главное состоит в том, что они работают по проблемам, которые далеки от типичного гражданина. Они работают с бизнесом (инвесторами, застройщиками и т. д.), а бизнес в целом достаточно умен, чтобы стать жертвой дешевых манипуляций. Большинство же юристов, работающих с населением, попадают под описание, которое приведено выше. Им не выгодно специализироваться на одной категории споров, так как они не получают достаточно платежеспособных клиентов (особенно в пределах провинциального города). Важно подчеркнуть, что рынок не отсеет негодных юристов, потому что сами же законы рынка таких юристов и производят. Отсеять их может только неплатежеспособность населения. Недавнее повышение размера госпошлин [1] этому вполне способствует, потому что теперь люди, очевидно, станут меньше обращаться к правовым способам разрешения споров, равно как способствует такому «отсеву» и нежелание государства выделять достаточные средства на финансирование судебной системы, в результате чего судьи часто перегружены [2, с. 214], рассматривают даже простые дела годами, по прошествии которых истец теряет всякий интерес к судебному процессу. В перспективе это может привести к дискредитации всей судебной системы. Юристы в таких условиях будут вынуждены искать другой способ заработка. Проблема в том, что такое «очищение» юридического сообщества достигается благодаря лишению населения доступа к правосудию.

В качестве вывода можно констатировать следующее. Ответ на вопрос, каким должен быть юрист, подразумевает ответ на другой вопрос, каким должно быть место рынка в обществе и как должна регулиро-

ваться сфера услуг. Рынок не только удовлетворяет потребности индивидов, но и формирует их путем различных манипуляций. Услуги же по своей сути — нечто нематериальное и неосязаемое, а значит, удовлетворенность ими потребителя зависит в основном не от того, что для него сделано, а от того, как ему это преподнесли. В информационном обществе все эти проблемы еще больше актуализируются. И это в полной мере относится и к юридической профессии. Несмотря то что в литературе иногда высказывается точка зрения, что применительно к адвокатам маркетинговые стратегии ограничены требованиями Кодекса профессиональной этики адвоката [3, с. 58], на практике адвокаты нередко соответствуют вышеприведенному образу еще больше, чем юристы, не обладающие адвокатским статусом. Пересмотр роли рынка в жизни общества сегодня особенно актуален в контексте защиты государством традиционных ценностей и попыток выработать общегосударственную идентичность, которая обеспечивала бы восприятие себя людьми не в качестве обособленных участников рынка, а в качестве коллектива, связанного общей судьбой [4, с. 313]. Однако этим целям вряд ли соответствует и образ юриста как представителя некоей элиты общества, описанный выше, и свойственный скорее XIX в.

Список источников

1. *О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации* : федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Рахманова М. А., Шумов П. В.* Нагрузка на судей и качество правосудия // Бюллетень науки и практики. 2019. № 10.

3. *Особенности продвижения юридических услуг в СМИ и социальных сетях* // Практический маркетинг. 2024. № 12.

4. *Семенец Е. В.* Государственная политика идентичности РФ на современном этапе: нормативный аспект // Политическая наука. 2024. № 4.

В. Е. Шинкевич

(г. Красноярск)

О некоторых этических особенностях оперативно-розыскной деятельности

Профессиональная этика выступает неким сопутствующим нравственным путеводителем в деятельности человека, являющегося профессионалом в своей профессии, в своем деле [1, с. 83].

Практически везде и всегда в ходе профессиональной деятельности основными моральными действиями выступают различные отношения. Деятельность сотрудников органов внутренних дел — не исключение. Ей присущи общие социально значимые этические качества и специфические профессиональные этические качества, позволяющие даже в условиях высокой эмоциональной напряженности качественно выполнить профессиональные обязанности.

Профессиональная этика юриста формировалась многие годы, учитывая особенности деятельности следователей, участковых уполномоченных, оперативных сотрудников и т. д. Это подтверждается научными статьями, монографиями, диссертациями [2; 3] и, как итог, воплощением идей научных работ в учебную литературу [4–6].

В рамках данной статьи мы не можем раскрыть особенности профессиональной этики применительно к каждой специальности и конкретному направлению деятельности. Однако можно с уверенностью сказать, что ряд особенностей профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел приобрели обязательное содержание для исполнения и нормативно закреплены в соответствующих федеральных законах и локальных нормативных актах, инструкциях и рекомендациях [7–9]. Все положения этих нормативных документов сформированы на основе практического опыта работы при осуществлении правоохранительной деятельности.

Однако есть и такие правила, которые не вошли в официальные документы, но имеют большое значение для деятельности сотрудника. Это неписанные нормы профессиональной этики, но от этого они не теряют своей актуальности, так как дополняют нормы профессиональной морали в деятельности оперативного сотрудника. Не вдаваясь в подробности оперативно-розыскной деятельности, обозначим некоторые ее направления, в которые включен или может быть включен оперативный сотрудник.

Работа с гражданами — одно из самых сложных, трудоемких направлений, требующих времени, сил, выдержки, внимания и большого

опыта. Ошибки, неправильно выбранная тактика ведения беседы, опроса и иных процессуальных действий могут привести к нулевому результату: полученная информация не будет иметь никакой ценности, а лишь добавит проблем. Данная деятельность уже сама по себе многогранна.

Во-первых, поиск свидетелей непосредственно на месте совершенного правонарушения. Данная работа требует навыков нахождения контакта с гражданами, умения найти и разговорить человека, имеющего как непосредственное знание о совершившемся или предполагаемом преступлении либо обладающего информацией о нем, его участниках, возможных мотивах. Тактичность требуется при работе в условиях неочевидности, когда недопустимо стать невольным распространителем данных, требующих проверки информации об объеме осведомленности сотрудника о факте, мотивах, участниках преступления. Деликатность нужна при работе с родственниками. Их высокое эмоциональное возбуждение не всегда располагает к формальным протокольным действиям и коммуникации, предлагаемым участниками следственно-оперативной группы и необходимым для фиксации соответствующих событий и фактов.

Во-вторых, работа в кабинете со свидетелями, подозреваемыми, пострадавшими, их представителями, в отличие от работы вне кабинета, где характерна невысокая напряженность и ощущение ответственности за последствия беседы иных участников: свидетелей, возможных случайных носителей информации и т. д. Работа на месте совершения преступления во многом неофициальная, а полученные факты в большинстве своем являются лишь сведениями, которые нуждаются в проверке, а не фактическими данными, однозначно имеющими место и характеризующими правонарушение, позволяющими составить квалификацию случившегося. В кабинете работа проводится по прошествии времени, уровень эмоционального напряжения различных социальных объектов внимания оперативных сотрудников относительно выравнивается: у первых снижается (притупляется тревога, боль утрат и потерь), у вторых, с учетом того, что разговор в кабинете осознается как официальный, наоборот, возрастает под воздействием уровня ответственности и ее субъективного восприятия.

Для достижения эффекта доверия в ходе бесед с различными субъектами непосредственно либо опосредованно, косвенно имеющими отношение к расследуемому событию, поиску источника информации, будет полезно накопление соответствующей информации их различных источников — от официальных документов, о которых речь шла выше, до при-

меров из книг, фильмов, сериалов, конечно при творческом обращении с этими примерами. Так, полезно будет знакомство с рекомендацией, касающимися профессиональной этики, показанными в телевизионном сериале «Место встречи изменить нельзя», снятом по произведению братьев Вайнеров «Эра милосердия». Одно из правил формулирует Глеб Жеглов: проявляй искренний интерес к собеседнику; улыбайся; запомни имя человека и не забывай его повторять в разговоре; умей слушать; научись вести разговор в кругу интересов собеседника; относись к собеседнику с уважением. Правила простые, но нам порой не хватает выдержки, внимания, сопереживания — а это мешает установлению коммуникативного контакта и доверия между собеседниками.

В-третьих, работа с добровольными помощниками для получения оперативно ценной информации. Здесь на вопрос: «Где взять и как привлечь на свою сторону добровольных помощников?» — думается, сколько будет вопросов, столько будет и ответов. И многие приемы не будут отличаться ни высокой нравственностью, ни законностью. Приводить примеры и перечислять их нет необходимости. Ими изобилует художественная литература, кинофильмы на полицейскую тематику. Несмотря на то что в условиях морального выбора им можно найти оправдание, когда меньшее зло предотвращает или минимизирует большее по своим последствиям. Однако нельзя исключать, что в результате могут быть последствия, которые нивелируют попытки оправдания целесообразности в пользу выбора меньшего зла. Более того, можно наблюдать практически одну и ту же картину: оперативный сотрудник или другой человек, идя на совершение противозаконного поступка, всегда найдет для себя оправдание. Этому есть хороший пример — аргументы Г. Жеглова в диалоге с В. Шараповым, касающиеся задержания вора рецидивиста «Кирпича».

Целесообразно обозначить особенности профессиональной морали при работе под прикрытием, внедрении сотрудника в криминальную среду для раскрытия преступной деятельности. В связи с этим полезным будет знакомство с подборкой инструкций сотрудников филерских подразделений полиции Российской империи начала XX в., представленных в работе доктора исторических наук О. В. Коноваловой [10, с. 35]. Все документы старые, но они не потеряли своей актуальности и полезности относительно обеспечения безопасности внедренных сотрудников.

В-четвертых, в сферу профессиональной морали также входят и некоторые особенности взаимоотношений в пределах одного оперативного подразделения [11, с. 194].

Подводя итог о ценности профессиональной морали в деятельности сотрудников оперативных подразделений, обратим внимание на необходимость соблюдения законности в ходе профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел даже же в условиях морального выбора. Все принимаемые сотрудником меры будут моральны, более того, нравственны, если они будут законны. При этом имеющийся арсенал накопленного опыта деятельности исключит необходимость поступать аморально в ходе выполнения профессиональных задач, а деятельность в рамках профессиональной морали будет сопутствовать совершению поступков по совести и профессиональной чести.

Список источников

1. Дианова Н. Ф., Краснянская Е. О. Этика в профессиональной деятельности // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. № 4-2(67).
2. Бакиштановский В. И., Согомонов Ю. В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок : монография. Тюмень, 2005.
3. Билалова И. Р. Сущность профессиональной этики в контексте использования ее приоритетов, норм и ценностей в сфере управления // Экономика и социум. 2016. №11(30).
4. Зувев В. И. Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов : учеб. пособие. Оренбург, 2021.
5. Коршунова О. Н., Головки И. И., Исламова Э. Р. Профессиональная этика : учеб. пособие. СПб., 2023.
6. Эриашвили Н. Д. Профессиональная этика российского полицейского // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1.
7. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ к нормативно-правовым актам из справ.-правовой системы « КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460.
9. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.
10. Коновалова О. В. Развитие правоохранительных органов России в IX — начале XX веков: развитие : учеб.-метод. пособие. Красноярск, 2025.
11. Щеглов А. В. Особенности оперативно-розыскной этики в правоохранительной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1.

Т. В. Сезонова

(г. Орел)

Нравственные аспекты судебно-экспертной деятельности

Судебно-экспертная деятельность — это совокупность действий, включающих в себя различные аспекты, такие как взаимодействие процессуальных субъектов, производство судебных экспертиз, оценка их результатов, а также организационное, материальное и информационное обеспечение. В статье 1 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» (далее — Федеральный закон № 73-ФЗ) указано, что «государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами, состоит в организации и производстве судебной экспертизы». Наряду с правовыми нормами, положениями психологии, логики и гносеологии, реальную основу и законное право на существование имеет нравственный аспект судебно-экспертной деятельности.

Профессия судебного эксперта предусматривает следование определенным нравственным нормам, отличным от норм других юридических специальностей. Для судебного эксперта это в первую очередь объективность, беспристрастность, принципиальность, самостоятельность и самокритичность. Именно этими принципами эксперт должен руководствоваться во всех сферах своей служебной деятельности. Моральные нормы требуют от эксперта корректности, вежливости и сдержанности в отношениях со всеми участниками уголовного судопроизводства (следователем, судьей и другими лицами). Честность эксперта, с одной стороны, — быть твердо уверенным в достоверности сделанных им выводов, а с другой стороны, он должен уметь признавать допущенные им ошибки [1, с. 111]. Экспертные ошибки полностью исключить невозможно, но каждый специалист должен стремиться к их минимизации. Добросовестность специалиста заключается в выяснении достоверной информации без сокрытия и фальсификации материалов и объектов.

Умение делать выводы независимо от мнения следователя, начальника, подозреваемого, потерпевшего или других заинтересованных лиц, имеющих отношение к расследуемому уголовному делу, свидетельствует о принципиальности эксперта.

С точки зрения нравственности существенное значение имеют допустимость методов и технических средств в решении экспертных за-

дач, а также моральные требования к отбору сравнительных материалов и получению экспериментальных образцов для сравнительного исследования. Данные вопросы нашли закрепление в ст. ст. 35, 36 Федерального закона № 73-ФЗ.

Любое экспертное исследование состоит из ряда подзадач разной степени сложности, которые решаются экспертом в конкретных экспертных ситуациях либо традиционными, либо эвристическими методами. Ключом к решению этих задач является соответствующий уровень интеллектуальной и правовой культуры, составной частью которой выступает профессиональная этика судебного эксперта.

Судебно-экспертная деятельность имеет в своей основе информационную природу и опирается на целую систему нравственных и профессиональных качеств, формируемых в процессе воспитания, а затем и профессионального образования (позже — повышения квалификации) судебного эксперта [2, с. 18].

Профессионализм субъекта любой деятельности всегда остается главным критерием ее оценки, однако в плане анализа ее нравственных начал наиболее важное значение имеют социально обусловленные черты личности: ее направленность, добросовестность, постоянная готовность к профессиональным действиям, устремленность на повышение своей квалификации [3, с. 31].

Стремление штатного судебного эксперта качественно и своевременно выполнять свои функциональные обязанности, понимаемые им как нравственный долг, способно обеспечить реализацию одного из принципов государственной судебно-экспертной деятельности — полноту, объективность и добросовестность экспертного исследования объектов судебной экспертизы. Наоборот, игнорирование новых методик и экспертных технологий, инертность мышления и косность мысли, безразличие к качеству труда ведут к деградации личности эксперта, к потере им нравственных ориентиров.

Большое значение в шкале нравственных критериев оценки личности эксперта имеют складывающиеся у него отношения с руководителем структурного подразделения, коллегами по работе и представителями правоохранительных структур.

Нравственные начала особым образом наполняют такие моменты деятельности судебного эксперта, как формирование внутреннего убеждения в процессе решения им экспертной задачи. Как известно, его структуру составляют четыре взаимосвязанных компонента: гносеологический, логический, психологический и этический.

Этический аспект внутреннего убеждения судебного эксперта присутствует в его отношении к служебному долгу, в критичности мышления при оценке им представленных следователем исходных данных, в объективной оценке качества своей работы и ее овеществленного результата — объективного и достоверного экспертного вывода.

Этические нормы обязывают следователя, судью с уважением относиться к достижениям в области науки, техники, искусства и ремесла, но при этом критически оценивать выводы экспертов. Такой подход гарантирует своевременное использование специальных знаний в судопроизводстве.

Этика обязывает следователя, судью приглашать в качестве экспертов компетентных, принципиальных, честных и не заинтересованных в исходе дела (уголовного, гражданского) лиц.

Далекими от этических качеств личности в этих случаях являются как внушаемость эксперта, так и его самоуверенность, выражающаяся в игнорировании коллег, мнения своего более опытного и компетентного руководителя, а также коллективного экспертного опыта, концентрируемого в обобщениях экспертной практики и методических рекомендациях.

Важным нравственным аспектом судебно-экспертной деятельности является осознание своей ответственности (служебной, моральной, профессиональной) за результаты своего труда [4, с. 69]. Значение профессиональной этики судебных экспертов в том, что она стимулирует выполнение моральных требований в деятельности данных специалистов, а это позволяет повысить доверие к ним со стороны общества.

Список источников

1. *Судебная экспертиза: типичные ошибки* / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2012.
2. *Гилязутдинов Р. К., Колосова И. М. Судебная экспертиза. Часть 1 : учеб. пособие.* М., 2016.
3. *Майлис Н. П. Введение в судебную экспертизу : учеб. пособие.* М., 2017.
4. *Сорокотягин И. Н., Сорокотягина Д. А. Судебная экспертиза : учебник и практикум для вузов.* М., 2024.

С. В. Денисенко

(г. Омск)

Воплощение принципа государственности в имидже государственного служащего

Принцип государственности лежит в основе государственной службы и нуждается в глубоком осмыслении и реализации служащими на всех уровнях — личности сотрудника, коллективов государственных служащих организаций, служб, министерств и ведомств. Конкретное поведение государственного служащего при исполнении им служебных обязанностей становится воплощением государственной воли. Государственный уровень интегрируется с личной нравственной позицией и реализуется в служебном поведении, подчас на самом очевидном — внешнем виде служащих. Взаимодействие государственных структур с обществом образует устойчивый стиль поведения государственных служащих, а в обществе — социальные стереотипы, связанные с имиджем представителей конкретного уровня службы. Передача позитивного для государства образа служащих является неотъемлемой составляющей государственной службы.

На всех этапах становления Российского государства ключевое значение для народа имело первое лицо государства и его личностные особенности, в дальнейшем оценка его действий во власти и выстроенное отношение с народом. Внешний облик и поведение со временем облеклись в словесные формы и выразились в народных прозвищах: «Ясносолнышко», «Грозный», «Мудрый», «Тишайший», «Великий», «Кровавый». В памяти народа осталось целостное восприятие личности, близкое к современному пониманию харизмы. Современные государственные деятели, люди с государственным мышлением, масштабными успехами, размахом устремлений, выходящими за пределы личного интереса, должны своим внешним видом этот государственный масштаб передавать. Выражаемый во внешнем облике приоритет интересов государства над личным выступает как осознание специфики государственной службы, специфики государственности. Данное утверждение неслучайно.

Уважительное отношение к государственным служащим, как раньше говорилось «служивым людям», в Российской империи было связано с необходимостью защищать самую большую и богатую территорию мира от внешнего завоевания, почитались мужество и смелость служивых людей. С давних пор военный мундир или стилизация одежды под

него являются необходимым, исторически обоснованным символом государственного поведения, карьерного роста в исполнении дел государственной важности. Парадные портреты российских императоров, первых государственных чинов, полководцев, маршалов Победы иллюстрируют это наилучшим образом. Руководители всех уровней на различных исторических этапах развития нашего государства прошли, прежде государственной, именно армейскую службу. Сегодня, как и ранее, государственная служба успешнее развивается после службы в армии.

Воинский опыт и мундир с государственными символами, с наградами — наиболее понятный способ передать смысл государственной службы, символ достоинства государственных служащих. В современной России право ношения форменного обмундирования имеют служащие различных органов исполнительной власти: Федеральной службы безопасности, таможенных органов, Роспотребнадзора, органов внутренних дел, прокуратуры, службы исполнения наказания и др. Сотрудникам этих государственных ведомств присваиваются специальные звания, они носят мундир государственного образца, погоны, знают систему организации обеспечения и контроля за правилами ношения форменного обмундирования [1].

Официальные документы, государственные церемонии, торжества требуют присутствия должностных лиц в форменном обмундировании со знаками различия и государственными наградами.

Государственные гражданские служащие, не имеющие форменного обмундирования, при выполнении должностных обязанностей должны способствовать уважению граждан к органам государственной власти. Эту обязанность госслужащих сформулировал в 2010 г. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации [2]. Государственные служащие должны придерживаться общепринятого делового стиля, который отличают официальность, сдержанность, аккуратность и традиционность. Это же положение конкретизируется в документах конкретных ведомств. Одежда государственного служащего должна соответствовать основному назначению его деятельности, быть функционально целесообразной, удобной для работы, не отвлекать внимания ни его самого, ни окружающих от выполнения должностных обязанностей. Ее строгость, элегантность и опрятность должны символизировать стабильность, надежность, значимость и культуру государственной службы [3]. Внешний вид госслужащих подобно вершине айсберга, видимая часть имиджа, которая визуализирует присутствие государственного интересов и задач государственной важности.

Укрепление моральной основы образа государственного служащего за счет внимания к выполнению служебных обязанностей, выраженное в целенаправленной и слаженной работе государственных служб, на современном этапе стали актуализировать под комплексным названием «имиджевая политика». Имиджевая политика государственной службы выстраивает систему специальных действий сотрудников, создающих желательное общественное мнение, направленное на эффективные для государства коммуникации, на основе которых укрепится взаимодействие государственной системы и общества.

Реализовать имиджевую политику можно за счет создания узнаваемого стиля с государственной символикой, используемого в проведении форумов и деловых встреч различного уровня, конференций, выставок. Для популяризации привлекают средства массовой информации, управляют общественным мнением конкретного социального субъекта, группы людей, населения регионов. Организованное управление имиджем не сводится исключительно к внешнему облику, оно нацелено на повышение авторитета и рост профессионализма государственных служащих. Поддержка и доверие населения создаются эффективным, честным, прозрачным взаимодействием государственных структур с общественностью через решение государственных задач. Ответственность, скорость и качество решаемых задач, продемонстрированные в средствах массовой информации населению, формируют позитивный имидж государственной службы.

Управляемость имиджа обеспечивается несколькими социальными инструментами: социологическими исследованиями изучаются запросы социума, мониторингом внешней среды контролируются их изменения, разработкой стратегии поведения участников, привлечением средств массовой информации регионального и федерального уровней, наглядной агитацией, организацией диалога с обществом (чаще всего реализуемого в ситуациях выборов, это электорат) обеспечивается продвижение в социальные массы. Они исследуются в части политического имиджа, особенно в выборной кампании используются весьма активно [4, с. 1121].

Достойный уважения и доверия общества государственный служащий — это, прежде всего, неподкупный служащий. В развитие именно этой приоритетной составляющей деятельности госслужащих общественному мнению транслируется позитивный имидж государственной службы, ее неотъемлемой составляющей.

Список источников

1. *Об утверждении* Правил ношения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации форменной одежды, знаков различия и ведомственных знаков отличия : приказ МВД России от 17 ноября 2020 г. № 777. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ к нормативно-правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих*. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. *Общие рекомендации по внешнему виду государственных гражданских служащих* Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=19701/ (дата обращения: 25.04.2025).

4. *Воронцова Ю. В.* Основные характеристики политического PR // Молодой ученый. 2016. № 10(114).

А. Н. Шрайбер

(г. Барнаул)

Профессиональные качества женщины-полицейского в оценках жителей г. Барнаула

В современной социологии не теряет своей актуальности потребность в исследовании характерных признаков профессиональных групп в связи с изменениями условий жизнедеятельности общества, а вместе с этим мировоззренческих установок, поведенческих реакций. В современной России сложно представить какую-либо профессиональную деятельность, в которой бы не трудилась женщина. Органы внутренних дел — не исключение. Возрастает не только численность женщин-полицейских, но и расширяется спектр их служебно-профессиональной деятельности.

Представленные в статье эмпирические данные были получены в результате реализации пилотного проекта «Социальный портрет женщины-полицейского». Методологические основы социологического изучения социального портрета были разработаны на основе трудов М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса. Социальный портрет профессии понимался Э. Дюркгеймом как «описание профессии, которое требует особых способностей и специальных знаний. В ней царят опреде-

ленные взгляды, определенные обычаи, некий способ видения вещей» [1, с. 80]. На современном этапе развития социологической науки формирование социального портрета типичных представителей различных социальных групп — весьма актуальная тема. Трактовкой и анализом сущности социального портрета занимаются П. О. Ермолаева, Е. П. Носкова, А. И. Кунцова [2], А. Э. Якубовский [3] и др. Проблему отношения гражданского населения к полиции можно встретить в трудах М. К. Гайдай [4] и Н. В. Нарыкова, А. П. Тюнь [5]. Освещением специфики профессиональной деятельности женщин-полицейских занимаются исследователи Т. М. Бормотова, А. Е. Ильин, В. В. Макаров [6], О. Г. Исупова [7] и др.

Методика эмпирического исследования социального портрета женщины-полицейского базируется на сочетании количественного и качественного методов анализа. Для получения эмпирических данных использовались массовый опрос в форме анкетирования и глубинное интервью. Выборочную совокупность для анкетирования составили 112 респондентов. Тип выборки — целенаправленный, квотным методом. При формировании выборки для глубинного интервью использовался метод снежного кома, в качестве информантов выступили 8 женщин-полицейских.

Для выявления общественного мнения населения о профессиональных качествах женщин-полицейских была взята за основу интерпретация понятия «профессиональные качества» из методического инструментария по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы. Профессиональные качества — это проявляемые в поведении гражданского служащего характеристики, отражающие единство его стремлений, способностей, знаний, навыков, умений и личностных качеств, необходимых для эффективного и результативного исполнения должностных обязанностей» [8, с. 9]. Таким образом, профессиональные качества женщины-полицейского — это совокупность личностных, компетентностных и коммуникативных черт, обеспечивающих выполнение служебных обязанностей.

Обратимся к некоторым результатам исследования. В анкетном опросе были представлены три группы черт, которые отражают профессиональные качества женщины-полицейского. *Личностные черты* — доброта, ответственность, патриотичность, приспособляемость, безнравственность, невежество, любознательность и др. *Компетентностные черты* — выносливость, дисциплинированность, работоспособность, оперативность, высокая профессиональная компетентность,

отсутствие интереса к работе, коррупционность и др. *Коммуникативные черты* представлены в следующих индикаторах: коммуникабельность, толерантность, грубость в общении, безразличие к людям, отзывчивость и др.

Респондентам предоставлялась возможность выбрать из каждой группы по три положительных и отрицательных черты, отражающих реальный социальный портрет сотрудницы полиции.

Наиболее популярными положительными личностными чертами, отражающими социальный портрет женщины-полицейского, стали следующие: ответственность (60%), приспособляемость (32%), самоотдача (21%), патриотичность (18%) и женственность (15%). Кроме того, были названы способность сопереживать, креативность, доброта и любознательность. К отрицательным личностным чертам отнесены невежество (46%), вседозволенность (27%), безнравственность (23%), равнодушие и чрезмерная подозрительность (по 11%). Перечислены в ответах информантов также лень, стандартность мышления и мужественность. При глубинном интервью все сотрудницы полиции отметили, что ответственность, дисциплина и преданность работе — те личностные черты, которые отличают настоящего мастера своего дела. Но доброта и эмпатичность помогают сохранять человеческие отношения в любой ситуации. Одна из женщин поделилась своей историей: «В тяжелые времена, когда зарплата еще была небольшой, я помогала обычным людям, которые приезжали на допрос из другого населенного пункта. Часто я покупала им еду, кормила в столовых, давала деньги на дорогу до дома. Главное — это человечность, нужно всегда помогать людям...».

Положительные компетентностные черты, по мнению респондентов, можно выстроить в следующую иерархию: стрессоустойчивость (40%), высокая профессиональная компетентность (26%), дисциплинированность (23%), оперативность (14%), исполнительность, конфликтологическая грамотность и объективность (по 13%). В ответах присутствовали такие варианты, как выносливость, обучаемость, пунктуальность и организованность. В качестве отрицательных компетентностных черт указаны: низкая профессиональная компетентность (45%), необразованность (38%), отсутствие интереса к работе (36%), коррупционность (31%), неграмотность (21%).

В ходе глубинного интервью удалось выявить, что в жизни каждой сотрудницы полиции бывали ситуации, когда при общении с участниками дела приходится сталкиваться с отрицательными эмоциями и высказываниями в отношении органов внутренних дел. Наличие такой черты,

как стрессоустойчивость, обязательно при несении службы. При трудоустройстве в полицию необходимо пройти комиссию, которая проверяет психофизическое состояние будущего сотрудника.

Участники опроса указали следующие положительные коммуникативные черты: коммуникабельность (56%), ораторское мастерство (33%), толерантность (32%), отзывчивость (31%). Грубость в общении (36%), безразличие к людям (34%), предвзятость (30%) и нетерпимость к отдельным социальным слоям (26%) — негативные черты, которые, по мнению опрошенных, характеризуют сотрудницу полиции. Так, при личной беседе женщины-полицейские рассказали, что на службе необходимо быть общительным, чтобы участники дела шли навстречу и не закрывались. Однако общительность выражается исключительно в рамках расследования, личную жизнь и секреты сотрудницы доверяют лишь избранному кругу людей. Например, одна из сотрудниц рассказала: «Если необходимо, то я могу найти общий язык абсолютно с любым человеком. Но близко к себе я никого не подпускаю, доверять способна далеко не каждому».

Каждая из опрошенных сотрудниц полиции отметила, что работа полностью меняет характер, приобретаются новые качества (уверенность в себе, властность, требовательность, целеустремленность, сдержанность). Служба в полиции вырабатывает твердость характера. Факторами изменений в характере выступают эмоциональное и физическое напряжение, общение с преступниками, отсутствие времени на отдых. Так, женщина рассказала: «У меня сформировались такие черты, как уверенность, твердость, настойчивость, целеустремленность. Раньше я была совершенно другим человеком. Родственники часто говорят, что не узнают меня. Что касается плохих черт характера, то я могу быть резкой и жесткой, могу нагрубить...».

Большинство респондентов, участвующих в опросе, полагают, что в характере женщин-полицейских происходят значительные изменения (91%). Лишь единицы опрошенных считают, что служба в полиции не меняет характер сотрудниц. Точки зрения респондентов отличаются полярностью, наиболее популярная среди опрошенных положительная черта находит свою противоположность в других мнениях. Например, высокая профессиональная компетентность противопоставляется таким негативным характеристикам, как неграмотность, необразованность, низкая профессиональная компетентность. Следовательно, единого мнения о профессиональных качествах женщины-полицейского у респондентов не сложилось.

Изучение общественного мнения о профессиональных качествах — важный компонент в комплексном анализе и формировании социального портрета женщины-полицейского. Реализация такого исследования является одним из валидных методов определения уровня доверия граждан к деятельности органов внутренних дел. Кроме того, результаты исследования могут составить определенную информационную и аналитическую базу для официальной оценки деятельности ведомственной структуры.

Список источников

1. Дюркгейм Э. Социология образования. М., 1996.
2. Ермолаева П. О., Носкова Е. П., Купцова А. И. Социальный портрет населения: методология, основные характеристики. Казань, 2020.
3. Якубовский А. Э. Социальный тип — гипотеза и инструмент исследования социальной структуры // Социологические исследования. 2001. № 4.
4. Гайдай М. К. Мнение молодежи образовательных организаций высшего образования о деятельности полиции // Российская история. 2022. № 6.
5. Нарыков Н. В., Тюнь А. П. Проблема отношения гражданского населения к полиции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5.
6. Бормотова Т. М., Ильин А. Е., Макаров В. В. Факторы и условия службы женщин в органах полиции // Этносоциум. 2023. № 6(180).
7. Исупова О. Г. Баланс жизни и работы у женщин-полицейских в Вологодской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3.
8. URL: https://rostrud.gov.ru/upload/iblock/32e/metod_ins.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

Н. В. Гальцева

(г. Москва)

Философский аспект деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественного правопорядка и общественной безопасности

Анализ фундаментальных установок в деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественного правопорядка и общественной безопасности непосредственно связан с философскими основа-

ниями. Мы изначально обращаемся к философии и изучаем ее главные категории, принципы, концепции, аспекты, связанные с определенными темами, явлениями, занимаемся поиском ответов на фундаментальные вопросы: «Что такое справедливость?», «Каково значение закона?», «Какова роль государства в обеспечении общественного порядка и безопасности?».

В ходе поиска ответов на поставленные вопросы возможно применение этического принципа, существующих моральных норм и ценностей, оказывающих влияние на принятие решений и действий в определенной области. В контексте права и правоохранительной деятельности очень важны такие категории, как справедливость, безопасность, свобода, так как именно они должны определять действия органов внутренних дел в процессе взаимодействия с гражданами. Действия органов внутренних дел должны быть направлены на обеспечение закона, справедливости, защиту прав граждан, соблюдение баланса между защитой индивидуальной свободы и обеспечением общественной безопасности. Важно, чтобы действия органов внутренних дел не приводили к произволу. Таким образом, решение вопроса о том, где проходит граница между этими двумя аспектами, влияет на формирование политики и практики правоохранительных органов.

В настоящее время, рассматривая понятие социального контракта и легитимности власти правоохранительных органов, необходимо понимать, что с точки зрения философии политического договора власти получают легитимность от общества, что оказывает влияние на деятельность органов внутренних дел, восприятие правопорядка гражданами, их доверия к органам внутренних дел [1, с. 248]. Государство рассматривается как гарант обеспечения безопасности своих граждан, и в этом случае органы внутренних дел должны выполнять делегированные им государственные функции эффективно и ответственно, так как они являются частью государственной структуры. В рассматриваемом процессе реализации функций государства органы внутренних дел обязаны соблюдать границы применения силы во избежание злоупотреблений и насилия с их стороны. Таким образом, именно в контексте правоприменительной практики органов внутренних дел становятся актуальными философские размышления о том, когда и в какой мере обоснованно использование силы в процессе поддержания порядка и вынужденного применения силы.

Оправдание использования силы в правоприменительной практике — это сложный и многогранный вопрос. Томас Гоббс и Джон Локк [1, с. 248] рассматривали процесс использования силы как часть соци-

ального контракта между гражданами и государством. По их мнению, государство имеет право применять силу для защиты граждан и поддержания порядка, но это право должно быть ограничено и контролируемо. Такая позиция является сугубо объективной, так как критики данной теории утверждали, что социальный контракт может быть использован для оправдания злоупотреблений со стороны государства, если не существует адекватных механизмов контроля и ответственности.

Рассуждая с позиций утилитаризма, Джереми Бентам и Джон Стюарт Милль утверждали, что использование силы оправдано, если оно приводит к наибольшему благу для наибольшего числа людей [2, с. 72]. Необходимо понимать, что в данном контексте сам факт применения силы может быть оправдан, так как является основанием для предотвращения большего вреда или обеспечения общественной безопасности. Данная позиция является объективной, так как критики утилитаризма утверждали, что такая позиция может привести к оправданию нарушения прав отдельных людей ради блага большинства, что ставит под сомнение моральные основы таких действий.

Иммануил Кант и другие сторонники этики долга утверждали, что действия должны оцениваться по их соответствию моральным законам, а не по последствиям [3, с. 42]. Согласно их позиции, использование силы может быть оправдано только в тех случаях, когда оно соответствует моральному долгу и уважает права каждого человека. Однако их критики считали, что деонтологический подход понимания использования силы может оказаться слишком строгим в ситуациях, когда необходимо быстро реагировать на угрозы, что иногда требует принятия трудных решений [3, с. 56].

Современные теории прав человека утверждают, что использование силы всегда должно быть строго ограничено и оправдано только в крайних случаях, когда речь идет о защите основных прав и свобод. Применение силы должно быть пропорциональным и необходимым. Однако такая позиция может быть подвергнута критике за то, что она не всегда учитывает сложные и динамичные ситуации, требующие быстрого реагирования со стороны правоохранительных органов [1, с. 422].

Таким образом, философские установки на оправданность использования силы в правоприменительной практике варьируются от утилитарного подхода, акцентирующего внимание на последствиях, до деонтологического, подчеркивающего моральные нормы долга [3, с. 36]. Следует понимать, что каждая позиция имеет свои сильные и слабые стороны, их обсуждение важно для формирования сбалансированной и нрав-

ственно согласованной практики применения силы правоохранительными органами.

В процессе реализации органами внутренних дел возложенных обязанностей обеспечения соблюдения прав и свобод граждан, общественной безопасности возникает вопрос влияния социальных факторов. Философские исследования свидетельствуют, что многие преступления имеют корни в социально-экономических условиях, что должно учитываться органами внутренних дел в ходе формирования стратегии профилактики преступления, поскольку важным аспектом работы органов внутренних дел является не только репрессивная функция, но и просветительская деятельность, направленная на формирование правосознания у граждан [4, с. 27; 5, с. 286].

Философские размышления о том, как технологии изменяют саму природу правоохранительной деятельности и взаимодействие с обществом, являются не беспочвенными, поскольку процесс динамичного развития технологий (например, применение процедур видеонаблюдения, анализа данных) оказывает влияние на правоохранительную деятельность в связи с необходимостью решения вопросов обеспечения безопасности граждан без нарушения их личной свободы. Рассматриваемый аспект деятельности органов внутренних дел, безусловно, влияет на природу правоохранительной деятельности и взаимодействие с обществом [6, с. 244].

Подводя итог, можно утверждать, что философский аспект деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественного правопорядка и общественной безопасности включает большое количество вопросов, связанных с этикой, легитимностью, насилием, социальной справедливостью и технологическими изменениями. Проблема формирования эффективной и справедливой системы обеспечения правопорядка находится в плоскости систематического проведения глубокого анализа и обсуждения рассматриваемых философских аспектов деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественного правопорядка и общественной безопасности.

Список источников

1. Ролз Дж. Теория справедливости / науч. ред В. В. Целищев; пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. Новосибирск, 1995.

2. Милль Дж. С. Утилитаризм / пер. с англ.; предисл. А. С. Земерова. Ростов н/Д, 2013.

3. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / пер.; вступ. ст. Я. А. Слина. СПб., 1995.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М., СПб., 1997.
5. Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы / пер. с нем. В. В. Иванова. М., 2017.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. В. Наумова. М., 2016.

М. С. Морщакина

(г. Москва)

Полиция в социальных медиа: этические аспекты деятельности

Информационная открытость полиции стала приоритетным направлением деятельности не только подразделений информации и общественных связей, но и многих других служб. Посредством социальных медиа осуществляется информирование о наиболее резонансных видах преступлений, доводится профилактическая информация, но самое главное — социальные медиа стали прочным фундаментом в формировании положительного имиджа сотрудников органов внутренних дел.

Приведем примеры двух формулировок понятия «социальные медиа», наиболее четко разъясняющих данную дефиницию. Первое принадлежит английскому социологу Д. Мерти, предложившему следующий вариант, — это доступные электронные инструменты, позволяющие любому человеку публиковать и получать информацию, сотрудничать и выстраивать отношения с другими людьми. Д. Торнли рассматривает социальные медиа более развернуто и считает, что это онлайн-коммуникация, в которой индивидуум плавно и гибко меняет свою роль, выступая то в качестве аудитории, то в качестве автора. Человек, организующий интернет-коммуникацию, может не иметь специального образования, но при помощи программного обеспечения размещать, комментировать, редактировать информацию, создавая сообщества «по интересам» [1, с. 37].

Важно понимать, что «социальные медиа» и «социальные сети» — это не синонимы. Социальные сети являются популярной составной частью социальных медиа.

В настоящее время информацию о деятельности любого территориального органа МВД России на региональном уровне можно най-

ти на официальных интернет-сайтах, в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники», в телеграм-каналах и на видеохостингах. Поэтому каждому сотруднику подразделения информации и общественных связей МВД России важно знать и помнить об этических аспектах взаимодействия в сети Интернет.

Одним из главных правил должно стать следующее: любой комментарий, любая информация не может быть представлена пользователям в некорректной форме. Недопустимо использовать оскорбительные высказывания в адрес подозреваемых в совершении правонарушений и преступлений, комментировать их этническую принадлежность, так как одно неверно сказанное, а точнее написанное слово, может способствовать разжиганию межнациональной розни. При подготовке постов и информационных пресс-релизов следует помнить, что текст должен быть читаем и понятен каждому пользователю, независимо от возрастной категории и профессиональной принадлежности. Например, заголовок, написанный в доступной и понятной форме — «В Хабаровске курьер телефонных мошенников предстанет перед судом» или «Полиция Удмуртии пресекла торговлю контрафактными сигаретами».

На что еще следует обратить внимание, коммуницируя в социальных медиа. Это, конечно же, работа с фотографиями. Безусловно, проиллюстрировать каждый пост и каждый релиз не всегда удастся фотографиями, сделанными сотрудниками полиции. Например, при изготовлении различных карточек многие используют возможности нейросети и разных платформ. Но важно помнить об авторском праве. Уже есть судебная практика, когда авторы не дают своего разрешения на использование фотографического изображения, соответственно, при выявлении в сети Интернет своих фотографий они обращаются в суд в целях взыскания компенсации за незаконное использование фотографического изображения [2; 3].

Следующим важным аспектом в работе является социальное восприятие. Именно поэтому одну из ключевых ролей в институционализации социальных сетей играют не технические возможности, а качество коммуникации полиции и граждан. Согласно Федеральному закону от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления“» государственные органы, органы местного самоуправления и подведомственные организации обязаны использовать социальные сети для размещения информации и коммуникации с пользователями социальных сетей [4, с. 31].

Основная функция соцсетей — пространство для диалога с гражданами. Главной проблемой нужно назвать отсутствие ответов на большую часть постов. Пользователь задает конкретный вопрос, но ведомство молчит: из-за этого человек остается в неведении либо самостоятельно ищет информацию, которую ожидал получить, что, в свою очередь, не может гарантировать достоверность полученных данных. На вопрос, проигнорированный ведомством, отвечают другие подписчики, что также не может застраховать от недостоверной информации [5, с. 107].

Реагирование на посты в социальных медиа является одним из индикаторов открытости ведомства и способствует повышению уровня доверия к полиции. Важно учитывать, что интернет-комментарии оказывают воздействие на сознание людей, поэтому своевременный комментарий может кардинально изменить отношение граждан к событию, описанному в посте.

Пост-обращение гражданина в структуре диалога становится текстом-стимулом, на который поступает текст-реакция от соответствующего ведомства, он оформляется в социальной сети как ответ на пост автора. Коммуникация МВД России с гражданами через социальные сети позволяет выявлять сообщения, требующие реагирования полиции и своевременного принятия необходимых мер, направленных установление всех обстоятельств, изложенных в постах, опубликованных в социальных медиа.

Любой комментарий должен отвечать основному требованию: понятность текста, которая достигается путем отбора таких речевых средств, которые, характеризуя описываемую ситуацию, обеспечивают ее мысленную воспроизводимость. В тексте комментария не должно быть неоднозначности понимания и неопределенности. Для этого не следует использовать иноязычные слова и узкоспециальные термины. Понятный язык — не значит простой или примитивный. Важно учитывать, что при подготовке текста комментария следует разъяснять сложные логико-смысловые конструкции и специальные термины путем их замены на понятные слова, использовать простые синтаксические конструкции с прямым порядком слов, избегать оценочных характеристик субъективных ощущений и ментально постигаемых явлений, не совмещать изложение двух мыслей в одном предложении. В противном случае содержание комментария будет интерпретироваться произвольно, порождая случайные смысловые результаты [6, с. 9–10].

Подводя итог, необходимо отметить, что этические нормы интернет-коммуникации основаны на этике общения в действительности. Важно обращать внимание на использование чужих текстов и распространение конфиденциальной информации [7, с. 8]. В настоящее время уже невозможно представить коммуникацию МВД России и граждан без социальных медиа. Этот процесс будет развиваться и требовать нового теоретического и практического осмысления.

Список источников

1. Дукин Р. А. К вопросу определения понятия «Социальные медиа» // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4.
2. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/42dd7751-5eb6-4221-b08f-e02624668965/fae2f9e3-5fae-4cc0-9919-3b4c8fa1516b/A53-3750-2024_20240716_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.05.2025).
3. URL: [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0c517dca-5f68-441e-b-5e8-2055af2ab3cc/4d0e8390-4df2-42e3-ae69-3eb68d3ad4eb/A33-494-2024_20240307_Reshenie_v_vede_rezoljutivnoj_chasti_\(st._229_APK\).pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0c517dca-5f68-441e-b-5e8-2055af2ab3cc/4d0e8390-4df2-42e3-ae69-3eb68d3ad4eb/A33-494-2024_20240307_Reshenie_v_vede_rezoljutivnoj_chasti_(st._229_APK).pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 14.05.2025).
4. Поляков А. К., Нигматуллина К. Р. К проблеме институционализации социальных медиа // Коммуникология. 2024. № 1.
5. Андреева Ю. С. Министерство доверия. Как государству общаться с гражданами : метод. мат.-лы. М., 2023.
6. Кропачев Н. М., Кузнецов С. А. Государственный язык Российской Федерации — понятный русский язык // Мир русского слова. 2020. № 2.
7. Гуторова Н. А. Особенности общения преподавателя и студента в социальных сетях: этический аспект // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 2(32).

Е. Н. Митракова

(г. Москва)

Самомотивация как инструмент профилактики эмоционального выгорания в деятельности сотрудников органов внутренних дел

Деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) за последние десятилетия претерпела существенные изменения. Вместе

с тем обыденные обязанности, ненормированный и напряженный график работы, эмоциональные и физические перегрузки, условия службы рискованного и непредсказуемого характера, высокие профессиональные и личностные качества, а также повышенный контроль и социальные запросы со стороны гражданского населения могут негативным образом сказаться на психоэмоциональном здоровье личности сотрудника ОВД, что довольно часто приводит к дезадаптивным формам поведения личности. «Кадровый голод», увеличение числа увольнений сотрудников, не достигших пенсионного возраста, подтверждают актуальность и значимость изучения психологических аспектов служебной деятельности в рамках профилактики эмоционального выгорания у сотрудников ОВД.

Под психологической безопасностью сотрудников ОВД следует понимать состояние защищенности личности, которая пребывает в доверительной и конструктивной коллективной среде, а также имеет возможность в свободном выражении своих мыслей и эмоций, не опасаясь за наступление негативных последствий. Психологическая безопасность необходима сотрудникам ОВД не только ввиду снижения стрессового перенапряжения, но и для улучшения коммуникаций, поддержки эмоционального здоровья (предотвращения эмоционального выгорания), повышения мотивационной сферы, развития профессиональных навыков. В свою очередь Ю. О. Напалкова одним из основных условий обеспечения психологической безопасности сотрудника ОВД рассматривает его эмоциональную культуру [1, с. 143–144].

Одним из основных механизмов развития психологической безопасности в служебной деятельности выступает профилактика эмоционального выгорания сотрудников ОВД. Так, взаимосвязь профессионального выгорания и особенностей поведения личности в своих исследованиях затрагивает В. Е. Орёл [2, с. 35]. Е. А. Красинская профессиональную деформацию сотрудников ОВД связывает с результатами негативных изменений его личности, профессиональных навыков и способностей под воздействием внешних факторов, приводящих к неадекватному поведению и утрате профессиональных компетенций [3, с. 49]. В. В. Бойко под эмоциональным выгоранием понимает «своеобразный механизм психологической защиты, проявляющийся в форме полного или частичного исключения эмоциональных реакций на воздействие внешних и внутренних психотравмирующих факторов» [4, с. 19].

Эмоциональное выгорание подразумевает состояние физического, эмоционального и психического истощения, возникающего в результа-

те длительного стресса, чрезмерной нагрузки и постоянного давления на работе, характеризующееся снижением работоспособности сотрудника, утратой интереса к осуществлению служебно-профессиональных задач и негативно-предвзятым отношением к окружающему коллективу [5, с. 80]. В систему эмоционального выгорания включены три основных компонента, в частности, эмоциональное истощение (сопровождается чувством усталости и истощения, когда сотрудник ОВД не справляется в эмоциональном плане с выполнением служебных обязанностей), деперсонализация (заключается в явном отстранении от коллег и должностных обязанностей, проявлении агрессии, цинизма и негативного отношения в процессе взаимодействия как профессионального, так и в личной жизни) и обесценивание личных достижений (присутствует ощущение неэффективности, ненужности, снижается личностная самооценка) [6, с. 63]. Так, эмоциональное выгорание выступает одной из основных причин психосоматических заболеваний, потери мотивации к осуществлению служебной деятельности, а также увольнения сотрудников ОВД.

Важным и необходимым этапом психологического сопровождения деятельности ОВД является психопрофилактика, основной задачей которой является оказание помощи личности в целях предупреждения нервно-психических и психосоматических заболеваний, а также снижения уровня стрессовой реакции на психотравмирующие события. В свою очередь инструментарий и методы психопрофилактики направлены на предотвращение эмоционального выгорания и поддержание психологического благополучия.

Основными инструментами являются:

1. Самомотивация. Включает определение целей (краткосрочных и долгосрочных), а также развитие навыков позитивного мышления и самовнушения для повышения уверенности в себе.

2. Применение копинг-стратегий по владению собой при возникновении ситуаций, связанных со стрессом.

3. Обучение медитативным практикам, аутогенным и мыслительным тренировкам в целях повышения уровня осознанности личности и достижения глубокой релаксации.

4. Развитие эмоционального интеллекта, включая осознание своих эмоций, чувств, реакций и способность контролировать их, в том числе при перенапряжении.

5. Изменение негативных установок и восприятия ситуации, а также своих психоэмоциональных и физических возможностей. В дан-

ном случае наиболее действенными являются техники когнитивно-поведенческой терапии.

Вышеперечисленные инструменты служат не только эффективными средствами при профилактике эмоционального выгорания сотрудников ОВД, но и способствуют общему поддержанию психологического здоровья личности [7, с. 191]. Стоит отметить, что наиболее сложным регулятором жизнедеятельности личности и некой совокупностью движущей силы поведения в служебно-профессиональной деятельности является именно самомотивация. Самомотивированный сотрудник ОВД способен к четкому формированию цели, использованию разнообразных инструментов по достижению целей и преодолению возникающих сложностей в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Под самомотивацией понимается процесс создания, поддержания и реализации собственных мотивов, основанных на сознательном выборе человека и направленных на удовлетворение его потребностей. Поскольку мотив является мыслью, а мысль наполняет сознание, убеждение и взгляд человека, то стоит согласиться, что «мысль — это начало всего. И мыслями можно управлять. И поэтому главное дело совершенствования — работать над мыслями» [8, с. 43]. Мысли обладают интересными свойствами, они будто определяют понимание и видение мира. На каждое событие в жизни личности человек смотрит сквозь соответствующую мысль, на самом деле не видя происходящего. Единственное, что может намекнуть на контролирующие личность мысли, это ситуации, которые происходят в моменте (здесь и сейчас). Именно они являются внешним отражением внутреннего действительности личности [8, с. 43].

Отметим некоторые методы развития самомотивации:

1. Структурирование целей, под которыми понимается разбивка большой цели на более мелкие подцели, а также установление реалистичных сроков их достижения.

2. Фокус на достижения — отслеживание прогрессивных этапов, записывание (якорение) достижений, поддерживающих мотивационный настрой на пути к намеченным целям.

3. Определение системы наград в целях поощрения промежуточных результатов и создания положительной ассоциации с процессом.

Так, под самомотивацией сотрудника ОВД понимается внутреннее состояние, которое способствует личности начинать, продолжать и завершать действия, направленные в том числе на достижение профессио-

нальных целей. Самомотивация основывается на внутренних ценностях, убеждениях и интересах, в отличие от внешней мотивации, исходящей от внешних стимулов.

Отметим, что к основным направлениям профилактики эмоционального выгорания у сотрудников ОВД следует отнести: качественный профотбор; просветительскую деятельность, направленную на сознательное отношение к своему физическому и психологическому здоровью; повышение психоэмоциональной устойчивости к стрессам, мотивационной составляющей; обучение сотрудников навыкам эффективной коммуникации и стратегиям выхода из конфликтных ситуаций; создание благоприятной и конструктивной среды в рабочем коллективе; проведение тренинговых занятий и обучение медитативным техникам.

Таким образом, самомотивация сотрудников ОВД является ключевым и неизменным инструментом в профилактике эмоционального выгорания профессионально-служебной деятельности. Эмоциональное выгорание является серьезной проблемой психологического сопровождения служебной деятельности ОВД, поэтому психопрофилактическая работа должна быть направлена на развитие внутренних ресурсов личности сотрудника ОВД, постановку целей и позитивного мышления на ситуации, возникающие при несении службы. Сотрудникам ОВД необходимо не только ориентироваться на здоровый образ жизни, но и быть физически активными, развиваться личностно и профессионально, уметь снимать стрессовое напряжение и создавать безопасную среду в рабочем пространстве.

Список источников

1. Напалкова Ю. О. Эмоциональная культура сотрудников полиции как одно из условий их психологической безопасности // Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. 2013. № 1.
2. Орёл В. Е. Синдром «психического выгорания» и стилевые особенности поведения и деятельности профессионала // Сибирский психологический журнал. 2006. № 23.
3. Красинская Е. А. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел и ее предупреждение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016 № 3(78).
4. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб., 2006.
5. Суколенко Е. А., Митракова Е. Н. Актуальные аспекты формирования антикоррупционного поведения курсантов и слушателей в об-

разовательном процессе вузов МВД России // Философия права. 2022. № 1(100).

6. *Варданын Ю. В., Воробьева О. М.* Преодоление эмоционального выгорания сотрудников органов внутренних дел как ресурс развития психологической безопасности // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 5.

7. *Митракова Е. Н.* К вопросу оказания психологической помощи в служебном коллективе // Теория и практика психологической работы и профессионального обучения психологов силовых структур : сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф. (г. Москва, 21 ноября 2024 г.). М., 2025.

8. *Белкина Н. А.* Создание личной системы мотивов и самомотивации жизни // Челябинский гуманитарий. 2014. № 3(28).

РАЗДЕЛ IV. ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРАВО

А. И. Третьякова

(г. Омск)

Традиции в современном глобализирующемся обществе

В эпоху стремительных социальных трансформаций, обусловленных глобализационными процессами, современное общество переживает фундаментальную переоценку своих ценностных ориентиров. Динамичное развитие социума приводит к тому, что многие устоявшиеся практики и традиции, которые на протяжении длительного исторического периода составляли неотъемлемую часть культурной жизни отдельных этносов, стран, подвергаются существенной трансформации или даже утрачивают свою актуальность.

Так, на протяжении веков традиции являлись важным механизмом передачи социального опыта от поколения к поколению. Они помогали сохранять, удерживать, консолидировать и аккумулировать прошлый опыт деятельности в социальной памяти. Концентрировали в себе нормативно-ценностные паттерны, формирующие модели одобряемого поведения и обеспечивающие преемственность коллективного опыта. В своих научно-педагогических исследованиях Г. Н. Волков показывает, что традиции организуют связь между поколениями, на них держится духовно-нравственная жизнь социума [1, с. 139]. А. Я. Флиер обращает внимание, что, выполняя регулятивную функцию в организации социальной жизни, традиции могут быть представлены как исторический прообраз системы образования [2, с. 243]. Таким образом, традиции расцениваются исследователями как механизмы сохранения устойчивости, преемственности, связанности социальной общности.

Известный исследователь глобализации Э. Гидденс отмечает, что на протяжении большей части истории традиции определяли жизнь

людей [3, с. 57–61]. Однако автор подчеркивает, что традиции — это не статичные элементы, а динамичные конструкты, подверженные постоянным изменениям. Чистых традиций не существует, они все время изобретаются заново. Тем не менее любому обществу традиции необходимы, они служат его фундаментальной основой, формируя нормы поведения и ценности. Таким образом автор показывает динамичный характер традиций, обращая внимание, что социальная устойчивость имеет сложную природу, которая предполагает гибкость, адаптивность, рост, развитие. Не способный к изменениям социальный субъект или институт не устойчив, не сохраняется, умирает.

Отличительными характеристиками традиций являются их ритуальность и повторяемость. Следуя традициям, человеку нет необходимости задумываться об альтернативных вариантах поведения. Традиции воспринимаются им как нечто естественное и неизменное. Глобализационные процессы привели к значительным изменениям в характере существования традиций. Сами традиции остались, но их форма и содержание претерпели существенные трансформации. Человек стал более свободным в выборе и следовании традициям, а также в отказе от них. В современном мире наблюдается трансформация традиционных практик. Все чаще появляются традиции, привнесенные извне, характерные для «чужой» культурной группы. Другим примером качественного изменения роли традиций в современном мире может служить их праздничный характер. Многие устаревшие традиции приобретают формат праздничных мероприятий, направленных на поддержание и демонстрацию культурного наследия народа.

В концепции Н. М. Мамедовой традиция предстает как особый механизм кристаллизации исторического опыта, где происходит систематизация поведенческих паттернов и нормативных установок, влияющих на мировосприятие и поведенческие модели членов конкретного социума [4, с. 170]. По мнению исследователя, традиции формируются спонтанно, в результате естественного исторического развития, а не являются результатом целенаправленной деятельности. Их становление происходит через укоренение в общественной практике универсальных поведенческих норм, трансформирующихся в устойчивые социальные привычки. Все культурные феномены, независимо от формы их проявления, будь то внешние проявления в виде обрядов и церемоний или внутренние регуляторы в виде норм и правил, несут в себе глубинный смысловой заряд. Традиции выступают каналом, который обеспечивает непрерывность культурного

развития и передачу ценностного наследия от поколения к поколению. Особую значимость традиции приобретают в многонациональных государствах, где они выполняют функцию культурного моста между различными этническими группами. В России такой механизм межкультурного взаимодействия способствует формированию общего социокультурного пространства и укреплению общероссийской идентичности. Традиционное наследие выступает своеобразным фундаментом, на котором строится современная культурная реальность. Периодическое обращение к историческим истокам и их воспроизведение в настоящем создают неразрывную связь времен, делая культурное наследие живым и актуальным элементом современной общественной жизни.

В современном обществе традиции нередко выступают не только как культурное наследие, но и как источник ностальгии. Они пробуждают в людях теплые воспоминания о прошлом, вызывая желание вернуться к давно ушедшим временам. Являясь одновременно экзистенциалом и видом исторической памяти, ностальгия «...маркирует остро значимые в актуальном моменте ценности, важные как для сущностного самоопределения субъекта, так и для гармонизации связи субъекта с бытием» [5, с. 54]. Реконструкция прошлого через призму ностальгии создает уникальную возможность переосмысления потенциала традиций, позволяя сохранить культурную преемственность между поколениями.

В условиях глобализации сохранение традиций становится непростой задачей. Стремление человека к комфорту и скорость современной жизни становятся причиной утраты традиций. В ряде стран, в том числе в России, для сохранения культурного потенциала традиций принимаются решения на государственном уровне, направленные на защиту и развитие национального культурного наследия. Так, в нашей стране организуются различные мероприятия, такие как фестивали, выставки по популяризации культурного наследия. Создаются условия для развития традиционных ремесел и промыслов, это позволяет сохранить навыки и техники, передающиеся из поколения в поколение. В образовательные учебные программы включаются компоненты, способствующие изучению культурного наследия страны. Принимаются законы, защищающие культурные ценности и традиции, а также предусматривающие ответственность за их нарушение. Такая поддержка со стороны государства обусловлена необходимостью формирования и поддержания устойчивой гражданской идентичности, необходимой для стабильного развития страны.

Таким образом, сегодня значение традиций подвергается переосмыслению, об этом свидетельствует научный дискурс, развернувшийся вокруг этого феномена. Традиции оказались на пересечении двух противоречивых тенденций, вызванных глобализационными процессами. С одной стороны, происходит отказ от традиций по причине того, что с течением времени многие традиции утрачивают свою первоначальную практическую значимость. С другой стороны, наблюдаются попытки сохранить, возродить традиции. Последнее вызвано потребностью в сохранении культурной идентичности и поиске устойчивых оснований для развития общества. Результатом становится трансформация исполнения традиций — от осознанного следования к автоматическому воспроизведению, а в некоторых случаях и к полному прекращению их трансляции в социокультурной среде. В условиях глобализации традиции сохраняют свою актуальность до тех пор, пока у общества есть в них необходимость либо пока они получают поддержку со стороны государства.

Список источников

1. Волков Г. Н. Этнопедагогика : учебник. М., 1999.
2. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М., 2000.
3. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М., 2004.
4. Мамедова Н. М. Российская идентичность: социокультурный контекст // Век глобализации. 2025. № 1.
5. Руди А. Ш. Ностальгическое в идентичности // Онтология и аксиология права : тезисы докладов и сообщений Одиннадцатой междунар. науч. конф. (г. Омск, 26–27 октября 2023 г.). Омск, 2023.

А. А. Морозов

(г. Омск)

Ценностные смыслы исторических памятников: историческое свидетельство и место памяти

Современный мир отличается особым отношением к прошлому даже на фоне того значения, которое придавалось изучению истории предшествующими поколениями. Великий русский историк Н. М. Карамзин, открывая свой многотомный исторический труд, говорит о пользе и значении истории как для правителей, так и для простых

людей. Для правителей она является своего рода чертежом, проверенной опытом мудростью, образцом установления порядка. Простого же гражданина она мирит с несовершенством видимого порядка вещей, утешает в государственных бедствиях, располагает его душу к справедливости [1, с. XI]. О значении истории рассуждали и многие другие ученые.

Однако современный мир демонстрирует нечто особое в этом отношении. Французский историк Поль Нора назвал настоящее время эпохой «всемирного торжества памяти» [2]. Он же выделяет многообразные формы проявления изменившегося отношения к прошлому: критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных составляющих исторического процесса; восстановление следов уничтоженного или отнятого прошлого; культ корней и развитие генеалогических изысканий; бурное развитие всяческих мемориальных мероприятий; юридическое сведение счетов с прошлым; рост числа разнообразнейших музеев; повышенная чувствительность к сбору архивов и к открытию доступа к ним; возобновившаяся привязанность к «наследию» [2]. Нужно отметить, что эти явления сегодня имеют относительно массовый характер. Конкретно в российском обществе выражение отношения к прошлому во многом становится формой идентификации, заявлением о собственном ценностном выборе. На широких просторах нашей Родины происходят многочисленные столкновения между группами людей, общественными организациями, личностями. В межличностных отношениях происходит разрыв на почве исторических противоречий вокруг отдельных исторических персонажей (И. Сталин, В. Ленин, М. Горбачев), событий (коллективизация, «большой террор», Великая Отечественная война, распад СССР). В основе этих столкновений чаще всего лежат ценностные разногласия, когда даже консенсус относительно самых исторических фактов не уберегает от их противоположных оценок.

Сама по себе дискуссия, особенно если она ведется на основе правил аргументации и контраргументации, имела бы позитивный характер. Однако такие формы как раз встречаются не часто в отсутствие общих оснований спора. Одной из причин такого положения дел кроется в том, что П. Нора назвал «новой организацией памяти», которая имеет два важных следствия. Первое состоит во все большем использовании прошлого — политическом, туристическом, коммерческом, что ведет к неизбежному узакониванию «множественности возможных смыслов прошлого». Второе следствие выражается в фактическом лишении

историка монополии на историческое знание [2]. Это также означает, что даже безупречно выстроенная система научных знаний о прошлом на основе широкого круга источников и с соблюдением всех логических процедур может быть подвергнута сомнению.

Специфическим выражением указанных тенденций развития исторического сознания выступает борьба за или против памятников. Безусловно, борьба с памятниками в форме их прямого разрушения не является чем-то новым. Она проявлялась как вандализм, имевший разные причины: стремление к наживе, религиозная нетерпимость, утверждение новой идеологии [3, с. 128,129]. Наибольшие масштабы она приобретает в эпохи больших исторических переломов и потрясений, и имеет глубокий ценностный смысл. Показательной можно назвать ситуацию в России после захвата власти большевиками.

Однако современная общественная борьба вокруг памятников приобрела иной смысл и имеет другие формы. Установление или демонтаж памятника стали выражением борьбы за культурно-символическое пространство. Эта борьба возникает в связи с позицией отдельных национальных, религиозных сообществ, социально-профессиональных групп. Ярким ее примером стало выступление Татарской национально-культурной автономии против памятника атаману Ермаку Тимофеевичу в городе Омске в июле-августе 2016 г. Анализ этой ситуации был проведен З. Х. Сергеевой. Она выявила дихотомическое восприятие фигуры Ермака у разных групп сибирского населения. С одной стороны, происходит его героизация, он предстает подвижником, героем, приумножившим русскую землю. С другой стороны, он завоеватель Сибири, колонизатор, уничтоживший значительную часть западно-сибирского татарского населения. В результате проявившихся разногласий возникла мысль о том, что необходимо ставить памятники, которые будут объединять людей, а не создавать между ними напряжение. Тем не менее бюст Ермаку появился в Советском парке города Омска в начале августа 2016 г. [4, с. 59]. На протяжении последних десятилетий в России возникало еще множество подобных ситуаций. Если говорить об Омске, то с 2008 г. это споры вокруг установки памятника А. В. Колчаку. В этом случае памятник не появился, но открылся ресторан «Колчак», у входа в который установлена скульптура Колчака. Причем все это находится совсем недалеко от мемориала Борцам революции. В 2023 г. его облили оранжевой краской, а сбоку приписали красным «палач». Поэтому даже воплощенный культурно-символический объект не является знаком окончания борьбы.

В 2020-е гг. в России вопросы культурной и исторической памяти снова приобрели острый характер. В частности это касается сюжетов о деятелях революции и гражданской войны 1917–1922 гг. Можно даже с определенной долей условности говорить о присутствии в общественном сознании позиции советского реваншизма, который выражается и в протестах против памятников деятелям «белого движения», и в инициативах восстановления советских памятников, а также создания новых лидеров большевиков [5]. Самым громким является сюжет вокруг памятника Ф. Дзержинскому, который был демонтирован на Лубянской площади сразу после провала августовского путча и ликвидации ГКЧП. В отличие от фигуры Ермака, ценностный смысл его вполне определен. Он является идеальным воплощением режима большевиков в период гражданской войны. Это соответствие как раз прямо связано с отмечаемыми качествами бескомпромиссной и беспощадной борьбы против врагов советской власти, включая методы прямого террора, репрессий, заложничества. Поэтому в данном случае спор имеет принципиальный характер и касается ориентации для формирования современных общественных отношений и проводимой государством внутренней политики. Мы видим четкий водораздел, при котором среди основных социальных сторонников возвращения памятника можно назвать прежде всего партию КПРФ, союзы членов различных советских организаций (комсомол, органы госбезопасности), партии ЛДПР и «Справедливая Россия», а также отдельных гражданских и официальных лиц, придерживающихся просоветских взглядов. Среди противников были в основном либеральные силы: партии «Яблоко», «Союз Правых Сил», «Либеральная Россия», общество «Мемориал», а также православная общественность и некоторые другие официальные инстанции и движения [5, с 95]. В 2025 г. со стороны нескольких организаций также возникла инициатива установления памятника Дзержинского в сквере в центре города Омска.

Отдельный сюжет — установка памятников И. В. Сталину. За последние два десятилетия по стране их установлено более ста. Чаще всего обоснование лежит в признании его заслуг в индустриализации страны и победе СССР над нацистской Германией. Но чем дольше идет процесс изучения отечественной истории, тем проблематичнее становится это основание. Вместе с тем роль советского вождя в организации массовых репрессий более однозначна. Огромный корпус исторических источников свидетельствует о его непосредственной роли в организации массовых репрессий и государственного террора, а также в непосредственном его участии в нем.

А сами жертвы политических репрессий 1930–1950 гг. стали местом памяти в том смысле, в каком об этом говорит П. Нора. Памятники жертвам политических репрессий являются его символическим выражением.

Ситуация с памятниками прямо свидетельствует о глубоком общественном разделении, серьезном внутреннем расколе российского общества, требующем очень серьезного отношения и со стороны государства, и со стороны научно-педагогического сообщества.

Список источников

1. Карамзин Н. М. История государства Российского. Книга 1. М., 1988.

2. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html?ysclid=mbi2fn576x592536012> (дата обращения: 12.05.2025).

3. Суворова И. М. Феномен «борьбы» с памятниками культуры: аксиологический аспект // Человек. Культура. Образование. 2017. № 4(26).

4. Сергеева З. Х. Конфликты за культурно-символическое пространство и постколониальное мышление: анализ кейса // Управление устойчивым развитием. 2016. № 4(5).

5. В России призывают сносить памятники врагам советской власти. Как в городах борются с монументами? URL: <https://dzen.ru/a/ZV4whUgXIzmx8JdA?ysclid=mbggc97i8m595801884> 22 ноября 2023 (дата обращения: 12.05.2025).

6. Васильева Н. Символика памятника Ф. Э. Дзержинскому в современном публичном дискурсе // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Т. 6, № 8.

Ю. В. Бондаренко

(г. Уфа)

Право в русской религиозно-философской мысли XIX — начала XX веков

Соприкасаясь с наследием русской политико-правовой мысли XIX — начала XX вв., прежде всего невольно отмечаешь некое единство юридических и религиозно-философских исканий, словно генетически заданных вектором еще в XI в. митрополитом Илларионом, одновременно обозначившим и постановку важнейшего вопроса для русской философии права, — соотношение «закона» и «благодати».

В России, где православная культура с принятием христианства была инкорпорирована во все социально значимые сферы, воздействуя в своей многовекторной направленности на все сферы жизнедеятельности общества, правовая действительность традиционно оценивалась через призму религиозных ценностей. История отечественного права содержит многочисленные примеры того, когда многие христианские установления были интегрированы в российское законодательство и выступали фактическими регуляторами общественных отношений.

Приоритет религиозно-нравственной установки в вопросах постижения бытия, равно как и отдельного его проявления — права — стал определяющим в для Н. А. Бердяева, П. И. Новгородцева, И. А. Ильина, Б. П. Вышеславцева и других выдающихся мыслителей, рассматривавших право в единстве с религиозно-нравственными вопросами. Говоря об этом, В. В. Зеньковский отмечает, что «русская мысль всегда (и навсегда) осталась связанной со своей религиозной стихией, со своей религиозной почвой» [1, с. 12].

Самобытная русская философия права традиционно обращается к исследованию проблемы оснований общественного и в том числе правового порядка через призму христианского мировосприятия в контексте соотношения «закона» и «нравственности», «права» и «справедливости». В попытках постижения природы права как проявления одной из форм всеобщего бытия в трудах отечественных мыслителей доминирующее значение приобрели вопросы определения глубинных оснований взаимодействия права, нравственности и религии на уровне онтологического исследования. Поддерживая рассуждения А. С. Хомякова, «очевидно, что наука о нравственных обязанностях, возводящих силу человека в право, не только находится в прямой зависимости от понятия о всемирной истине, будь оно философское или религиозное, но составляет только часть из общей системы философской или религиозной» [2, с. 14–15].

Общность исканий русских философов и правоведов, заданных единым вектором определения соотношения юридического закона и закона этического, получила весьма разноплановый спектр своего выражения.

В идеях славянофилов возвышение религиозно-нравственного начала отражало явно прослеживающуюся тенденцию развития нигилистических настроений в восприятии права и принижении роли права позитивного для общественного развития. Не выступая против правового порядка вообще, одновременно А. С. Хомяков и И. В. Киреевский

не считали должным признать самостоятельную ценность права, определяя за идеал человеческого общежития понятие «соборности» как органического единства христиан на основе истинной веры — православия, воплотившего идеи единства и свободы неразрывно соединенными в нравственном законе взаимной любви [3, с. 203]. В процессе общественного строительства и развития праву отводится второстепенная роль, оно в представлении русских философов-правоведов само по себе слишком слабо для преобразования жизни.

В противовес славянофилам выдающийся правовед и философ П. И. Новгородцев говорит о недопустимости принижения значимости права для социального бытия, призывая отказаться от идеи построения земного рая и отвергая всякие формы увлечения идеями спасения в ходе истории: «Процесс общественного строительства, развитие права и государства, их стремление к воцерквлению общественной жизни мы не вправе рассматривать с точки зрения земного человеческого совершенства и земной человеческой гармонии. Мы не вправе ожидать, что когда-либо на земле настанет такое совершенство и такая гармония, которые преодолели бы все жизненные противоречия в совершенной общественной форме» [4, с. 373]. Обращаясь к наследию многовековой истории философско-правовой мысли, устремленной на поиски путей построения «идеального общества», П. И. Новгородцев констатирует присущую ей неизбежную дихотомию: стремление и очевидная невозможность построения на земле Царства Божия.

Основатель религиозно-философского направления в русской философии второй половины XIX в. В. С. Соловьев видел в праве объективную опору действительной нравственной организации жизни человечества, преодолевая нигилистические настроения славянофильства в восприятии права и определении роли права позитивного для общественного развития, характеризовавшему почти всю русскую общественную мысль вплоть до середины XIX в. Существование абсолютных начал нравственности как составной части высшего мирового этического порядка рассматривалось им как необходимое условие создания свободной общности людей, где все составляет цель для каждого и каждый для всех. В то же время В. С. Соловьев признавал, что создание идеального человеческого общежития предъявляет высочайшие требования нравственного совершенства для достижения практической цели к тому, кто их признает — любви к врагам, но он не может заставить не признающего его требований воздерживаться хотя бы только от убийств и грабежей [5, с. 451]. Но этого может потребовать от каждого принудительный

закон, создавая необходимое условие нравственного совершенствования, тем самым обосновывая необходимость права для утверждения нравственного начала. В отличие от неограниченных по своей глубине нравственных требований право часто довольствуется низшей, минимальной степенью нравственного состояния, но имея в своем арсенале возможность императивного воздействия, право столь необходимо для общества, выступает как «принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [5, с. 450]. Действительная организация нравственной жизни обусловлена необходимой юридической организацией общества и возможна только на почве права и его воплощения — государства. Объективная реальность есть сфера подзаконная, сфера права и государства. Право определяет те условия общественной жизни, которые оказываются необходимыми для осуществления нравственных идеалов человека, в то время как нравственный закон не только не обладает императивностью требования, но по природе своей предполагает исключительно свободное его исполнение. Любое принуждение здесь нежелательно и невозможно, как невозможно принудительное требование любви. Христианская парадигма возможна только на основе свободы, личностного принятия ее ценностей.

Сама религия, утверждал русский философ И. А. Ильин, как осуществление «Царства Божия» невозможна вне права и его признания. Потребность в религии порождает потребность в духовной свободе, а потому и в правопорядке [6, с. 215]. Подлинная религиозность может отрицать известное правовое содержание или известный способ правовой организации, но не может отрицать само право в его принципе, не впадая в недоразумение. Право есть необходимая форма духовного бытия человека, а религиозное бытие есть бытие духовное. Поэтому вне права не может быть и религии. Право само по себе, особенно естественное право, должно быть признано всяким верующим: «Необходимо раз и навсегда понять и убедиться, что общественная жизнь невозможна вне порядка, т. е. вне устойчивой правовой организации, что разрушить эту организацию легко, а создавать трудно. Тяготение к порядку и организации подсказывается народу чувством самосохранения, ибо можно с уверенностью сказать, что народ, оказавшийся без организованного порядка, или создаст его, или погибнет», — писал философ [6, с. 212].

Развивая нормативно-этическую концепцию права, П. И. Новгородцев основным вопросом философии права считал вопрос о высших и последних основаниях юридических установлений, обосновы-

вая идею естественного права как результат синтеза двух разнородных областей — права и нравственности. При этом российский правовед признавал, что известные нравственные требования в их неизменной форме могут приходить в противоречие с писанным правом с его изменяющимся содержанием в эмпирической плоскости. Однако конечное торжество заключено в высшем единстве и гармонии нравственных и правовых начал.

Следует согласиться с тем, что правовые нормы не бывают бесспорными ни в момент их установления, ни в момент их реализации. Очевидно, что сама постановка вопроса о соотношении нравственных и правовых начал неизбежно подразумевает попытку определения их иерархического положения относительно друг друга. И ответ на данный вопрос для исследователя будет находиться прежде всего в плоскости той или иной концепции правопонимания.

Список источников

1. Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001.
2. Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Полное собрание сочинений : изд. 3-е, доп. В 8 т. М., 1900. Т. I.
3. Хомяков А. С. О старом и новом : статьи и очерки. М., 1988.
4. Новгородцев П. И. Сочинения. Серия: Библиотека духовного возрождения : в 20 т. М., 1995. Т. 2.
5. Соловьев В. С. Оправдание добра / вступ. ст. А. Н. Голубева, Л. В. Коноваловой; примеч. А. Н. Голубева и др. М., 1996.
6. Ильин И. А. О сущности правосознания / сост. и авт. вступ. ст. И. Смирнов. М., 1993.

О. В. Зуева

(г. Москва)

Исторические этапы формирования доверия граждан к полиции в России: от реформ Петра I до современных преобразований

Доверие — это сложный социально-психологический феномен, отражающий уверенность граждан в справедливости, компетентности и добросовестности государственных институтов. В контексте правоохранительных органов доверие к полиции означает веру населения

в то, что она действует в интересах общества, защищает закон и права граждан. Современные исследования в области социологии права выделяют четыре ключевых фактора формирования доверия к полиции: легитимность, подразумевающую восприятие правоохранительных органов как законного и авторитетного института [1, р. 290]; эффективность, выражающуюся в способности обеспечивать безопасность и раскрывать преступления [2, р. 60]; честность и прозрачность, характеризующие отсутствие коррупции и злоупотреблений властью [3, р. 7]; взаимодействие с обществом, проявляющееся в готовности учитывать мнения граждан и действовать в их интересах [4, р. 3]. Эти взаимосвязанные компоненты образуют комплексную систему, определяющую уровень общественного доверия к правоохранительным органам.

Актуальность изучения проблемы доверия российских граждан к институту полиции определяется несколькими ключевыми аспектами. Во-первых, уровень доверия граждан к полиции напрямую влияет на состояние общественной безопасности. В обществах, где наблюдается высокий уровень доверия к правоохранительным органам, жители чаще стремятся сотрудничать с ними и сообщать о правонарушениях, что способствует предупреждению преступности и повышению эффективности полицейской деятельности.

Во-вторых, за последние десятилетия в России произошли значительные изменения политической структуры и социокультурных условий. Постоянные социально-экономические реформы, нестабильность и негативные события, происходящие в обществе, становятся барометром ухудшающегося доверия к институтам власти, включая полицию. В связи с этим изучение проблемы доверия становится актуальным для понимания, какие факторы способствуют его формированию или разрушению, как полиция может адаптироваться к новым вызовам [5, с. 23].

В-третьих, полиция является ключевым элементом правового государства, обеспечивая соблюдение закона и защиту прав граждан. Доверие к полиции является неотъемлемой частью легитимности ее действий и, в более широком смысле, легитимности самой власти. В условиях правового государства взаимоотношения между гражданами и полицией должны основываться на принципах уважения, открытости и подотчетности, что предполагает необходимость системного анализа доверия как феномена, рассматриваемого в контексте правосознания и социальной ответственности.

Исторический анализ доверия к полиции представляет особую ценность для понимания современных правоохранительных реалий. Такой

подход позволяет выявить устойчивые закономерности, демонстрируя как трансформации политического режима и социальных условий влияли на восприятие полиции обществом. Сравнительный анализ различных исторических периодов дает возможность оценить результативность проводимых реформ, выделяя меры, способствовавшие росту доверия, и решения, приводившие к его подрыву. Особое значение имеет изучение негативного опыта прошлого, включая периоды массовых репрессий и системной коррупции, что позволяет избежать повторения подобных ошибок в ходе современных преобразований. Российская полиция, пройдя сложный путь от петровских времен до наших дней, демонстрирует изменчивую динамику общественного доверия, что делает историческую ретроспективу особенно актуальной для выработки эффективной правоохранительной политики.

Выделяют несколько важных исторических периодов в формировании доверия граждан к полиции. В первый, имперский период (XVIII — начало XX в.), российская полиция прошла сложный путь становления, сопровождавшийся перманентным кризисом доверия со стороны населения. Институциональное оформление регулярной полиции произошло при Петре I в 1718 г. Полиция выполняла широкий круг обязанностей — от охраны общественного порядка и санитарного надзора до контроля за строительством и торговлей. Отношение общества к полиции было неоднозначным. С одной стороны, она воспринималась как необходимый элемент городской жизни, особенно в условиях европеизации, проводимой Петром I. С другой стороны, ее репрессивные функции и зависимость от государственного принуждения вызывали страх и недоверие. Например, полиция могла применять телесные наказания и отправлять «праздношатающихся» на каторгу, что подрывало ее авторитет. Власть сама признавала, что «служащие полиции не безупречны морально» [6, с. 18]. Екатерина II, систематизировав полицейскую структуру, не смогла преодолеть восприятие полиции как инструмента подавления. XIX в. ознаменовался углублением кризиса. Либеральные реформы Александра II привели к усилению ассоциации полиции с политическими преследованиями и подавлением инакомыслия. Этот исторический период наглядно демонстрирует, как отсутствие подлинной ориентированности на нужды населения превращало полицию в глазах общества скорее в карательный, чем в защитный институт.

Советская милиция (1917–1991 гг.) прошла сложную трансформацию общественного восприятия на протяжении семи десятилетий. В первые годы после революции 1917 г. новый правоохранительный

орган позиционировался как «народная милиция», однако массовые репрессии 1930-х гг. радикально изменили этот образ, превратив милицию в глазах граждан в часть репрессивного аппарата. В брежневскую эпоху, несмотря на формально высокий статус правоохранительных органов в общественной иерархии, распространение коррупции и практики «телефонного права» существенно подорвали доверие к милиции. Особенно глубокий кризис наступил в период перестройки, когда стремительный рост преступности на фоне неспособности милиции обеспечить элементарный правопорядок привел к почти полной утрате доверия населения. Этот период наглядно продемонстрировал, как политизация правоохранительной системы и ее отрыв от реальных потребностей общества неизбежно ведут к утрате легитимности.

Правоохранительная система России в постсоветский период (1991–2010 гг.) пережила серьезную трансформацию общественного восприятия. В бурные 1990-е гг. милиция ассоциировалась у граждан с беспомощностью перед лицом разгула преступности и погрязшей в коррупции системой. В 2000-е годы, несмотря на частичное восстановление управляемости и контроля, уровень доверия к правоохранительным органам оставался крайне низким. По данным социологических опросов, лишь около 25% россиян доверяли милиции. Существенным шагом к изменению ситуации стала реформа 2011 г., включавшая переименование милиции в полицию, сокращение штатов на 20% и ужесточение требований к сотрудникам. Эти меры принесли определенные положительные результаты: по информации ВЦИОМ, к 2014 г. уровень доверия вырос до 42%. Однако сохраняющиеся проблемы, включая периодические громкие случаи злоупотреблений, продолжали подрывать авторитет полиции в глазах общества, демонстрируя необходимость дальнейших системных преобразований.

В современный период (2020-е гг.) российская полиция демонстрирует противоречивые тенденции в формировании общественного доверия. Активная цифровизация правоохранительной деятельности, включая внедрение онлайн-сервисов для подачи заявлений и обращений граждан, способствует повышению доступности и прозрачности работы органов внутренних дел. Согласно данным социологических исследований, это привело к определенному росту доверия населения: по последним замерам ВЦИОМ около 52% россиян положительно оценивают деятельность полиции [7]. Однако сохраняются системные проблемы, существенно ограничивающие потенциал доверия: коррупционные скандалы, избирательность в применении закона продолжа-

ют негативно влиять на имидж правоохранительных органов. Особую озабоченность экспертов вызывает сохраняющийся разрыв между формальными показателями работы полиции и реальным уровнем безопасности граждан, что требует дальнейшей модернизации как технической базы, так и кадровой политики ведомства.

Современные тенденции, в том числе цифровизация и усиление взаимодействия с обществом, создают новые возможности для укрепления авторитета полиции. Однако исторический контекст напоминает, что любые преобразования должны учитывать как негативные уроки прошлого, так и положительный опыт, доказавший свою результативность. Только комплексный подход, сочетающий институциональные реформы с развитием правовой культуры, позволит обеспечить устойчивое доверие граждан к правоохранительным органам.

Таким образом, культурно-историческая ретроспектива не просто расширяет научное понимание проблемы доверия к полиции, но и служит важным ориентиром для дальнейшего совершенствования ее деятельности. Учет исторического опыта, как позитивного, так и негативного, необходим для выстраивания эффективной правоохранительной системы, способной отвечать вызовам современности.

Список источников

1. *Tyler T. R. Procedural Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law // Crime and Justice. 2003. Vol. 30.*
2. *Jackson J., Bradford B. Police Legitimacy and Procedural Justice: A Systematic Review of the Research Evidence // Policing: A Journal of Policy and Practice. 2019. Vol. 13. № 1.*
3. *Rothstein B. and Stolle D. Introduction: Social capital in Scandinavia, Scandinavian Political Studies. 2003. № 26.*
4. *Skogan W. G. Police and Community in Chicago. Oxford University Press. 2009.*
5. *Зуева О. В. Полиция и общество: проблема доверия. М., 2025.*
6. *Борисов А. В. Полиция и милиция России в общественном мнении (начало XVIII в. — октябрь 1917 г.): историко-социологическое исследование : монография. М., 2010.*
7. *Доверие полиции: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-policii-monitoring> (дата обращения: 04.02.2025).*

Народное представительство в дореволюционной России

История формирования и развития государственности у восточных славян связана с развитием соседской общины и постепенным созданием надплеменных институтов управления, а также возникновением древнерусского государства. Активный процесс развития государственных институтов начинается с приглашения на княжение представителей варяжского рода Рюриковичей в IX в. Киевская Русь в IX–XIII вв. представляла собой одно из наиболее развитых европейских государств. Древнерусское государство было полисубъектным, субъектами политического процесса выступали различные социальные группы и институты. Система управления обществом была представлена полисубъектным четырехугольником: князь — вече — боярство — церковь [1, с. 37–49].

Важное место в полисубъектном политическом процессе занимало вече — одна из исторических форм прямой демократии на территории Древнерусского государства. Вече — это народное собрание для обсуждения общественных проблем в княжестве и определения средств и методов их решения. Вече возникло из опыта племенных собраний славян, первое упоминание о нем как об институте городского самоуправления относится к 997 г. в Белгороде и содержится в летописи «Повесть временных лет» [2, с. 23].

В мировой истории многие народы, находящиеся на данной стадии своего развития, в различных формах реализовывали подобные институты власти. Так, в Древней Греции экклесии — народные собрания — выступали как высший орган государственной власти. В Англии уже в VII в. возник витенагемот — народное собрание, представляющее интересы англосаксонской знати. Этот институт на протяжении четырехсот лет вместе с королем принимал важнейшие решения по развитию общества и государства [3]. Поэтому можно согласиться с Ю. С. Пивоваровым и А. И. Фурсовым, которые утверждают, что вся властная пирамида Древнерусского государства и правящий класс повторяли процессы, происходившие в тот исторический период и на территории Западной Европы [1, с. 39].

На разных территориях Киевской Руси вече как орган общественного самоуправления проявляло различное влияние на решения институтов государства. На юге и юго-западе в Галицко-Волинских землях

возникает аристократическая республика с сильной боярской властью. На северо-востоке в Ростово-Суздальских, Рязанских землях начинает доминировать княжеская власть. В этих регионах вече играло второстепенную роль при принятии решений по вопросам развития государства и общества. И только на северо-западе (Новгородская, Псковская, Полоцкая, Смоленская земли) вече начинает доминировать во властной структуре Древнерусского государства [4].

Почему именно на северо-западе Древнерусского государства доминирующую роль начинает играть вече? По нашему мнению, это связано с разным типом хозяйствования. На юге, юго-западе и северо-востоке распространено земледелие, основную прибыль собственники получали от земельной ренты, в то время как на севере и северо-востоке преобладала торговля и рынок, поэтому основную прибыль собственник получал в форме капитала. Отличие капитала от ренты заключается в том, что рента является доходом, получаемым владельцем имущества или земли, а капитал показывает степень эффективности работы собственника за отчетный период. Капитал требует реализации основных условий своего существования, таких как частная собственность, рынок, закон. Закон является необходимым условием, обеспечивающим гарантии собственника в сохранении своего капитала. Это приводит к необходимости контроля со стороны собственника над деятельностью всех ветвей власти. Важным элементом в структуре власти выступают выборные органы, представители которых отвечают за принятые решения перед своими избирателями. В таких обществах выборные органы власти начинают играть если не ведущую, то очень важную роль. Северо-восточные земли Древнерусского государства, обеспечивая удовлетворение основных субъектов экономической деятельности, объективно пришли к форме управления, где доминировало вече — орган власти, избирающий представителей, отвечающих за создание условий развития экономики и обеспечения безопасности. Некоторые исследователи считают, что в Новгороде вече как представительный орган народа имело законодательные функции. «Вече было единственным и неограниченным носителем законодательной власти, оно руководило финансами, объявляло войну и заключало мир, утверждало договоры с иностранцами, вело суд по политическим и должностным преступлениям» [5, с. 5].

Однако естественно-исторический путь развития Древнерусского государства был нарушен татаро-монгольским нашествием в XIII в. Северо-восточные земли Киевской Руси были завоеваны и оказались под контролем государства Золотая Орда, которое продолжало вос-

точные традиции единоличной власти хана с ограничением институтов гражданского общества. В течение более двухсот лет правящий класс северо-восточных земель Древнерусского государства перенимал опыт управления государством и обществом с сильной вертикальной властью хана, что приводило к постепенному забвению традиций вечевого управления. В результате власть Великого князя Московского на этих землях приобрела доминирующее значение. Москва, став лидером процесса объединения русских земель, начала навязывать свою управленческую модель, основанную на сильной власти князя, всем территориям под своим контролем. Формировалась новая система экономического, социально-политического и духовного управления русскими землями, которая впоследствии вылилась в русское самодержавие. Ю. С. Пивоваров и А. И. Фурсов пишут: «Здесь появилась самодержавная власть, единая и неделимая, качественно однородная и, по сути, единственная. Причем единственная не только как власть, но и как субъект (моносубъект)» [1, с. 137]. Вопрос формирования договорного государства на этих основаниях в русском обществе не может быть решен. Здесь появляются институты общества, выполняющие не законодательные, а совещательные функции. Таким образом, если в Киевской Руси еще существовали предпосылки превращения веча из совещательного органа власти в законодательный, как в Новгороде, то в Московском государстве такие возможности отсутствовали по определению. Последующая история Русского государства связана с наличием при власти совещательных органов и отсутствием представительных.

Заметное место в истории Русского государства как органа управления государственными и общественными делами занимает Боярская дума. На протяжении XIV–XVII вв. она активно участвовала в решении вопросов, необходимых для развития русского общества. По социальному составу она представляла собой узкую корпорацию из представителей правящего класса. В сфере полномочий Боярская дума выполняла преимущественно совещательные функции при государе. В. А. Шеховцов пишет, что в большинстве случаев Боярская дума была учреждением не самостоятельным, а вспомогательным и имеющим определенные совещательные функции при государе» [6, с. 900].

В середине XVI — конце XVII вв. формой самоуправления являлся Земской собор — центральное сословно-представительное учреждение России. Земские соборы созывались царем, а в его отсутствие — митрополитом (позже патриархом) и Боярской думой. Б. Н. Чичерин отмечает, что «характер Земских соборов оставался чисто совещательным: они со-

зывались правительством при необходимости получить совет по определенному делу. Прекращение их существования не было связано сословной борьбой или опасением монархов, а произошло из-за внутреннего ничтожества» [7, с. 536, 560].

Масштабные реформы государственной власти предлагал провести М. М. Сперанский. В 1809 г. по поручению императора Александра I он подготовил проект государственных преобразований в России «Введение к уложению государственных законов». Из предложенных М. М. Сперанским реформ были одобрены и реализованы лишь те, которые касались создания Государственного совета и завершения министерской реформы. В 1810 г. был создан высший законосовещательный орган — Государственный совет.

Глубокие реформы, проведенные в Российской империи во второй половине XIX в. императором Александром II, охватили многие стороны жизни государства и общества. Отмена крепостного права, земская, военная, образовательная реформы радикально изменили основы русской жизни. К началу XX в. сформировались экономические классы — буржуазия и пролетариат. Это были уже не прежние сословия, чье бытие определялось лояльностью к власти, а субъекты экономической деятельности, существование которых определяется их успехами или неудачами на рынке. Начинают возникать политические партии, защищающие интересы определенных социальных групп и классов в обществе. К концу века в России сложились как объективные, так и субъективные предпосылки для проведения глубоких политических реформ, основной целью которых было создание представительного органа власти. Буржуазно-демократическая революция в России 1905–1907 гг. решила эту задачу. Высочайший Манифест об утверждении Государственной Думы от 6 августа 1905 г. предлагал создание в структуре власти выборной Государственной Думы. Это был первый выборный законодательный орган власти в истории Российского государства. Устанавливалось, что ни один закон не может вступить в силу без одобрения Думы. Российская империя медленно, но верно шла по пути формирования правового государства с предоставлением широких прав своим гражданам. Успехи не замедлили сказаться: к 1914 г. российское общество динамично развивалось, а по некоторым показателям в экономике начинало выходить на передовые позиции в мире.

Однако Первая мировая война и революция 1917 г. остановили этот процесс. Приход к власти партии большевиков и строительство социалистического государства в России опрокинули все демократические за-

воевания русского общества. Советское социалистическое государство строило новую политическую систему, в которой вся власть принадлежала одной партии, защищавшей интересы только рабочего класса и трудового крестьянства.

Список источников

1. Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4.
2. Байнова М. С. История государственного управления в России : учеб. пособие. М., 2005.
3. Бондаренко Ф. История вече. Русский демократический институт Средневековья. URL: <https://vk.com/@empireorder-istoriya-veche-russkii-demokraticeskii-institut-srednevekov> (дата обращения: 15.04.2025).
4. Вече как демократическое начало в Киевской Руси. URL: https://revolution.allbest.ru/law/00888323_0.html (дата обращения: 15.04.2025).
5. Халявин Н. В. Новгородские вечевые собрания в историографии новейшего времени // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 7.
6. Шеховцов В. А. Зарождение отечественного парламента: первые шаги // Lex Russica. 2013. № 8.
7. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899.

Я. П. Гененко

(г. Омск)

Гражданское общество в исследованиях С. Л. Франка

В современной гуманитарной науке тема гражданского общества до сих пор остается дискуссионной. В связи с этим представляется важным обратиться к исследованию гражданского общества на предыдущем этапе, в частности к воззрениям дореволюционного философа и юриста Семена Людвиговича Франка, рассматривавшего гражданское общество как философскую категорию.

По С. Л. Франку, гражданское общество — это «система свободного взаимодействия и соглашения частных волей», соборное объединение независимых и сотрудничающих друг с другом людей. Представление о высшей абсолютной правде (воле Бога) связано с идеей служения Богу. Подлинная жизнь человека, по его мнению, состоит не в утверждении собственной воли, а в исполнении воли Божьей, проводником которой он является [1, с. 487].

Человек имеет двойственную сущность: внутреннее строение — духовное — общественный идеал и телесное — общественная жизнь. Духовное (общественный идеал) в человеке также имеет двойственность, выраженную в спонтанности и планомерности, которая во вне общественной жизни также проявляется в виде двойственности форм воплощения общественной жизни — гражданском обществе и государстве. Гражданское общество и государство также имеют свои формы организации (государство — политические режимы, формы правления и т. д., гражданское общество — различные формы организации гражданского общества).

Общественный идеал не является абсолютным, он относителен, что объясняется греховной сущностью человека. В основе общественного идеала находятся относительные универсальные и вечные принципы (начала): триединство служения, солидарности и свободы, иерархизма и равенства, наполняемые С. Л. Франком особым, непривычным для его времени содержанием. Так, служение ученый рассматривает как служение высшей правде, воле Бога, солидарность предполагает уважение человека к человеку и понимание связанности их жизней, свобода рассматривается не как первичное и прирожденное право, а как первичная обязанность, иерархизм предполагает различие способностей человека, равенство понимается как равенство всех людей перед Богом в смысле служения абсолютной правде [1, с. 483].

Принципы (начала) и конкретные исторические условия и свойства конкретной общественной жизни помогают понять, каким образом должна быть организована конкретная общественная жизнь, воплощенная в формах — гражданском обществе и государстве (в частности, каким должен быть политический режим, форма правления и т. д.), чтобы максимально приблизиться к абсолютной правде посредством достижения относительного общественного идеала.

С. Л. Франк указывает на критерии хорошего устройства общественной жизни, воплощенной в формах, — гражданском обществе и государстве: с одной стороны, такое устройство должно соответствовать сущностно-нравственному сознанию членов конкретного общества, с другой стороны, содействовать творческому развитию членов общества. Так, форма правления обеспечивает наилучшее при данных условиях управление и наиболее осуществимое при данном состоянии общества равновесие между государственным контролем и общественной самостоятельностью; экономическая политика содействует наибольшей производительности труда; социальные отношения обе-

спечивают наибольшую социальную справедливость; хороши только те меры и идеалы в отдельных сферах общественной жизни, которые приспособлены друг к другу и совместно дают общественный строй, наиболее обеспечивающий общее здоровье и творческое развитие общества как целого.

Сравнивая гражданское общество и государство, ученый отмечает, что «гражданское общество и государство представляют взаимно не пересекающиеся формы организации общественной жизни, две противоположные, но не противостоящие структуры» [1, с. 477].

«Государственная власть необходимо ограничена наличием самого гражданского общества и его неустраимостью; деятельность ее никогда не должна переходить пределы, в которых она совместима с самим гражданским обществом и нарушение которых угрожает самому бытию последнего» [1, с. 480].

По мнению ученого, государство и гражданское общество взаимодополняющие формы организации общественной жизни, предполагающие друг друга. «Государственность также немыслима без своей естественной основы — гражданского общества с его самопроизвольно свивающейся тканью — как последнее немыслимо без оформляющего его планомерного единства государственности» [1, с. 481].

Гражданское общество и государство С. Л. Франк соотносит как равнозначные формы общественной жизни. Примат государства, считает он, ведет к деспотизму, примат гражданского общества над государством — к анархии, в конечном счете, ведет к разрушению общества как целостного единства [1, с. 488].

Рассматривая различия гражданского общества и государства, С. Л. Франк указывает, что в отличие от государства, юридической формой гражданского общества является общественный договор, добровольное соглашение членов общества. Государство рассматривается в качестве организующего начала [1, с. 481–482]. Рассмотрение общественного договора применительно к государству, как это делают приверженцы «договорной» теории, по мнению С. Л. Франка, неверно.

Ученый отмечает, что начала спонтанности и планомерности гражданского общества и государства отражены в праве и объединены им.

Сущностью права, с его точки зрения, является осуществление должного, абсолютной правды в общественной жизни [1, с. 488]. Субъективные права, считает философ, — защищенная сфера интересов и деятельности человека, в том числе члена гражданского общества [1, с. 486].

Право, в понимании С. Л. Франка, выступает формой гражданского общества, соединяющей начала спонтанности и планомерности гражданского общества и государства промежуточным звеном между гражданским обществом и государством [1, с. 486–487].

Право, полагает С. Л. Франк, не является только лишь ничем не ограниченным велением государства, так же как не является только свободным взаимодействием волей отдельных участников общества [1, с. 488]. Право возникает из реальных, независимых от государства, спонтанно слагающихся отношений. Норма права, принятая государственными органами, только фиксирует эти реально сложившиеся отношения [1, с. 486].

В гражданском обществе отношения регулируют нормы гражданского права. В качестве элементов гражданского общества ученый указывает субъектов гражданского права [1, с. 486–488]. Нормы публичного права регулируют отношения в государственной сфере, будучи ограждением свободы личности, также способствуют развитию свободной личности, так как обеспечивают право на соучастие в государственной (публичной) жизни, планомерному строительству спонтанного общества. Из этого следует невозможность абсолютного разделения публичного и частного права как форм отражения государства и гражданского общества [1, с. 488].

«Как все гражданские права и отношения должны иметь государственный смысл и государственное оправдание, вкладываться в высшие общие цели планомерного общественного строительства, так, с другой стороны, и планомерная государственная организация общества должна не деспотически властвовать над ним, подавляя и угнетая свободную активность его членов, а строиться на основе обеспеченной правом системы частных сфер влияний» [1, с. 488].

При рассмотрении права гражданского общества С. Л. Франк особое внимание уделяет праву собственности как условию существования гражданского общества. Право частной собственности, являясь условием осуществления начал свободы, фундамент гражданского общества, выступает необходимой и неустранимой основой общественной жизни [1, с. 484].

При этом ученый отмечает, что право собственности, как всякое иное право, не есть абсолютное право личности. Как всякое субъективное право право собственности имеет лишь функциональное, служебное значение, это форма, в которой осуществляется сотрудничество в служении [1, с. 483].

По мнению С. Л. Франка, осуждение частной (личной) собственности как проявления эгоизма и корысти несостоятельны, так как сущность человека духовно-телесная, а не только духовная. Телесное является продолжением духовного в человеке, достижение духовности должно идти не по пути отрицания телесности, а по пути постепенного подчинения ее духовному началу [1, с. 484].

Таким образом, С. Л. Франк считает гражданское общество одной из форм общественной жизни, воплощающей начала спонтанности, иррациональности общественного идеала (духовной жизни) вовне, возникающей в результате стихийного взаимодействия между людьми и их объединениями; необходимой формой общественного сотрудничества, формой служения, осуществления объективной правды через вольное взаимодействие членов целого в целях осуществления самой жизни во всей всеобъемлющей полноте, глубине, гармонии, свободе ее божественной первоосновы, которую составляет бесконечное стремление к абсолютной правде; формой организации жизни людей в свободной сфере, отношения между субъектами в которой урегулированы гражданским (частным) правом.

Список источников

1. Франк С. Л. Духовные основы общества // Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. Б. Роцинский. М., 2010.

А. Ю. Тумин

(г. Москва)

Служение Отечеству как категория философского анализа

Служение Отечеству как категория философского анализа привлекает внимание исследователей и общественных деятелей на протяжении многих веков. Понятие «отечество» пронизывает все сферы жизни — от политической и социальной до культурной и духовной. Служение Отечеству подразумевает не только выполнение гражданских обязанностей, но и глубинное понимание своей роли в развитии общества и государства. Эта тема обостряется в условиях современных вызовов, таких как глобализация и утрата национальных идентичностей. Понимание служения Отечеству имеет решающее значение для формирования гражданского сознания и активного участия граждан в жизни общества.

Основой Отечества выступает концепция Родины как объективной духовной сущности, которая служит предпосылкой для формирования и развития личности, социальной группы и их взаимодействия. Согласно этой мысли Родина является тем естественным и этническим фундаментом, служащим конкретно-историческим контекстом для жизни нации. Она создает пространство, в котором развиваются традиции, культурные значения и общественные устои, формируя уровень идентичности и связи между людьми.

Отечество вырастает из Родины, как из своего «корня»; оно является своеобразной надстройкой над ней и олицетворяет величественное здание цивилизации [1, с. 90–91].

Таким образом, Родина представляет собой не только географическое понятие, но и глубокую духовную и культурную платформу. Она наполнена смыслом и ценностями, благодаря которым каждый индивид находит свое место в обществе, осознавая свои корни и историю. Это позволяет людям не просто существовать в рамках общества, но и активно участвовать в его развитии, укрепляя связи, основанные на взаимопонимании и уважении к культурному наследию.

Отечество можно интерпретировать как глубоко укоренившуюся духовную ценность, что подчеркивается в работах русских философов. И. А. Ильин пишет, что Отечество — это не просто территория или государство, а прежде всего духовное и культурное наследие, которое формирует идентичность народа. Эта концепция акцентирует внимание на том, что Отечество не является лишь географическим понятием, а представляет собой сложный и многогранный феномен, включающий культурные, исторические и духовные аспекты жизни общества [2, с. 320].

С этим согласуется и позиция члена-корреспондента Российской академии наук Ю. А. Жданова, понимающего под Отечеством особую цивилизацию, которая постоянно эволюционирует [3, с. 45]. Отечество является продуктом социальной деятельности.

Такая точка зрения позволяет рассматривать Отечество через призму коллективного сознания, где каждый индивидуум вносит свой вклад в общую духовную ткань нации. В этом контексте служение Отечеству приобретает не только политическую или социальную природу, но и глубокое личное значение, поскольку оно подразумевает ответственный подход к сохранению и развитию уникальных традиций и ценностей, формирующих лицо и сущность народа.

Исторически служение Отечеству выступает важным элементом формирования национального самосознания. Разные эпохи по-своему интер-

претировали это понятие. Например, во времена Древней Руси служение проявлялось через военную доблесть и защиту родной земли. В это время действия каждого человека были продиктованы пониманием своей ответственности перед общиной. В XVI – XVIII вв., когда Российская империя начала активно развиваться, концепция служения Отечеству включала в себя преданность государственным интересам, служение царю и обществу.

Сложно назвать государство Отечеством, если оно воспринимается как жесткий механизм, который применяет насилие по отношению к личности или социальной группе. В таких условиях человек становится жертвой обстоятельств, когда его интересы и права оказываются на последнем месте. В философских учениях часто отмечается, что индивидум, который испытывает эксплуатацию и вынужден следовать установленным нормам, теряет свою связь с концепцией Отечества. Это подчеркивает важность уважения прав и свобод личности в любом обществе, стремящемся к гармоничному сосуществованию.

С этой точки зрения Отечество выступает не просто как административная единица, а как пространство, где осуществляется защита интересов и прав граждан. Оно формируется на основе взаимопонимания, уважения к личной свободе и возможностям для самовыражения. Таким образом, настоящая связь между человеком и Отечеством проявляется в атмосфере, способствующей развитию индивидуальной свободы и социальной ответственности, где личность активно участвует в жизни общества, а не пассивно принимает назначенные ей роли.

Служение Отечеству также является важным аспектом русской православной традиции. Православие акцентирует внимание на высоких моральных ценностях и служении людям, что соотносится с понятием патриотизма.

На сегодняшний день служение своей стране и Родине приобрело новый вектор. Ученые выделяют важность сочетания старинных ценностей с современными требованиями. Глобализация стирает культурные границы, именно поэтому осознание своей национальной идентичности, а также приверженность к служению своему народу становятся особенно значительными.

Служение Отечеству стало основой воспитания и образования. В современных учебниках истории выделяется не только значение государственной службы, но и участие граждан в общественной жизни. Это позволяет говорить о необходимости новой парадигмы патриотического воспитания, сочетающего традиционные представления о служении с актуальными социальными и культурными вызовами.

Служение Отечеству невозможно без осознания личной ответственности. Каждый гражданин должен понимать, что его действия и выбор имеют значение для общества. Это требует от каждого высоких моральных стандартов и ответственности за свои поступки. Поддержка государства и готовность служить своим интересам — это не только долг, но и возможность внести изменения в жизнь общества.

Таким образом, традиции с изменением культуры приобретают новые черты, созвучные существующей действительности. Они удерживают все положительное в культуре и передают его последующим поколениям. Вследствие этого способность сохранения традиций, привязанность к традиционному образу жизни, любовь к истории и культуре своего Отечества становятся элементами воспитания патриотизма. Для патриота поддержание социальных, культурных и исторических традиций должно стать константой бытия. «Традиция — это проявление универсалий бытия, фундамент и субстанция культуры, универсальная ценность» [4, с. 71].

Формирование духовных ценностей играет ключевую роль в воспитании граждан. В рамках православной традиции особенно заостряется внимание на таких принципах, как доброта, любовь и справедливость, которые становятся основой для служения своему народу. Эти элементы не только способствуют укреплению моральных устоев, но и помогают сохранить культурные и духовные традиции общества.

Сохранение и возрождение духовных ценностей — это основная часть служения Отечеству. Само служение связано с внутренней гармонией, пониманием ценностей, которые формируют единство народа. Поэтому важно интегрировать духовные ценности в образовательные программы, чтобы будущие поколения осознавали свое служение как важный элемент гражданского сознания.

В современных условиях, когда молодые люди сталкиваются с испытаниями со стороны глобализации, необходимо создавать условия, при которых они смогут понимать и чувствовать свою ответственность перед обществом. Патриотическое воспитание должно складываться не только из теоретических знаний, но и практического участия в жизни общества через волонтерство, в государственных проектах и социальных инициативах.

Служение Отечеству должно становиться чем-то естественным для каждого гражданина. Важно развивать навыки критического мышления и уважения к своей истории и культуре, чтобы формировать осознанное отношение к служению и ответственности перед народом и государством.

Служение Отечеству как категория философского анализа охватывает множество аспектов, включая исторические корни, современные трактовки и личную ответственность. Она представляет собой сложное и многогранное явление, которое требует глубокого осмысления философами и общественными деятелями.

Важно понимать, что служение Отечеству — это не только вопрос преданности своей стране, но и внутренний выбор каждого гражданина. Оно связано с духовными и нравственными ценностями, которые должны быть интегрированы в культурное и образовательное пространство. В условиях современного мира служение Отечеству должно стать основой формирования активной гражданской позиции, способствующей устойчивому развитию общества и государства.

Таким образом, служение Отечеству — это путь к гармонии, благосостоянию и единству народа, который требует от нас не только осознания своих прав, но и понимания и выполнения своих обязанностей. Патриотизм обретает свое истинное значение в служении, основанном на любви к Родине и заботе о ее будущем.

Список источников

1. *Иванова С. Ю.* Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России. Ставрополь, 2003.
2. *Ильин И. А.* Родина и мы : сб. / сост., отв. ред. и авт. вступ. ст. Ю. Т. Лисица. Смоленск, 1995.
3. *Жданов Ю. А.* Чувство Родины // Общество и право. 2004. № 4(6).
4. *Разбегаева Л. П.* Ценностные основания гуманитарного образования. Волгоград, 2001.

Ю. А. Сосункевич

(г. Омск)

Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне и об участии в ней войск НКВД

«Война против правды истории нацелена на разрушение духовного фундамента нашей жизни. Ее ведут не против прошлого, а против настоящего и будущего России» [1, с. 14].

Одним из немаловажных элементов информационной войны, развернутой коллективным Западом против СССР, а в последующем Рос-

сийской Федерации, является оценка деятельности органов НКВД в годы Великой Отечественной войны и в первое десятилетие после нее как карательной, направленной на подавление «борьбы за свободу». Особенно актуальна эта тема сейчас в связи с политикой консолидации общества на националистической почве и прямой героизацией националистических вооруженных формирований на Украине и в Прибалтике. Путем прямого искажения исторической действительности, фальсификации фактов достигается цель идеологического обоснования «исторического» противостояния с Россией и «выбора европейского пути развития». При этом официальная историография названных стран, а также отдельные западные исследователи замалчивают факты геноцида и военных преступлений, творимых националистами и коллаборационистами всех мастей, активного сотрудничества с гитлеровской Германией.

К сожалению, и в самой современной России благодаря некоторым деятелям литературы и искусства сложилось в целом негативное представление об участии войск НКВД в Великой Отечественной войне. В публикациях и киноподелках про войну солдаты и офицеры внутренних войск представлены как охранники тюрем, лагерей, несправедливые и подлые «особисты», из них формируются расстрельные команды и мифологизированные заградотряды. На экране они всегда выгодно отличаются от простых солдат РККА лучшим обмундированием и здоровой упитанностью. Этакие «плохиши», которые окопались в тылу и всегда готовы выстрелить в спину фронтовику.

Тем не менее история Великой Отечественной войны изобилует фактами прямого участия войск НКВД в боевых действиях. И положительным подтверждением является рост исследовательского интереса историков к боевому прошлому данных частей и соединений, выступавших, порой, как войска специального назначения. Эта история стала доступной после рассекречивания архивов госбезопасности и опубликования сборников исследовательских работ, освещающих данную тематику.

«К началу Великой Отечественной войны численность войск НКВД составляла более 340 тыс. человек — около 7% от общей численности вооруженных сил СССР (около 4,8 млн человек)» [2].

Большие потери личного состава, понесенные РККА в начале войны, вынуждали верховное командование использовать внутренние войска в качестве резерва для пополнения армии, преобразуя их в стрелковые дивизии.

«Необходимо отметить, что в боях на начальном этапе войны боеспособность подразделений внутренних войск оказалась гораздо выше, чем

у кадровых частей Красной Армии. Многие из частей и соединений внутренних войск, переданных в действующую армию, стали гвардейскими, получили почетные наименования и были награждены орденами» [3, с. 75].

Части внутренних войск в составе РККА участвовали в обороне Риги, Таллина, Могилева, Одессы, Киева, Запорожья, Харькова, Донбасса, Ленинграда и Тулы. Семь дивизий и три бригады войск НКВД принимали участие в битве за Москву.

Под Ленинградом 21-я стрелковая дивизия НКВД остановила натиск немецких войск на лиговском направлении в четырех километрах от города. В ожесточенном сражении за «Невский пяточок» более полугода участвовали части 1-й и 20-й стрелковых дивизий НКВД.

Тяжелой ценой выполнила задачу по удержанию Сталинграда до подхода армейских частей 10-я стрелковая дивизия войск НКВД СССР, которая вместе с милицией и ополчением летом 1942 г. приняла на себя первый удар 6-й армии Паулюса. Из 7,5 тыс. человек в ней уцелело около двухсот. В дальнейшем переформированная и пополненная дивизия, переданная в состав РККА, стойко сражалась на Курской дуге.

Части НКВД проявляли упорство в сражениях за Кавказ. Из наиболее подготовленных бойцов были сформированы особые горно-стрелковые части, успешно противостоявшие подготовленным немецким горным егерям, хваленым «эдельвейсам». В ожесточенных боях, суровых условиях высокогорья эти солдаты и офицеры не позволили противнику перейти через Кавказский хребет.

Одновременно органы внутренних дел удержали Кавказ от скатывания к террору по отношению к органам власти в советском тылу, ведя наступательную борьбу с бандформированиями, часто связанными с немецкой агентурой.

Малоизвестной страницей отечественной истории является участие войск НКВД СССР (в основном погранвойск) в штурме укрепленной столицы Восточной Пруссии Кенигсберга в апреле 1945 г. [4]. Умелые действия пограничников и тесный контакт с армейскими подразделениями способствовали скоротечному падению гитлеровцев и пленению большой группировки войск противника. При этом органы внутренних дел решали в эти годы и свойственные им задачи по поддержанию правопорядка, охране тыловых объектов и коммуникаций, борьбе с диверсантами, шпионами, коллаборационистами и дезертирами, конвоированию и размещению военнопленных.

НКВД СССР активно формировал партизанские отряды, координировал их деятельность и подпольного движения, снабжал оружием и раз-

веданными. Всего в ведении Наркомата находилось более 6,2 тыс. партизанских отрядов численностью более 1,3 млн бойцов.

Войска НКВД также обеспечивали охрану тыла действующей Красной Армии (коммуникаций и промышленных объектов), конвоировали военнопленных, вели борьбу с диверсантами и шпионами, дезертирством и бандитизмом, решали целый ряд других, в том числе не свойственных им задач.

В освобожденных от врага городах и селах гарнизоны внутренних войск оказывали деятельное содействие милиции по наведению и поддержанию порядка.

НКВД СССР играл ключевую роль в ликвидации остатков немецких войск и антисоветского националистического подполья в Прибалтике и на Западной Украине. Было ликвидировано почти 8,5 тыс. бандформирований общей численностью свыше 178 тыс. человек.

В годы Великой Отечественной войны сотрудники и бойцы НКВД с честью исполнили свой долг, проявив выдающуюся храбрость и мужество. Более 400 стали героями Советского Союза, пятеро из них — дважды.

18 соединений и воинских частей войск НКВД СССР отмечены государственными наградами и почетными наименованиями.

Многие сотрудники отдали жизнь на полях сражений с врагом, в схватке с дезертирами, бандитами, преступниками. Сохранение светлой памяти о павших героях войны, о честных и самоотверженных служителях правопорядка — задача будущих поколений правоохранителей.

В современной России память о событиях Великой Отечественной войны служит мощным ресурсом развития гражданского самосознания. Согласно социологическим исследованиям Великая Отечественная война рассматривается всеми поколениями россиян как символическая ценность, основа национального самосознания, единства и всенародной мобилизации.

Стремительное развитие информационных технологий, социальных сетей и искусственного интеллекта, уже сейчас имеющих возможность воздействовать на конкретного человека и его особенности восприятия мира, позволяют разработчикам влиять на индивидуальное и коллективное сознание и формировать общественное мнение о тех или иных событиях и исторических процессах.

В настоящее время насыщенность инфопространства недостоверными сведениями и просто информационным мусором не позволяет своевременно и эффективно бороться с ними.

Перед отечественными учеными стоит задача устранения пробелов в истории страны и Великой Отечественной войны как ее ключевого со-

бытия. Существующие пробелы позволяют вложить в сознание человека информацию, в том числе и фальсифицирующую исторические события. Объективное изложение исторических процессов в стране и мире в официальных источниках позволяет повысить уровень доверия к ним, вырабатывать у граждан способность критически анализировать информацию. Высокие требования необходимо предъявлять также к разработчикам учебников по отечественной истории и кинематографистам.

Что касается нашей темы, то одним из таких пробелов является недостаточность сведений о деятельности НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны.

Список источников

1. Стрелецкий Я. И. Наш ответ на ложь — это правда // Военно-исторический журнал. 2020. № 5.
2. URL: <https://history.wikireading.ru/64678/> (дата обращения: 06.05.2025).
3. Емельянов В. М. Участие войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 4.
4. URL: <https://topwar.ru/18537-maloizvestnaya-stranica-voyny-voyska-nkvd-v-boyah-za-kenigsberg.html> (дата обращения: 22.04.2025).

Ф. 3. Саидов

Традиционные ценности в семейном праве Киргизской Республики

Киргизская Республика (далее — КР) стремится к формированию правового, демократического, светского и социального государства, где права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Проводимая на современном этапе в КР реформа направлена на защиту традиционных и семейных ценностей киргизского общества [1, с. 44].

В настоящее время, КР признает, что семья — это основа общества [6, с. 149]. Кроме того, общество и государство взяло на себя обязательство охранять и защищать традиционные семейные ценности [2, с. 65–71].

Актуальность проблемы защиты и сохранности традиционных семейных ценностей в КР все шире приобретают правовую форму. Например, Конституция КР и Семейный кодекс КР содержат норму, в соответствии с которой почитать старших и уважать младших — священный долг киргизского народа. Президент КР С. Н. Жапаров в своих высту-

плениях перед парламентом, правительством, народным курултаем (общественно-представительное собрание) отмечает, что традиционные семейные ценности должны передаваться от старших к младшим.

Традиционные семейные ценности требуют особого внимания со стороны органов публичной власти, общества и институтов [3, с. 125]. В 2016 г. однополые браки на территории Киргизстана запрещены, Семейный кодекс КР определил, что брак — это добровольный союз между мужчиной и женщиной с целью создания семьи. В 2024 г. Кабинет министров КР вынес на общественное обсуждение поправки в Семейный кодекс КР в целях укрепления и сохранения традиционных семейных ценностей, а также развития института семьи. Вносимые поправки касались расширения перечня лиц, с которыми брак не может быть заключен, например, с осужденными, отбывающими наказание; попечителем и подопечным в период попечительства; между родственниками по прямой линии или лицами одного пола. Кроме того, брачующиеся обязаны сообщать друг другу о состоянии своего здоровья, запрещены религиозные браки без государственной регистрации. Лица уклоняющиеся или отказывающиеся пройти государственную регистрацию несут юридическую ответственность. Чтобы данная норма была реализована необходимо, по нашему мнению, сначала пройти государственную регистрацию, затем мулла (священно-служитель) может провести соответствующий обряд.

Полагаем, что в законодательстве должен найти отражение еще один важный аспект, касающийся брачного возраста. Действующее законодательство КР предусматривает, что при наличии уважительных причин исполнительные органы местного самоуправления вправе по просьбе брачующихся снизить возраст не более чем на один год на основании заключения уполномоченного государственного органа по защите детей. Исключение данной нормы позволило бы уменьшить количество разводов. Согласно статистическим данным Национального статистического комитета КР, количество разводов с каждым годом растет, например, в 2024 г. их зарегистрировано 13 397, что на 5,8% больше, чем в 2023 г. (12 662 разводов). Однако не все поправки получили нормативное закрепление в законодательстве. С нашей точки зрения, киргизское общество должно придавать данному направлению особое внимание и активно принимать участие в обсуждении законопроектов, которые публикуются на официальных сайтах органов публичной власти [4, с. 321–325].

Религия и обычаи киргизского народа отражают ясное установление прав и обязанностей для всех членов семьи. Указанные правоотношения наиболее полно представлены в эпосе Манас [5, с. 45]. Г. Б. Айдарбеков

справедливо отметил, что «на смену традиционным семейным ценностям приходит новая система (однополые браки, массовые разводы, семейное насилие, внебрачные дети, фиктивные браки), которая не свойственна правовой культуре кыргызского общества» [6, с. 10].

Таким образом, кыргызское общество совместно с органами публичной власти и институтами гражданского общества заинтересовано в сохранении и соблюдении указанных норм с учетом исторических и современных особенностей мирового сообщества.

Список источников

1. Акаев А. А. Раздумья на судьбоносном этапе : монография. Бишкек, 1994.

2. Саидов Ф. З. Институт народного курултая в Киргизской Республике: история, современность, перспективы // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1(69).

3. Чотонов У. Ч. Кыргызстан по пути суверенитета // Историко-политический анализ. Бишкек, 2007.

4. Корабельникова Ю. Л. О роли гражданского общества в конституционном развитии России // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 2А.

5. Байджиев М. Сказание о Манасе: поэтическое переложение первой части трилогии эпоса «Манас». Бишкек, 2010.

6. Айдарбекова Г. Б. Проблемы формирования национальной правовой культуры в Кыргызстане // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. № 2(98).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимова Екатерина Юрьевна — адвокат Уральской коллегии адвокатов Свердловской области (г. Среднеуральск)

Антипов Алексей Владимирович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук (г. Москва)

Бекряшев Андрей Клавдиевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России

Бондаренко Юлия Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России

Бурьянов Сергей Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент, научный руководитель сетевого сообщества, ориентированного на достижение устойчивого развития «Global Law Forum» (г. Москва)

Бурьянов Максим Сергеевич — магистр юриспруденции, аспирант Московского городского педагогического университета, эксперт Молодежного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации (г. Москва)

Васечко Вячеслав Юрьевич — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (отдел права) (г. Екатеринбург)

Вершок Ирина Леонидовна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)

Воробьева Елена Юрьевна — кандидат философских наук, доцент департамента очного обучения Сибирского института бизнеса и информационных технологий (г. Омск)

Гальцева Наталья Владимировна — адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России (г. Москва)

Гененко Яна Петровна — командир взвода факультета подготовки сотрудников полиции Омской академии МВД России

Денисенко Снежана Валентиновна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Денисов Сергей Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прав человека юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)

Денисова Любовь Владиленовна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва)

Джуад Юлия Юрьевна — кандидат философских наук, доцент департамента философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

Зуева Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва)

Игнатенко Владимир Александрович — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Красноярского государственного аграрного университета

Килимник Евгений Витальевич — доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

Корниленко Александр Владимирович — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России (г. Москва)

Кустарёв Роман Алексеевич — адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России (г. Москва)

Малявина Анна Борисовна — кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Ростовского юридического института МВД России (г. Ростов-на-Дону)

Мантуров Олег Сергеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

Мартишина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск)

Мелихов Александр Иванович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва)

Миргородский Андрей Александрович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России

Митракова Елена Николаевна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (г. Москва)

Морозов Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Морщакина Мария Сергеевна — старший преподаватель кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва)

Нечепуренко Алексей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России

Петров Александр Викторович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Писаревская Евгения Ильинична — курсант Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России

Пономарев Сергей Борисович — доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (г. Ижевск)

Попов Дмитрий Владимирович — доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Працко Геннадий Святославович — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону)

Руди Амина Шамильевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения

Саидов Фархад Зирофович — кандидат юридических наук, инспектор-методист учебно-инспекционного отдела Республиканского учебного центра Киргизской Республики имени генерал-майора милиции Ж. Шабирова (г. Бишкек)

Сезонова Татьяна Владимировна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

Серебренников Иван Николаевич — адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России (г. Москва)

Синченко Георгий Чонгарович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Сосункевич Юрий Александрович — преподаватель кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Третьякова Анна Игоревна — преподаватель кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Тумин Александр Юрьевич — кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Филимонов Александр Григорьевич — кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Шавеко Николай Александрович — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург)

Шинкевич Владимир Ефимович — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

Шрайбер Ангелина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России

Яковлева Лариса Владимировна — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 5 по исследованию проблем расследования преступлений Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (г. Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ, ЦЕННОСТНЫЕ И УТИЛИТАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА. ПРАВО В ПРОСТРАНСТВЕ РЕГУЛЯТОРОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Мартишина Н. И. Нормативность как сущностное свойство культуры	3
Синченко Г. Ч. Модели соотношения политико-правовой практики и теоретико-философской рефлексии в условиях радикальных перемен	6
Руди А. Ш. Единичное, особенное и всеобщее в онтологическом понимании права	10
Денисова Л. В. Онтология потребностей и потребность в праве	13
Васечко В. Ю. Реабилитация уголовной антропологии в позднесоветском криминологическом дискурсе	15
Воробьева Е. Ю. Цифровой двойник пространства в социокультурном континууме	21
Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Цифровые права человека как вектор эволюции права и государства в эпоху глобальных технологических инноваций	25
Денисов С. А. Философия конституционализма об основаниях конституционного права	29
Анисимова Е. Ю. Принцип приоритетной защиты прав и свобод человека в персонцентристском типе государства и права	33
Джуад Ю. Ю. Об идентичности права и идентичности в праве	37
Корниленко А. В. Право государства на насилие: онтологические и моральные аспекты	42
Кустарёв Р. А. Интерпретация как основание возникновения особого вида правоотношений	45

Мелихов А. И., Працко Г. С. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: институциональное размежевание.	48
Нечепуренко А. А. Сущность судимости как уголовно-правового явления.	52
Серебренников И. Н. Преюдиция: сущность и новые подходы к определению понятия.	56
Бекряшев А. К. Адам Смит о неопределенности.	58

РАЗДЕЛ II. ПРАВО В СИСТЕМЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ: ПРАВО И МОРАЛЬ, ПРАВО И РЕЛИГИЯ. ПРАВСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Вершок И. Л. Вопросы динамики правового сознания в правовом поведении: постановка проблемы.	63
Антипов А. В. К проблеме морального и юридического статусов цифровых останков.	67
Игнатенко В. А. Книга Притчей Соломоновых о принципах деятельности совещательного органа Древнего Израиля: правовой аспект.	69
Малявина А. Б. К вопросу о сущности и значении правового воспитания как средства формирования правовой культуры.	73
Мантуров О. С. Особенности формирования правового сознания сотрудников органов внутренних дел в условиях негативного информационно-психологического воздействия.	77
Яковлева Л. В. Мораль и уголовное право: диалектика взаимодействия.	82
Попов Д. В. «Технологическая республика»: политико-правовой вызов нового союза государства и науки.	85
Петров А. В. Ценностные оппозиции классического либерализма и неолиберализма.	94
Килимник Е. В. Украинский национализм и его искаженное восприятие современным западноевропейским социумом.	97
Миргородский А. А., Писаревская Е. И. Человек в социально-правовой и религиозной парадигмах духовной жизни.	102
Пономарев С. Б. К проблеме философского анализа тюремной субкультуры.	106

РАЗДЕЛ III. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЮРИСТА. ЭТИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шавеко Н. А. Образ юриста — судебного представителя в контексте гражданских добродетелей: идеал и реальность.	110
---	-----

Шинкевич В. Е. О некоторых этических особенностях оперативно-розыскной деятельности	115
Сезонова Т. В. Нравственные аспекты судебно-экспертной деятельности	119
Денисенко С. В. Воплощение принципа государственности в имидже государственного служащего	122
Шрайбер А. Н. Профессиональные качества женщины-полицейского в оценках жителей г. Барнаула	125
Гальцева Н. В. Философский аспект деятельности органов внутренних дел в сфере общественного правопорядка и общественной безопасности	129
Морщакина М. С. Полиция в социальных медиа: этические аспекты деятельности	133
Митракова Е. Н. Самомотивация как инструмент профилактики эмоционального выгорания в деятельности сотрудников органов внутренних дел	137

РАЗДЕЛ IV ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРАВО

Третьякова А. И. Традиции в современном глобализирующемся обществе	142
Морозов А. А. Ценностные смыслы исторических памятников: историческое свидетельство и место памяти	145
Бондаренко Ю. В. Право в русской религиозно-философской мысли XIX – начала XX веков	149
Зуева О. В. Исторические этапы формирования доверия граждан к полиции в России: от реформ Петра I до современных преобразований	153
Филимонов А. Г. Народное представительство в дореволюционной России	158
Гененко Я. П. Гражданское общество в исследованиях С. Л. Франка	162
Тумин А. Ю. Служение Отечеству как категория философского анализа	166
Сосункевич Ю. А. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне и об участии в ней войск НКВД... ..	170
Саидов Ф. З. Традиционные ценности в семейном праве Киргизской Республики	174
Сведения об авторах	177

Научное издание

ОНТОЛОГИЯ И АКСИОЛОГИЯ ПРАВА

Редактирование и корректура Е. А. Жукова

Технический редактор М. Ю. Чалкова

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 30.09.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 110 экз. Заказ № 232.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7